Джими Хендрикс, история брата

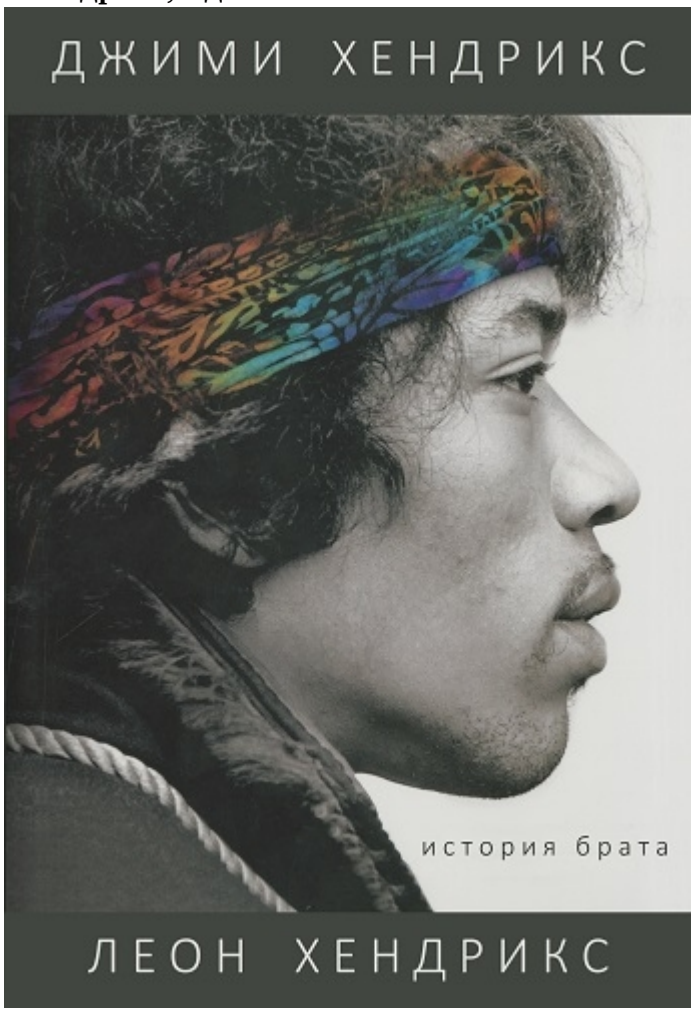
Леон Хендрикс
Адам Мичелл

SHOUT
SHARE
IT

- Джими Хендрикс, история брата
  -
  - Пролог
  - Глава 1. Квартал Райнер–Виста
  - Глава 2. Цыганята
  - Глава 3. Чужие семьи
  - Глава 4. Обнаружение музыки
  - Глава 5. Играя с группами
  - Гдава 6. От Rocking Kings до армии
  - Глава 7. Жизнь без Бастера
  - Глава 8. Улицы Сиэтла
  - Глава 9. 6 сентября 1968 года
  - Глава 10. Калифорнийская мечта
  - Глава 11. Продолжение мечты
  - Глава 12. В армии и не только
  - Глава 13. Сумерки
  - Глава 14. Свобода и последствия
  - Глава 15. Мошенники от рок–н–ролла
  - Глава 16. Без отца
  - Эпилог
  - Благодарю вас за свою жизнь

Джими Хендрикс, история брата

Леон Хендрикс, Адам Мичелл



Пролог

Одним ранним сентябрьским утром меня разбудили лучи восходящего солнца, осветившие через ряд окон на противоположной стене выкрашенную в зелёный цвет решётку и стену моей 6 на 6 камеры. От этого цвет стен стал ещё более давящим на мозги. Я стал собираться на ставшую уже мне привычной работу на кухне, когда услышал приглушённые голоса, доносящиеся из камер на нижних этажах. У ребят были включены уже радиоприёмники, но это больше походило на перешёптывание.

Вдруг, в утренней тишине раздался возглас:

— Слушай, друг, кончай трепаться!

— Говорю тебе, умер Джими Хендрикс! — произнёс другой голос. — Только что слышал по радио.

— Заткнись! — одёрнул его ещё один. — Разве ты не знаешь, там, прямо над нами его младший брат.

Сначала я не придал никакого значения услышанному, мало ли люди о чём могут спорить.

До меня уже доходили время от времени слухи, что брат умер, и я подумал, что они обсуждают очередную небылицу, которую напечатали в газетах, чтобы привлечь читателей и увеличить свой тираж. Все эти годы журналисты приписывали Джими такие вещи, которые он никогда не делал, и рисовали его таким монстром, каким он никогда не был. Обычное дело, слухи, сплетни и никакой правды.

Но вскоре, сообщение, переданное по внутренней трансляции, разрушило мир в нашем Си–блоке.

— Заключённый Леон Хендрикс, номер 156724. Вас ждут в кабинете капеллана.

Моё сердце сжалось, такое объявление могло здесь означать только две вещи, либо тебя выпускают на свободу, либо кто–либо из твоих родственников умер. Но до моего освобождения оставалось ещё шесть долгих месяцев.

В полной тишине раздалось кляцание открывающегося замка на двери моей камеры, в полной тишине провожаемый взглядами остальных заключённых я шёл по тюремному коридору по направлению к кабинету капеллана. Пока я шёл, где–то в одной из камер по радио заиграла If 6 Was 9. Капеллан стоял у своего стола и рядом с ним стоял телефонный аппарат.

— Плохие новости, сынок, — сказал он

За все девять месяцев моего здесь пребывания он не был так серьёзен как в этот момент.

— Твой отец на линии и хочет переговорить с тобой.

Осторожно сняв трубку, я поднёс её к уху и услышал знакомый скрипучий голос. Я всегда рад слышать его, но теперь всё было по–другому.

— Что случилось, отец? — медленно, будто оттягивая время, спросил я.

— Я не хотел бы этого тебе говорить, но Джими уже больше нет, сынок. Они говорят, он умер этой ночью, — скороговоркой произнёс отец сквозь слёзы. — Но не волнуйся, всё будет хорошо.

— Да, я понимаю.

Только это я и мог заставить себя произнести. После разговора с отцом, я не помню, как вышел из кабинета. Опомнился, когда эмоция начала кричать где–то внутри живота. Нужно было скорее добраться до своей камеры, пока крик не вырвался наружу. Охране бы это не понравилось.

Я виделся с Джими больше года назад, как раз перед тем, как меня замела армейская полиция и передала в руки городской. И вот теперь, я уже наверняка не увижу его никогда, по крайней мере, в этой жизни. Только одна вещь держала меня на плаву всё это время, объединить наши пути, после того, как отсижу срок. Мы с Джими предполагали начать работать вместе и предпринять новые путешествия, но теперь этому уже не суждено было случиться.

Вернувшись в камеру, остаток дня я молча просидел на углу своей кровати, перед моим взором проносились годы, проведённые нами вместе. По тюремным обычаям меня заперли на 72 часа, так делалось со всеми заключёнными, когда им из дома приходили плохие известия. Итак, я был заперт в своей камере. Я улыбался, вспоминая счастливые времена, и рыдал, когда на меня наплывали грустные. Как ни старался, я не мог сдержать слёз. С тех пор как я попал в Монро, я обнаружил, что могу управлять своими чувствами. Но теперь, я вдруг осознал, что надежда пропала. Здесь, в тюрьме, это единственное, что не могут у тебя отнять.

В конце дня, я поднялся и подошёл к решётке. Почувствовав кожей лица холод стали, я поднял глаза к окнам на противоположной стене. Начинались сумерки и свет слабел. Я смотрел, как угасает последний луч, пробивающийся из дальнего окна, я не мог оторвать взгляда от ночного неба. Я стоял в оцепенении с пустотою в груди, размышляя, где найти сил, унять эту боль. Вот ещё чуть блеснул напоследок луч и солнце село.

Глава 1. Квартал Райнер–Виста

Одни из моих ранних воспоминаний, связанных с моим старшим братом, возвращают нас в сиэтловский квартал Райнер–Виста. Наш отец, Эл Хендрикс, и наша мать, Люсиль, пили ежедневно, отправляя нас играть во двор, где в любое время всегда кто–нибудь был, там и происходило наше взросление. Мне не было ещё и двух лет, а Джими уже шесть, может быть семь. Даже во дворе было слышно, как шумно они встречали очередной день — звон льда о стекло стаканов и взрывы смеха неслись из родительской спальни. Иногда, заглядывая в окно, я видел родителей, казавшихся такими счастливыми. Но на самом деле, это было далеко не так. И папа, и мама, оба, любили выпить и повеселиться. Но концу дня воздух накалялся и отношения приобретали другой оборот. Слышались вопли и проклятия.

В то время их отношения только начинались и ничто не предвещало беды, они вовсю радовались жизни. Мама была очень молода, когда встретила отца. Ей ещё не было и 17–ти, когда он впервые пригласил её на танец в клубе Вашингтон. Старше на шесть лет, отец никак не предполагал, что между ними могла возникнуть страсть, но время рассудило их по–своему. Так как оба любили танцевать, то быстро сблизились и стали всюду ходить вместе. Отец нашёл работу помощника официанта в ресторане Ben Paris на Пайк–Стрит, затем работал разнорабочим в дневную смену в чугуно–литейном цеху, пока не ушёл оттуда и не устроился в биллиардную Ханисакла. В целом жизнь их протекала счастливо.

Но вот японцы атаковал Перл–Харбор и всё кругом изменилось. Отец получил повестку, а мама была беременна. И они сделали лучшее, что могли сделать в таком тяжёлом положении — они поженились. Отец надеялся, что так его скорее демобилизуют. Поженились они 31 марта 1942, меньше чем за неделю до того, как его призвали. Сначала был Форт–Люис, затем его отослали в Форт–Силл, штат Оклахома, для подготовки.

Отец служил в Кэмп–Рукере в Алабаме, когда получил телеграмму от тёти Долорес, маминой сестры, с сообщением о рождении ребёнка. Он гордился сыном, которого мама назвала Джоном Алленом Хендриксом. Уже на судне, увозящем его за океан, в начале января 1943 отца догнало письмо тёти Долорес с вложенной фотографией его мальчика, так что он смог впервые увидеть как вырос его малыш. Но война забрала всё его внимание. Бесконечные переезды с базы на базу — Фиджи, Гвадаканал и даже Новая Гвинея.

А дома, в Сиэтле, маму сразили трудности. Какой–то друг зашёл однажды за ней и она сдалась и перестала вообще заботиться о своём малыше. Ведь она была так молода и она опять окунулась в мир веселья и танцев. Она переходила из одной компании в другую, пока и эта ноша не стала тяжела для неё. Неспособная заботиться о сыне, наша мама была вынуждена пойти на отчаянный шаг. После короткого разговора с бабушкой Кларисой и бабушкой Джетер, папин сын окончательно перешёл в руки некоей миссис Уолс, но также на короткое время, так как та неожиданно умерла. К счастью, её сестра, миссис Чамп, взяла ответственность за маленького Джонни на себя. Вернувшись с ним домой к себе в Беркли, она тут же описала в письме, адресованном отцу, сложившуюся ситуацию. Трудно представить, что пронеслось у него в голове, ведь он находился на другом конце света и совершенно не представлял, что могло твориться дома. Его мальчик живёт в Калифорнии? А его мать… папа не имел никакого понятия, где она могла бы находиться.

Возвратившись с войны домой, в сентябре 1945, первым делом папа отправился в Беркли за своим малышом. Не думаю, что мой брат обрадовался тому, что нужно покидать дом, в котором он провёл целые три года. Только представьте, в дверях появляется незнакомец, которого он никогда не видел, или, может быть, он видел это лицо на выцветшем военном фото? И этот незнакомец вдруг говорит, что он его отец и что ему нужно куда–то далеко с ним ехать. Ни один ребёнок такое не примет с радостью. Но это оказалось ещё не самое худшее. Вернувшись в Сиэтл, отец привёл моего брата в Окружной Департамент, официально переименовать его из Джона Аллена Хендрикса в Джеймса Маршалла Хендрикса! Моего брата лишили не только людей, которых он считал своей семьёй, но и лишили его имени! Впредь он не Джонни Ален, а Джимми!

Отец не стал возвращаться в центральный район Сиэтла, где прежде жил. И незадолго до того как объявилась наша мама, он поселился с моим братом у её сестры в доме тётушки Долорес в квартале Йеслер–Террас. Думаю, отец даже не предполагал, что могло произойти дома, пока он был на войне. Он всё ещё любил её. И неважно, где она пропадала и чем занималась, уверен, отец не мог не любить её. Итак, они помирились и решили завести ещё ребёнка. Решили вернуть себе утраченные четыре года нашего детства.

Когда 13 января 1948 пришёл к ним я, Леон Моррис Хендрикс, папа с мамой даже подрались за право первыми взять меня на руки, настолько отец был рад второму мальчику в семье. Из–за этой войны он пропустил ранние годы моего брата и теперь

ему открылся второй шанс пережить младенчество своего сына. Сразу после моего рождения мы все вчетвером переехали в дом с двумя спальнями, 3022 по Дженисси–Стрит, в квартале Райнер–Виста, такие дома заселялись в первую очередь ветеранами. В военное время правительство в ожидании японского вторжения застроило бараками для военнослужащих весь Сиэтл и после окончания войны это дешёвое жильё стало заселяться в основном чёрными и еврейскими семьями.

Не прошло и года, как я нарисовался в этом мире, мама родила ещё одного мальчика, они с папой назвали его Джозеф Аллен Хендрикс. Я был слишком мал, чтобы запомнить Джо, но я хорошо помню, что с его приходом отношения между родителями стали резко портиться. Джо родился с волчьей пастью, одна нога короче другой, а ладонь изуродована. На его лечение уходила уйма денег и родители не выдержали. За помощью отец обратился к своей матери, нашей бабушке Норе Хендрикс, решив, что лучшее для нас троих будет провести лето 1949 в её доме в Канаде. К несчастью, дома всё оказалось ещё хуже, когда мы трое вернулись в квартал Райнер–Виста в конце лета. Денег в семье не прибавилось и родители не могли обеспечить Джо тот медицинский уход, в котором он нуждался.

Осенью 1950, кода мой брат перешёл во второй класс школы Горация Манна, мама родила слепую девочку, назвав её Кати–Ира. Она родила её на 4 месяца раньше срока. Теперь нас было уже четверо, и двоим требовался специальный уход. Промучившись с нами весь следующий год, у них не было выбора, как поместить Катю–Иру в специализированный приют.

В октябре 1951, сразу после того как Катю отдали, мама родила ещё одну девочку, её назвали Памелой. Из последних сил заботясь о Джимми, Джо и обо мне, родители вынуждены были отдать и её в приют.

К этому времени мой брат уже учился в третьем классе, но уже в другой школе, в квартале Райнер–Виста. Наша семья продолжала жить в доме из 3–х комнат. Не получая никакой медицинской помощи, Джо боролся сам изо всех сил за свою жизнь. Чтобы не ходить на костылях, ему срочно требовалась операция на ноги. Но на хирурга денег в семье не было.

Наш дом по–прежнему оставался самым популярным местом в квартале, непрерывно, кто–то приходил или уходил. Забегая в дом во время наших игр во дворе, мы незаметно крали капли из недопитых пивных бутылок, стоящих всюду, на полу, возле дивана, на кофейном столике. Взрослым казалось очень забавным, как мы, схватив бутылку, давились, стараясь незаметно сделать глоток побольше. Мы сгорали от стыда, но много позже я

узнал, что родители специально оставляли бутылки недопитыми на три–четыре глотка для нас, где–нибудь в спальне или на комоде. Я был страшным непоседой и родители считали, что небольшая доза алкоголя сделает меня более тихими. И действительно, после пары побед над пивом, я стихал и делался послушным маленьким мальчиком.

Многие не понимают, почему в детстве моего брата все звали Бастером, а не Джимми. Много позже он для всех стал Джимми, будучи уже самостоятельным и коммуникабельным. Имя это дал ему отец, вернувшись с войны. Оно не нравилось брату, но отец упорствовал и они вечно спорили.

— Это не моё имя, — всхлипывал брат. — Меня всегда звали Джонни!

— Я последний раз говорю тебе, парень, твоё имя Джеймс Маршалл Хендрикс! — кричал отец в ответ на его слёзы. — Джимми, вот так тебя зовут!

Со временем брат понял, что отца не переубедить и никогда он не станет звать его Джонни. Срочно нужен был компромисс, чтобы не вводить отца в неистовство. Как раз тогда стали показывать первую серию про Флэша Гордона, брату нравился главный герой, которого играл Ларри "Бастер" Краббе, и он решил назвать себя в его честь. Так брат и стал Бастером.

По субботам отец иногда брал нас в Райнер–Виста–холл, где можно было посмотреть этот сериал. Это случалось редко, так как билеты стоили денег, а просить отца постоянно, брат не решался. Даже тогда, когда отец собирался раскошелиться, он до последнего держал нас в неведении. Когда отец отвечал "нет", мы знали, что это наверняка отказ, если же он говорил "может быть", мы понимали, что в кино мы пойдём. Но следовало долгое ожидание, иногда он томил нас часами, прежде чем, запустив руку в карман, доставал оттуда горсть мелочи.

За никель мы могли купить билет, если же он расщедривался ещё на один, то хватало на стакан попкорна. Больше всего нам нравился сериал Флэш Гордон, там были космические корабли и ракеты, волшебным способом летящие сквозь космос. Может быть "волшебства" никакого и не было. Может быть, это была леска, на которой была подвешена игрушечная ракета и, может быть, это был горящий коробок спичек, помогающий лететь ей в рамках чёрно–белого экрана. Но нам с братом эти 50 минут казались счастьем и мы с нетерпением ждали субботы, чтобы увидеть следующий эпизод. Возможно, прошло месяца два, прежде чем мы с братом пересмотрели все эпизоды. Эти сериалы были нашим путешествием в мир иллюзий за миллионы миль от нашего квартала, где с таким трудом проходило наше детство.

С этого времени брат стал настаивать, чтобы в семье его звали не иначе, как Бастер. У других членов нашей семьи были тоже свои домашние прозвища, связанные с разными привязанностями, но в голове моего брата твёрдо сидел образ героя, которого играл Бастер Краббе. И если дома кто–нибудь с какой–нибудь просьбой обращался к нему по имени, данному отцом, то он даже не реагировал. Отец поначалу пытался настоять на своём, приводя массу избитых доводов, но со временем тоже сдался, исчерпав весь свой запас. И так как брат не хотел быть Джимми, и ему не разрешалось быть Джонни, то он стал Бастером.

Так начала проявляться его непоколебимая воля и он даже сделал себе плащ из старых обрезков ткани.

— Я — Бастер, спаситель Вселенной, — выкрикивал он, когда мы носились по полям.

Он искренне верил в свои сверхъестественные способности… по крайней мере тогда. Я стоял и заворожённо смотрел, как он однажды взобрался на крышу нашего одиноко стоящего дома, высотой не превышающего и десяти футов, и прыгнул вниз, отчаянно размахивая руками. Он тут же убедился, что никакой сверхъестественной силы у него нет, шлёпнувшись о землю с таким грохотом, какого прежде я никогда не слышал, и я обрадовался, когда увидел, что он тут же вскочил на ноги. Но руки он тогда разодрал в кровь.

Услышав наши вопли, из дома выскочил отец, крича:

— Парень, ты в своём уме!? С чего это ты вздумал прыгать с крыши!?

— Я же Бастер Краббе, — сквозь слёзы начал объяснять ему мой брат.

Для меня, совсем ещё малыша, брат казался героем. Каждый день он заботился обо мне и бросался защищать меня, никому не давая в обиду. Когда бы я ни проголодался, он всегда находил способ накормить меня. А если наши родители затевали драку, он сгребал меня в охапку и в его объятиях я находил мир и покой.

Как только утром отец уходил на работу, к маме приходили её собутыльники, и времени для веселья у них был целый день. Всё было бы прекрасно, если бы поздно вечером не возвращался с работы отец. Сломав один или два засова, можете представить, какую радость выражал отец, увидев маминых собутыльников. Бывало он присоединялся к попойке, но будучи всё же чаще не в настроении, он вышвыривал их из своего дома вместе с мамой. Это продолжалось бесконечно. Случалось, папа с мамой пили одни, тогда весь вечер не смолкали крики, уговоры и угрозы. К ночи взрывы смеха становились всё громче. Казалось насмешкам

и обвинениям никогда не придёт конец. Но отец ни разу не поднял на маму руку, ни разу её не ударил, она же, выпив, приходила в бешенную ярость. И мама, будучи особенно сердитой, разбила об отцовскую голову не одну пивную бутылку или что–либо, обычно попадающее под руку. Мы с братом научились вести себя тихо, когда родители спорили. Я во всём слушался старшего брата и как только он понимал, что родители впадали в обычное для них состояние, мы запирались в задней комнате и пережидали бурю. Когда гроза наступала особенно яростно, мы забирались в шкаф. Там, сидя в темноте, до нас доносился приглушённый шум и мы с нетерпением ждали окончания грозы.

— Всё будет хорошо, Леон, — твердил мне брат, прижимая меня к себе всё сильнее.

На самом деле он знал, что дальше будет ещё хуже. Так мы проводили в шкафу час или даже два, пока отец с мамой не устанут и не лягут спать.

Никто из нас не мог предположить, чем это всё кончится. Короткие периоды передышки были, но они быстро проходили. Три недели мира сменялись одной плохой неделей и с каждым разом эти недели становились всё страшней. Отец всегда говорил маме быть рядом с нами, но она не могла долго выносить наше присутствие в доме. Несмотря на то, что они страстно любили друг друга, жить под одной крышей они не могли, и мама часто убегала из дома. В конце осени 1951 отец объявил её, что требует развода и что мы должны остаться с ним, так как она не способна заботиться о нас. Маме нечего было возразить и она согласилась. К тому же к этому времени её раздирали изнутри её собственные демоны. Помимо распада семьи, отец с трудом справлялся с заботой о трёх сыновьях и чтобы Джо получил надлежащий медицинский уход, родители вынуждены были отдать его в специализированный приют. И летом 1952 Джо неожиданно исчез. Ещё вчера он лежал в своей кроватке, а сегодня его уже нет. И пройдёт много лет, прежде чем наши пути встретятся.

Несмотря на это несчастье и на развод, мама с папой не могли долго обходиться друг без друга. Мама уже не жила с нами, но нас продолжал часто будить звон посуды, доносящийся с кухни по утрам, это мама готовила нам завтрак. И когда до нас долетал запах пирога или варёных сосисок, мы знали, что мама дома. Родители утверждали, что созданы друг для друга, но не для счастья. Не было ни одной причины, почему бы им жить вместе, но и расстаться они не могли. Когда мама приходила домой, мир держался буквально минуту, и получалось так, что она изгонялась сразу же, как только возвращалась.

Только через много лет я случайно узнал, что мама родила ещё одного мальчика, когда мне только исполнилось пять, в самом начале 1953 года. Также как и трое других, рождённых ею, у него были врождённые пороки и, назвав его Альфред, она тоже отдала его в приют. В то время мы с братом почти ничего про неё не знали. Она долго не появлялась. Но однажды мы увидели её в дверях, умоляющую нашего отца показать ей её мальчиков. Произошло это за несколько месяцев до того, как она поселилась у пивоваренного завода Райнера у своей матери, нашей бабушки Кларисы Джетер, и мы стали часто её видеть. В те времена машины у отца ещё не было и мы с Бастером вышагивали 13 кварталов, чтобы навестить маму после работы, а отец в это время шёл в Эдисон–Техникум на углу 33–ей и Йеслера, где он учился на электрика. Мамин дом располагался сразу за заводом. Стойкий запах хмеля и ячменя наполнял собой всё вокруг и не было никакой возможности скрыться от него. До сих пор, когда я слышу этот запах, я вспоминаю нашу маму.

Время, проведённое рядом с ней, мы считали раем. Нам она казалась ангелом, я помню запах её духов и как прекрасна она была, одетая в красивое платье. Она играла с нами и очень вкусно готовила. Любимым её завтраком были мозги с яйцами, а на обед шейные кости или Бигос (сосиски с квашеной капустой). Звучит это, может показаться, не так аппетитно, но было очень вкусно. Выбора у нас было не так уж много. Если у вас мало денег, то вы отправляетесь в мясную лавку в конце дня и покупаете то, что уже никто не купил. Мозги ужасно воняют, когда их варят, но приготовленные они даже очень неплохи на вкус. Мама была настоящим волшебником квашеной капусты. Всю ночь листья капусты вымачивались в уксусе, утром она их отжимала и варила вместе с польскими сосисками. Это было нашим с братом любимым блюдом.

После занятий в техникуме, отец заходил за нами к маме и, посадив меня на плечи, а Бастера взяв за руку, мы направляли свои стопы по направлению к дому. Брату не нравилось, что я восседал на отце, а ему весь путь приходилось преодолевать самому.

— Пап, Леон не спит, — многозначительно заявлял брат. — Посмотри. Он может и сам идти. Он хитрит.

А я таращил глаза, подмигивая Бастеру с высоты папиных плеч.

Наша тётя Долорес, Бог да хранит её, когда узнала, как трудно приходилось отцу, решила ему помочь. Несмотря на то, что у них с мужем, нашим дядей Бобом, было восемь детей, она регулярно стала навещать нас с Бастером. Не знаю, как бы

справился наш отец без её старания облегчить его напряжение.

Много лет обходящийся без автомобиля отец, взяв ссуду в Фонде Ветеранов, приобрёл чудесного небесно–голубого цвета Понтиак 1953–го года с белоснежным парусиновым верхом, тут же вызвавший зависть соседей. Ни у кого из них не было автомобиля с откидным верхом. Летом отец отвёз нас с братом в Ванкувер к своему сводному брату, дяде Франку с тётей Пёрл, где мы провели пару месяцев. После того, как отец приехал за нами в Канаду в конце лета и привёз нас с Бастером обратно домой в Сиэтл, он вдруг осознал, что не знает, что с нами делать, ведь он работал весь день, а мы оставались без присмотра. К счастью, его сестре, нашей тёте Пэт, рассказали о трудностях, с которыми столкнулся отец, и тётя Пэт предложила взять нас к себе, у них с мужем, дядей Джо, был собственный дом в Ванкувере по Дейк–Стрит.

Там, в Ванкувере, тётя Пэт с усердием взялась за наше воспитание. Она перевела Бастера в местную начальную школу Доусона, в своё время её окончил и наш отец, а я пошёл в подготовительный класс. Отец был уверен, что сможет навещать нас каждый уикенд. Но нам не суждено было надолго задержаться в Ванкувере. Неожиданно умер муж тёти Пэт, и ей пришлось срочно запаковать вещи и переехать с нами в Сиэтл к папе на Джинеси–Стрит. Тётя Пэт заняла одну комнату, а мы, я, Бастер и отец — другую. Мне нравилось, что тётя Пэт в течение дня занималась мною, пока Бастер был в школе (начальной школе Райнер–Виста). Мы были счастливы, отчасти потому, что тётя Пэт привезла с собой свой телевизор и теперь мы с Бастером не только слушали музыку по радио, но и могли видеть своих любимых музыкантов по телевизору.

Бог да благословит её доброе сердце, он жила с нами до тех пор, пока ни встретила своего второго мужа, которого тоже звали Пэт, и они ни купили дом на берегу озера Вашингтон. И снова отец остался наедине с нами, без всякой помощи со стороны. Шёл 1953 год, днём отец работал кочегаром на электростанции, а по вечерам по–прежнему ходил на занятия, чтобы получить специальность.

Несмотря на то, что с деньгами было трудно, папа нанял для заботы о нас приходящую няню, звали её Эдна Мюррей. Ему не надо было много времени, чтобы уговорить её, и она осталась жить с нами и с отцом. Но ни Бастер, ни я не были рады такому повороту Судьбы, потому что считали её чокнутой. Правда, оглядываясь назад, возможно, это была не её вина. Но ведь через столько рук мы прошли! Дома не было ни крошки, и Эдна кормила нас хлебом с кетчупом. Если вам никогда не

приходилось обедать таким кетчупным сандвичем, то поверьте мне, он так же плох на вкус, как и на слух. Может даже хуже. Но когда голоден, будешь рад и этому.

Однажды днём, когда отец зашёл домой, Бастер рассказал ему, что нам приходится есть на обед.

— Но, парни, вы же ничего не едите кроме кетчупных сандвичей! — воскликнул отец.

— Да, — подтвердил я. И добавил: — Потому что холодильник пуст.

Отец открыл холодильник, кроме полупустой бутылки старого кетчупа там ничего не было. Возразить ему мне было нечем. Но когда он вернулся поздно вечером после работы домой пьяный и уставший, он слышать не хотел наши жалобы и нытьё. Даже если он рано возвращался после смены, последнее, что он хотел дома услышать, так это жалобы со стороны своих двоих сыновей. Первое, что обычно отец произносил, входя в дом, это было неизменное: "Марш в постель!"

Любой другой на нашем месте чувствовал бы себя обделённым и несчастным, ведь у нас не было ни коробки с игрушками, ни телевизора, перед которым многие проводили свои вечера. Но мы не знали скуки, с нами было наше воображение! Мы были полностью предоставлены самим себе. Любимым нашим развлечением было, лёжа на траве за домом, разглядывать звёздное небо, раскинувшееся перед нашим взором. Бастер описывал мне разные созвездия, он знал все их по именам. В его голове теснились тысячи идей о том, как устроена вселенная и космос.

— Марс и Венера это планеты влюблённых, они возвращают людям потерянную любовь, — говорил он мне. — А прямо сейчас, мы с тобой несёмся сквозь космос, находясь на нашей планете. Кто знает, сколько их там? Я хочу сказать, сколько разных путей приходится преодолевать им. Там есть области и галактики, о которых даже никто не знает.

Вглядываясь в крошечные светящиеся точки на небе, я думал над тем, что там где–то есть ещё множество таких же как мы с Бастером мальчишек, которые лежат на своих задних дворах и смотрят в нашу сторону. Как раз там, на траве, мой брат начал сочинять свою нескончаемую поэму о жизни. Из него потоками лились рассказы о ледниках, некогда покрывавших нашу планету, о сгоревших планетах, о происхождении вселенной. Я до сих пор не могу понять, откуда он про это знал, но тогда, мне казалось это всё живой реальностью. И уже тогда я понимал, насколько по–другому Бастер видел окружающий нас мир. Я никогда не видел, чтобы брат что–либо читал, учился в школе он плохо, и мне

казалось, что эти знания были неотъемлемой его частью. Я всегда чувствовал, что он знает о чём–нибудь конкретном, то, чего никто не знает, и поэтому мне нигде не было с ним страшно. Не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы ни ежедневная его забота обо мне, если бы он не оберегал бы меня и не воспитывал бы меня в своей, такой необычной манере.

Помимо научно–фантастического сериала Флэш Гордон, Бастер зачитывался комиксами, если, конечно, они попадали к нему в руки. И герои, такие как Супермен и Бэтман привлекали его гораздо сильнее, чем Микки Маус или Дональд Дак. Но космос и внеземные миры восхищали его более всего.

— Интересно, вот бы отправиться в путешествие на космическом корабле и попасть на какую–нибудь другую планету или звезду. Я бы всю жизнь только и путешествовал по космосу, — любил часто повторять брат. — Не верю, что мы одни во Вселенной.

Такие слова приводили в замешательство всех взрослых по соседству. Вот какого склада был его ум. Под впечатлением Флэш Гордона мы с братом всё время высматривали в небе космические корабли, и не могу сказать, что я сильно был удивлён, когда однажды, после полудня, гуляя в полях, брат вдруг воскликнул, указывая рукой в небо, где вдали, над горизонтом, парил огромный диск.

— Смотри! — воскликнул он. — Ты видишь?

— Ух, ты! — воскликнул я в ответ, заметив какой–то непонятный объект прямо в небе.

— Тихо, не шуми.

Затаив дыхание, я стал рассматривать парящий вдали корабль. Его края пульсировали таинственным светом.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю, но я обязательно выясню.

Но как только брат сделал осторожный шаг по направлению к нему, он тут же стремительно взвился вверх и исчез из виду.

— Ничего, — сказал брат, повернувшись в мою сторону. — Я уверен, они вернутся.

Глава 2. Цыганята

Весной 1953 года дела отца пошли в гору, он стал работать в Инженерном Департаменте города Сиэтла, работая в бригаде ещё с несколькими парнями. В их обязанности входило следить за ветками деревьев, которые могут повредить линии электропередач. Деньги, регулярно получаемые в конце недели, плюс ветеранская пенсия позволили ему сделать первый взнос за небольшой дом на углу 26–й и Вашингтон–Стрит. Все вместе мы запаковали наши небольшие пожитки и выехали из бараков квартала Райнер–Виста.

Дом на Вашингтон–Стрит нам показался огромным и слишком роскошным для жилья. Впервые мы ходили по настоящему деревянному полу, впервые у нас была настоящая кухня, хотя и небольшая. Добавьте к этому небольшой огороженный задний двор, гараж, подвал и отопление. Нам с Бастером разрешалось следить за котлом, который работал на мазуте. Вместе мы тащили старую тележку с 5–галлоновой бочкой целый квартал от Ричланда, где мазут продавали по 19 центов за галлон, что по тем временам было недёшево.

В новом доме у нас с Бастером была своя собственная комната, более того, перед домом во дворе мы могли играть в футбол или бейсбол и днём и вечером. Не так уж много у нас было спортивного снаряжения, но нам оно нравилось и мы старались беречь его. Наши старые иссушенные бейсбольные перчатки буквально разваливались на ходу. Обшлага были порваны, и дырки на коже заклеены обрывками ленты. Нам было слишком стыдно отправляться в парк и играть в них в бейсбол с другими ребятами, мы боялись, что нас засмеют, поэтому мы звали наиболее близких друзей к нам во двор и играли там.

К сожалению, совсем недолго нам пришлось наслаждаться таким счастьем, сказалось влияние некоторых свойств нашего отца. Параллельно с тем, что отец изо всех сил старался улучшить наше с братом существование, он всё более и более погружался на дно. Таким изнурительным трудом заработанные деньги проигрывались и пропивались. Часто он вообще не приходил домой, оставался в кабаках и пытался в вине утопить своё несчастье. Его отношения с нашей мамой становились всё хуже, а мы приносили всё большие хлопоты. Редкий день, когда он казался полным сил. Он играл ежедневно. Ему недостаточно было проигранных пари в биллиардной — в тенистых аллеях он играл в кости, а оставшееся проигрывал за карточным столом. К концу вечера отец, оставаясь с пустыми карманами, пробовал

отыграться, а вы знаете, как это бывает редко.

Если он всё же возвращался домой с выигрышем, то на следующий день вёл нас в кинотеатр Атлас и по дороге мы останавливались только затем, чтобы купить конфет. Бастеру больше нравились Кларки, а мне Шугар–Дадди. Одним из первых фильмов, которые мы посмотрели в Атласе, был только что вышедший на экраны Prince Valiant (1954).

На следующий день, как только я возвратился из школы, с дороги послышались странные звуки и я пошёл проверить, кто так жалобно скулит за нашими воротами. Какая–то собака, еле дыша от быстрого бега, смотрела на меня своими большими глазами. Я позвал Бастера и мы впустили пса во двор. Ошейника на нём не было и мы с братом решили оставить его себе. К счастью отец в этот день вернулся в хорошем расположении духа.

Мы назвали его Принцем и стали брать его с собой, когда уходили играть, и неважно, далеко это было или близко от дома. Он оказался смышлёным псом, и иногда находил кого–нибудь из нас сам, проходя при этом несколько миль. Он делал большие круги через все наши обычные места игр, даже забегал к нашим друзьям, ища нас, поэтому домой мы всегда возвращались вместе.

К этому времени мама сменила жильё рядом с пивоваренным заводом Райнера на квартиру на углу 13–й и Йеслера. Она нашла себе более лучшую работу всего в квартале от дома в кафе Дальний Запад. Кафе в основном обслуживало таксистов из компании Фар–Вест. Иногда, когда у отца выдавался свободный день, он брал Бастера и меня в это кафе и мы занимали наш любимый угол. Оттуда нам была хорошо видна наша мама, снующая между столиками с карандашом в руках, подносами с едой и выпивкой и блокнотом для записи заказов. Если нам везло, то повар угощал нас бисквитом или куриными крылышками. Столик был слишком высок для меня и мама сажала меня на толстенный телефонный справочник, так что я вполне мог насладиться кулинарными изыскам.

Отцом нам с братом запрещалось одним ходить к маме домой, но это нас не останавливало и мы часто незаметно ускользали. Как только отец срывался на работу, мы совершенно незаметно для соседей исчезали из дома. Через подвал мы пробирались к чёрному ходу и оказывались на противоположной стороне улицы прежде, чем кто–либо успеет обратить на нас внимание. Обычно отец возвращался не раньше полуночи, обычно к часу ночи, так что у нас было предостаточно времени вернуться от мамы незамеченными.

Самое забавное в этом то, что отец часто грозился отослать нас к матери, как если бы это было самым страшным для нас

наказанием. Мы же, напротив, только и мечтали об этом. Мы с Бастером даже старались плохо вести себя, чтобы вывести отца из себя и чтобы он в сердцах отослал нас к маме. Однажды брат специально разбил настольную лампу и отец, рассердившись, собрал наши зубные щётки пару чистых рубашек, упаковал это и прогнал нас к маме.

— Чёрт бы вас побрал! — гремел он. — Что за парни! Я отошлю вас жить к вашей матери!

Реальной угрозой было для нас остаться дома без еды и света, да и находиться дома с отцом, для всех нас троих было сплошным страданием. Поэтому мамина квартира была для нас своего рода наградой. Всё что мы ни делали вместе, было для нас очень волнительным и запомнилось на всю жизнь. И не только то, что мы регулярно завтракали, обедали и ужинали. Просто нам было хорошо всем вместе.

Мы с братом посчитали чудом, что на рождество 1954 года мама вернулась. Они помирились и мы с Бастером оказались самыми счастливыми сыновьями в мире. Живя в квартале Райнер–Виста, праздники не приносили нам радости. Мы с Бастером обычно засыпали в рождественские вечера, мечтая проснуться на куче подарков, но этого там так никогда и не произошло. Единственное, что мы получали на Рождество, это намного денег, которые давала нам бабушка Клариса. Здесь же, в новом нашем доме на углу Вашингтона и 13–й, мы не спали всю рождественскую ночь, прислушиваясь, как наши родители шептались и шуршали обёрточной бумагой в другой комнате. В воздухе висело такое радостное возбуждение, что мы ни на минуту не смогли сомкнуть глаз в ожидании наступления утра. Это был один из тех немногих случаев, когда папа, мама, Бастер и я были действительно счастливы и ощущали себя одной семьёй.

Когда наконец, взошло долгожданное утреннее солнце, мы с братом выскочили из своих кроватей и понеслись к рождественскому дереву. Только наши с Бастером радостные улыбки были видны в ворохе разноцветной обёрточной бумаги, мы разворачивали подарки так быстро, как только могли. Мы взвизгнули, когда я в коробке обнаружил настоящий игрушечный экскаватор, миниатюрную точную копию Грейхаунда и красный фургон переселенцев, а Бастер — совершенно новый блестящий красный Швинн, настоящий кадиллак среди велосипедов! Не стоит говорить, что брат тут же захотел опробовать его в действии. Как только мы вытащили его на улицу, брат, посадив меня на раму, помчался на нём с такой скоростью, с какой только мог. Ему не терпелось показать всем друзьям такой великолепный подарок. До этого Рождества мы не получали ни одного подарка

и, естественно, нам хотелось чтобы все узнали, что наши родители подарили нам. Мы были на седьмом небе от счастья. Мы не знали, как реагировать, такое с нами было впервые. После полудня мы на новом велосипеде объездили все соседние улицы, заезжая в гости к каждому из нашего квартала. Мы совершенно забыли про то, что не предупредили родителей, и когда мы в конце дня вернулись домой, отец был пьян и ужасно рассержен.

— Вы, парни, вы пропустили Рождественский ужин! А ваша мама так старалась! Она трудилась всё это чёртово Рождество! — орал отец.

То Рождество было самым счастливым для всех нас. Это единственный момент, когда мы все ощутили себя семьёй. Но когда праздничное возбуждение спало, всё потекло по–прежнему руслу. Мы продолжали наши нескончаемые путешествия на этом несчастном велосипеде, но они не делали нас более счастливыми. Следующие несколько месяцев прошли под знаком алкоголя и драк. Этого времени отцу хватило, чтобы превратить нашего красавца Понтиака в побитый грязный драндулет. Хрупкий мир вокруг нас последовательно уничтожался. Автомобиль покрылся вмятинами и царапинами. Брезентовый верх был весь в порезах, а передняя фара разбита. И каждый раз как мы все вчетвером возвращались на нём домой, отец с матерью тузили друг друга прямо в машине и, казалось, к концу поездки от машины ничего не останется. Так с каждым разом нам с Бастером оставалось всё меньше и меньше места на заднем сидении, ведь там скапливались разбитые детали.

Последняя поездка на нашем Понтиаке оказалась самой трагичной. Погода была ужасной, мы все вчетвером возвращались после ужина в кафе Тай–Кунг домой. Как всегда наши родители много выпили за ужином и готовы были вцепиться друг другу в горло ещё до того как добрались через всю парковку к своему автомобилю и ни забрались внутрь. В дороге ситуация ещё более накалилась, машину мотало из стороны в сторону, но отец изо всех сил старался довести нас домой в целости и сохранности.

— У нас в машине два парня, Эл! — визжала мама. — Что ты делаешь?

— Прекрати кричать! — огрызался отец.

Сидя на заднем сидении, Бастер старался крепче меня обнять. При каждом повороте руля нас бросало то вправо, то влево. Мама, не вытерпев, вытянула ногу, пытаясь нажать на педаль тормоза. Когда ей это удалось, отец повернул голову в её сторону и мы, съехав на обочину, врезались в дерево. Силой удара нас с Бастером перебросило на переднее сиденье. Мы завопили в один голос, тело моё всё горело от боли.

Мама открыла дверцу, вытащила нас из машины и прижала к себе.

— Ты, пьяный ублюдок! Ты в своём уме? — завизжала она. — Ты чуть не убил всех нас!

— Если бы ты всю дорогу не кричала на меня и дала бы вести спокойно машину, ничего бы не случилось, — огрызнулся на неё отец.

— Вовсе нет, это ты во всём виноват, — подытожила свою мысль мама. — О, мой Бог. Так дальше не может продолжаться, Эл. Это слишком.

Итак, мама ушла. Снова. Но на этот раз всё оказалось по–другому. Она не стала возвращаться, и ни Бастер, ни я не видели больше наших родителей вместе после этого вечера.

Я был ещё мал, многого не понимал, но Бастер сильно переживал все эти драки, крики, насилие. Он испил чашу до дна, день за днём впитывая негатив, а рядом не было никого, кто бы помог, поддержал его. И он научился свои чувства держать при себе, замкнул их глубоко внутри. Я не припомню ни одного случая, чтобы он сердился или что–либо его разозлило.

Оглядываясь назад, понимаешь, что, возможно, для родителей лучше всего было тогда разойтись, что они и сделали. Но отец очень сильно переживал именно этот разрыв, несмотря на то, что так часто мама уходила из дома. Его мучили боль и вина, он считал, что именно ему не хватило сил сохранить семью. Каждый вечер, перед сном, отец вставал на колени рядом с Бастером и мной и молился за всех наших родственников и за нас самих, начиная всегда одними и теми же словами: "Теперь, когда я ложусь спать, прошу Тебя, обереги мою душу. И если я умру прежде, чем проснусь, то прошу Тебя, забери к себе её." Только затем он начинал читать "Отче наш." Я был мал, чтобы понять вполне существование Бога, но определённо я верил в него. Помолившись, мы шли в постель, а отец продолжал молиться обыкновенно ещё с четверть часа. Как правило, отец забывал открыть глаза после молитвы, засыпая на полуслове. Мы боялись будить его, поэтому тихо выключали свет и отправлялись спать. Через несколько минут он резко вздрагивал, просыпался и перебирался в постель рядом с нами.

Хоть мы с Бастером и были ещё детьми, но мы уже понимали, что отец старался сам своими силами справиться со всеми трудностями. Испытывая огромное давление со стороны мамы, он в одиночку заботился о нас, содержал наш дом и платил по счетам. Он нёс этот тяжёлый груз изо дня в день, а алкоголь делал ношу только ещё тяжелее.

Я пошёл в первый класс в начальную школу Леши, а Бастер

перешёл в 6–й. Каждый день в 3 часа после уроков он заходил за мной в наш класс и мы с этого момента принадлежали друг другу. Отец был ещё на работе и у нас не было никакой причины сразу же нестись домой, ведь там нас некому было ждать. И, несмотря на то, что школа находилась всего в пяти кварталах от дома, нам каждый день требовалось несколько часов, чтобы добраться домой. Ведь, чёрт побери, отец никогда не возвращался раньше полуночи. И весь вечер мы были предоставлены самим себе.

Вдвоём мы, как цыганята, излазили все окрестности в поисках приключений и отдохновения. Мы исходили вдоль и поперёк парк Леши, играя среди деревьев в ковбоев и индейцев. Иногда уходили в доки или на железку. В центр ходили, если хотели пересмотреть Флэш—Гордона. Многим даже в голову не приходило, что есть другие миры, помимо их квартала или соседних с их домом улиц Сиэтла. Подземные стоки были по всему Сиэтлу, вплоть до Первого Авеню. Раньше все улицы Сиэтла были на уровне моря, поэтому после сильных ливней их заливало. Дороги размывало и иногда люди тонули в этих промоинах. К тому же весь деловой центр, а это около шестидесяти кварталов, сгорел дотла во время большого пожара 1889 года. После того как этот ад утих, городские власти решили поднять уровень улиц выше уровня наводнений, тем самым новый город вырос на старом.

Бастер нашёл один из таких стоков, ведущий к океану. Проём была всего 8 дюймов шириной. (Или такое расстояние было между прежними строениями?) Проскользнув туда, он обернулся, зажмурил один глаз и сказал:

— Давай Леон, лезь сюда.

Я был перепуган до смерти тем, что мне придётся лезть в эту расщелину.

— Но Бастер, моя голова больше твоей, — хныкал я. — Для меня здесь слишком узко!

— Тебе обязательно здесь надо побывать, — настаивал он на своём. — Тут столько интересного.

В голове пронеслось множество способов, как расширить эту расщелину, но я, стиснув зубы, полез внутрь. Было на самом деле очень узко, но я всё же протиснулся, расцарапав бок в кровь. Как только мы привыкли к полумраку, я ахнул, не поверив глазам своим. Мы буквально протиснулись сквозь некий портал и попали в какой–то кем–то давно забытый мир. Там были: старая заколоченная досками цирюльня, магазин, гостиница. Все тротуары были дощатые. Прямо над нами был новый город с новыми тротуарами, в которые были вмонтированы стеклянные

кирпичи, и через них сюда проникал солнечный свет. После того как Бастер рассказал нашим друзьям о своей находке, эта набережная, скрытая под землёй, стала любимым нашим местом для игр. Мы даже находили старые монеты с изображением головы индейца и другие редкости. Полицейские регулярно проверяли эти подземелья, но им было не поймать нас, они так и не узнали, где находится наш секретный лаз. Мы тут же исчезали, как только слышали их голоса.

Этот заброшенный мир стал для нас двоих настоящим приключенческим раем. Как только мы с Бастером оставались одни, мы шли "играть". И поскольку мы всегда возвращались домой до прихода отца, мы оказывались примерными сыновьями. Но если мы возвращались испачканными, то нам приходилось таковыми и оставаться, отец экономил воду, чтобы помыть нас. А сами мы этого не могли сделать. Когда же наступал банный день, то в той же воде в какой мы мылись сами, нам приходилось стирать и нашу одежду, так что разницы было не так уж много. Оглядываясь назад, я вижу наши рваные рубахи и штаны, развевающиеся на верёвке, и вид у них, скажу вам, был не лучше после такой стирки. Не многим ребятам разрешалось с нами играть, ведь мы были самым отъявленными оборванцами в нашем квартале. Даже обувь наша иногда бывала непарная, более того, если отрывалась подошва, то мы не выкидывали ботинок, а привязывали подошву верёвкой.

Свои эмоции брат выплёскивал в рисунках и проводил много времени лёжа на полу с цветными карандашами и альбомом для зарисовок. Одним из первых рисунков, которые мне запомнились, был карандашный набросок сидящей под пальмой нашей мамы. Тень от дерева падала поперёк её лица, и она казалась спокойной и счастливой. На многих ранних рисунках Бастера была изображена наша мама. Несложно догадаться, что она занимала его мысли. А мультяшные наброски сражений, гонки на каких–то футуристических автомобилях, футбольные зарисовки — просто гипнотизировали меня. Настолько живо и реалистично они были нарисованы, что мне было не оторваться от его альбомов. Когда он рисовал сражения, он озвучивал взрывы и выстрелы, придумывал разговоры между солдатами, ведь он старался передать на бумаге своё видение происходящего. А его нескончаемые рассказы про созвездия, вселенную, космос и летающие тарелки!

Рассказы брата развили моё воображение и открыли моё сознание для восприятия. Однажды, это было весной 1955 года, мне представился случай на себе испытать влияние Вселенной. Всё это выглядело, как если бы прилетели две птицы и

столкнулись бы на нашем заднем дворе. Послышался глухой удар и что–то похожее на клубок синих перьев упало на землю. Одна из птиц пронеслась мимо и села недалеко от меня на землю, я побежал посмотреть. Но там, на траве, лежал только серый кусок какого–то металла с торчащими из него какими–то проволочками. Шар представлял собой некое механическое приспособление, прилетевшее из будущего. Подумав, что это какая–то очень дорогая игрушка, я нагнулся и поднял его. Не прошло и секунды, как я взял его в руки, в нём открылся глаз и уставился прямо на меня. Я даже не мог выпустить его из рук, настолько я оцепенел. Когда же прошёл первый шок, я бросил его и, не помня себя, вбежал в дом, громко вопя.

— Бастер! Бастер! — вопил я.

— Что с тобой? — воскликнул он. — Что ты там увидел?

— Летающая тарелка упала с неба!

Бастера это нисколько не удивило, как если бы он сидел дома и ждал этих гостей из космоса всё время.

— Ну, где она? — спросил он, выходя во двор.

— Там, у забора, — сказал я и поплёлся за братом, к тому месту, куда я его бросил.

Но там мы ничего не нашли, кроме высокой травы. Этот глаз, уставившийся тогда на меня, я и сейчас вижу так ясно, как если бы всё произошло час назад. Бесполезно рассказывать было людям об этом случае, все всегда думали, что я дурю им голову. Их не интересовало то, что я начинал им объяснять, они просто не верили ни единому моему слову. За мою жизнь было много фантастических случаев, но никогда они не были во вред мне. За исключением, людей, которые считали меня чокнутым, таких же как те родители соседских мальчишек, считавших нас с Бастером не от мира сего, за рассказы об инопланетянах и летающих тарелках. Очень часто, шагая по тротуару, мы видели, как матери, завидев нас с братом, прятали своих чад в дом, запрещая им играть с нами. Члены нашей семьи, наши тёти, наши дяди, время от времени по очереди присматривающие за нами, никогда не вслушивались в наши рассказы о других мирах, космических кораблях и о путешествиях в другие галактики. Если бы они прежде, где–нибудь прочитали в какой–нибудь книжке про это, может быть отнеслись бы к нашим рассказам серьёзнее. Но наши рассказы только направили всех соседей по ложному пути, они просто посчитали нас бесполезными чудаками.

— Я не хочу, чтобы ты мешался с детьми Хендриксов, — говорил какой–нибудь из родителей своему ребёнку. — У них с головой не всё в порядке.

Летом 1955 года отец погрузил нас с Бастером в машину и

мы выехали на шоссе номер 99, ведущее к дому его матери, нашей бабушки Норы. В Ванкувер мы добрались через 4 часа. На самом деле имя у бабушки было Зенора, но все звали её просто Нора. Она была красавицей, наполовину чероки, и очень любила шутить. В доме всегда было весело, если рядом была бабушка Нора. Раньше она тоже жила в Сиэтле, но после смерти мужа, нашего деда, в 30–х в поисках работы переехала в Ванкувер. К сожалению, дед умер ещё до нашего с братом рождения и мы не знали его.

Когда бабушка Нора узнала, что наши родители окончательно разошлись после той злосчастной поездки, она очень расстроилась. Бабушка дружила с мамой, можно сказать, они души в друг друге не чаяли.

— Это твоя вина, Элли, — отчитывала отца бабушка нора. Она так всегда звала отца, Элли.

— Твоя, не её, ты один в этом полностью виноват. Ты знаешь лучше, чем кто–либо другой, что мальчикам нужна мать. А ты упёрся и всё испортил.

Отец не сердился на неё, он в глубине души чувствовал, что бабушка права. Не проронив ни слова, он, поджав хвост, запихивал своё тело в машину и отправлялся в Сиэтл, оставляя нас на всё лето в Ванкувере.

Бабушка Нора жила рядом с ванкуверскими верфями на Хастинг–Стрит, неподалёку от папиного сводного брата, дяди Франка и его жены тётушки Пёрл, так что мы с Бастером всё время курсировали между их домами. Помимо дяди Франка у отца был ещё один брат, которого звали Леон, но он неожиданно умер ещё в подростковом возрасте. Мы с братом просыпались в 7 утра, стараясь не проспать молочный фургон, проезжающий по нашей улице каждое утро. Как только заслышится колокольчик молочника, мы с Бастером вскакивали с постели и неслись ему навстречу. У брата всегда при себе было яблоко, которым он угощал лошадь молочника. Около этого времени обычно появлялся и развозчик льда. Нам нравилось наблюдать, как он, откинув задний борт, ловко, огромными клещами, выхватывал большущий ледовый куб. Вскинув его себе на плечо, он исчезал в одной из парадных. Такого куска хватало примерно на два дня, за это время продукты не портились и холод сохранялся в кладовых.

Наше счастливое лето в Ванкувере начиналось каждое утро с завтрака, что редко случалось дома. Бабушка Нора и Тётушка Пёрл зорко следили за тем, чтобы мы не остались без завтрака. По сравнению с жизнью в Сиэтле, Канада для нас оказалась раем и рай этот создавали для нас наши родные. Я не мог дождаться того момента, как тётушка Пёрл снимала толстый слой сливок,

образовывающийся сверху молока и давала его мне. Бастер, так же как и сын дяди Франка и тётушки Пёрл, наш двоюродный брат Бобби, также не были обойдены вниманием тётушки Пёрл. Только их интересовало больше молоко. По утрам она делала яблочное пюре и пекла хлеб из кукурузной муки. И каждый получал по огромному ломтю тёплого хлеба с намазанным сверху яблочным пюре. Я не представлял себе лучшего начала дня.

Обычно мы с Бастером гуляли с самого утра до позднего вечера, когда солнце уже заходило за горизонт. Вместе с Бобби мы проходили всю Хастинг–Стрит, ведущую на Запад, к парку Стенли вблизи океана, там, почти у самого берега были железнодорожные пути. Бобби с Бастером были примерно одного возраста и мне, младшему из всех, приходилось довольно трудно, если игра затевалась рядом с путями. Мне казалось, что там их было сотни, тогда как их было, всего только шесть. Поезда уходили и прибывали, с грохотом проносясь мимо нас. Только пройдёт один, как уже виднеется встречный. Для Бастера или Бобби не представляло труда перебежать пути, чтобы выйти к берегу океана, я же стоял и трясся от страха.

— Ну, давай же, Леон! У тебя получится! — кричал брат уже с другой стороны. Но я стоял, как вкопанный. Вместо этого я шёл полмили до перехода и по нему пересекал пути. Казалось, проходила вечность, прежде чем я находил Бастера и Бобби, уже давно играющих на берегу океана. Иногда они уходили далеко вперёд и мне приходилось идти по их следам, чтобы найти их, но я бы прошёл всё побережье, только чтобы найти их.

Однажды я решился. Мне надоело всё время плестись далеко позади них и я понял, что пора посмотреть страху в лицо. Как всегда Бастер с Бобби были уже там и махали мне.

— Ты сможешь, Леон! — закричал Бастер. — Ну, давай!

Я понял, сейчас или никогда. Рассудок подсказывал, идти до перехода. Но во мне что–то напряглось, какое–то незнакомое чувство. Но я словно прирос к земле, будто кто–то держал меня сзади. Запаниковав, я обернулся, ища ботинок, он остался на первых путях.

— Что ты делаешь? — закричал Бобби мне.

— Леон, давай, быстрее! — крикнул Бастер.

Но ноги мои почувствовали какую–то сильную вибрацию. Сомнений не было, приближался поезд. Паровоз отчаянно свистел мне, как будто я не понимал, что поезд едет прямо на меня. Грохот колёс отдавался в моих костях. Из глаз градом полились слёзы и я зажмурил глаза. Не говоря ни слова, Бастер прыгнул через пути ко мне. Хотя я не думаю, чтобы он когда–либо так быстро бежал, мне его прыжок увиделся, как в замедленном кино.

Только он схватил меня и мы покатились с насыпи, как поезд с грохотом пронёсся по путям мимо нас. Когда мы встали на ноги, у Бастера все ноги и руки были в крови. Чудо, что мы оба оказались живы. Мы огляделись, моего правого ботинка нигде не было. Должно быть его засосало вихрем поезда. Потеря одного ботинка ничем не лучше потери пары и бабушка Нора должна будет очень недовольна. Ну скажите мне, где она сможет достать мне один ботинок. Разве возможно пойти в магазин и купить недостающий ботинок? Конечно, она будет вынуждена купить пару новых. Мы стояли с Бастером и ревели, мы знали, что нам обоим предстояла взбучка по возвращении домой.

На скамейке сидели две девочки и видели всё, они тут же подбежали узнать, в порядке ли мы. Они отвели нас к себе домой, это оказалась совсем рядом, и промыли и перевязали Бастеру раны, а их мама даже испекла нам всем шоколадные пончики. После этого случая мы всегда заходили к ним, когда направлялись к океану, и нас всегда она угощала чем–нибудь сладким. Мы так и не узнали как её зовут, но Бастер звал её Бетти–Фаянсовая–Посуда.

— Давай зайдём к Бетти–Фаянсовая–Посуда, — говорил он каждый раз, как мы оказывались рядом с их домом.

Мы с братом могли бы есть её шоколадные пончики и на завтрак, и на обед, и на ужин.

В конце лета, за неделю до школы, приехал отец, чтобы отвезти нас домой в Сиэтл. Мы с Бастером получили по паре новых джинс и ботинок, чтобы можно было пойти в школу. После уроков отец поставил нам условие, чтобы мы немедленно шли домой, он запирал входную дверь, завешивал шторы на окнах и выключал свет. Люди из социальных служб грозились забрать нас и он не хотел допустить этого. Так мы в темноте и сидели дома… пока он не возвращался с работы.

У нас не было телевизора и каждый вечер в 7 часов мы усаживались перед старым папиным радиоприёмником, слушая музыкальную передачу Top 40. Иногда мы слушали разные радиопостановки, такие как Gunsmoke или The Shadow. Однажды вечером, после того как кончились программы, Бастер задумался и выглядел так, как будто был чем–то сильно озабочен. Он поднялся, пошёл на кухню и вернулся оттуда, держа в руках инструменты. Я с любопытством наблюдал, как он встал на колени над радиоприёмником. И отвёрткой стал откручивать винты задней крышки.

— Что ты делаешь? — спросил я. — Не развинчивай отцовское радио, он же накажет нас!

Но брат не обратил на меня никакого внимания. Он был так

увлечён своей идеей, что мои слова нисколько не могли повлиять на его действия.

Я наблюдал за его работой и был очень удивлён, что внутри почти ничего не было, за исключением нескольких ламп, циферблата и разноцветных проводков. Бастер разрезал несколько проводков и на его лице отобразилось удивление, он запихнул их обратно и привинтил на место заднюю крышку. Однако когда он попытался включить радио, оно молчало. Должно быть Бастер потерял какие–то проводки и не завинтил все винтики, потому что радио не показывало никаких признаков жизни. Не слышно было даже щелчка выключателя.

Конечно вы поняли, как расстроился отец, когда вернувшись с работы, обнаружил, что его любимое радио не работает.

Отец нахмурился и произнёс:

— Отец Небесный! — начал было он. Эта фраза всегда предвещала что–то недоброе. Он редко вспоминал "Отца Небесного". И вот теперь, эта фраза не предвещала ничего хорошего. Бастер уже ревел.

— Зачем ты сломал мой радиоприёмник? — закричал на него отец.

Даже крепкий подзатыльник не нарушил молчание брата.

— Как ты думаешь, что ты собирался в нём найти? — наконец спросил отец, уже немного смягчившись.

— Я искал в нём музыку, — ответил Бастер, размазывая по щекам слёзы.

Лицо отца снова исказилось, как если бы оно сморщилось само по себе.

— Ты — что? — закричал он. — Что за чёртово любопытство! Что ты сказал?

— Я искал в нём музыку.

Потрошение отцовского радио отметило начало путешествия моего брата в исследование звуков — невидимых радиоволн и частот. Если последовать за ними, то куда они приведут? Однажды увлёкшись чем–нибудь, его было уже не остановить, и неважно, что на это скажет отец, и какого рода наказание последует. Он не собирался удовлетворяться малым, ему нужны были ответы на все его волнующие вопросы.

Отец требовал от нас дисциплины и очень гордился этим. В такие моменты мы с Бастером получали от него вздрючку, так мы между собой называли его попытки призвать нас к порядку. Но это не было наказанием в широком понимании. Не было такого случая, чтобы кто–нибудь из нас двоих, я или Бастер, не был в чём–нибудь виноват перед отцом. Нельзя сказать, что мы уж очень сильно его раздражали, особенно если он был за чертой

сознания от выпитого его любимого Сиграма или Лаки–Ладжерса. Когда назревал момент вздрючки, нас с Бастером отец запирал в спальне, а сам усаживался в гостиной наедине с бутылкой и напивался, собираясь отшлёпать нас по задницам. Иногда так мы проводили около часу, всхлипывая и размазывая по щекам слёзы. Я был ещё мал и Бастер защищал меня как мог, беря всю вину на себя, чтобы ни случилось. Когда он чувствовал, что грозит наказание, он никогда не тратил времени на оправдания.

— Прости, отец. Леон тут совсем не причём. Это полностью моя вина, — так обычно говорил он.

Мой брат всегда выгораживал меня и, в конце концов, отец понял, что Бастер жертвует собой ради меня. И со временем, какие бы уловки ни придумывал Бастер, я тоже оказывался бит.

— Подойди, Леон, — произносил он, садясь на кровать.

Обыкновенно, отец отшлёпывал нас ладонью, никогда не беря в руки ремень или прут. По очереди отец клал нас к себе на колени и начиналась вздрючка. Только я собирался зареветь, как всё кончалось. Я выдерживал несколько шлепков, остальные доставались Бастеру. Если проступок был достаточно серьёзен и он считал наказание недостаточным, то назавтра мы лишались мороженного. Чтобы избежать такого поворота Судьбы, мы хныкали, визжали и ревели для большего эффекта. Не вижу ничего плохого в этих ухищрениях, ведь мы были заинтересованной стороной. Выработалось даже правило: больше рёва — назавтра больше мороженного.

Летом 1956 года школа закрылась немного раньше обычного и у нас оказалось незапланированное свободное время. Занятия отменили и мы были предоставлены самим себе весь день и весь вечер. Это было не так уж много, если учесть, что, быстро проглотив завтрак, мы в 4:30 садились на автобус и отправлялись на работу на бобовые, морковные, капустные и земляничные поля. Обычно автобус забирал нас ровно в 5:30, поэтому у нас было достаточно времени. Если мы опаздывали, автобус нас не ждал, ведь для шофёра мы были просто бесполезной малышнёй. Бастеру было 13, а мне только 8 и водитель иногда даже не хотел брать нас, даже если мы вовремя приходили к автобусу. Взрослые часто думают, что дети не могут много работать. Но мы не такие, нам нужны были деньги. Почти все соседские семьи были бедны. И все дети уже знали, что без денег их желудки останутся пусты. Из–за нашего возраста нам оставалась работа только в полях.

По утрам обычно очень холодно, но днём воздух нагревался, а в полях становилось ещё и очень влажно. В полдень у нас был перерыв на игры. За день мы зарабатывали полтора доллара, и на ужин у нас теперь всегда был 15–центовый гамбургер с жареной

картошкой. А на сладкое мы покупали себе шоколадный батончик Херши, поскольку в карманах теперь всегда у нас водилась мелочь.

Тем летом, у Бастера появилось новое увлечение — девчонки. Если я, оглядевшись кругом, не находил брата рядом, я шёл искать его, громко зовя его по имени. Обычно он где–нибудь неподалёку тёрся с какой–нибудь девчонкой.

— Тс-с, Леон, — шептал он мне.

— Что вы тут делаете в кукурузе? Прячетесь? — спрашивал я.

Я был слишком мал, чтобы понять, что можно интересного найти в девчонках. Меня они совершенно не волновали.

Эти поля были вблизи Грин—Ривер и после работы Бобби с Бастером шли купаться. Нырять им нравилось больше всего, я же оставался всё это время на берегу. Они подтрунивали надо мной, но течение было слишком быстрым для меня. Мне всё ещё мерещился тот паровоз, который чуть было не искромсал меня в клочья. И у меня не было желания ещё раз испытывать мою Судьбу в быстрине. Так же как и через пути, здесь, через реку был переброшен пешеходный мостик, по которому я спокойно перебирался на тот берег. Я шёл к нему, переходил Грин–Ривер и возвращался к ребятам, которые уже давно играли на противоположном берегу. На первое время это был единственный выход. Но их насмешки меня изматывали. С другой стороны переплыть такую быструю реку — не шуточное дело. Нужно плыть против течения, под углом к потоку, если хотите попасть на противоположную сторону как раз напротив вас.

Не помню, то ли бесконечные насмешки меня достали вконец, то ли мне надоело ходить каждый раз туда и обратно целую четверть мили до переправы, но я сказал себе, с меня довольно. Толчком послужили слова Бобби.

— Ну же, Леон! Ты что, ещё маленький? — прокричал он с того берега, обращаясь ко мне, одним послеполуденным часом, в который мои нервы не выдержали. Стоя на берегу, я весь сжался и смело направился к воде. Дойдя до воды, страх снова охватил меня и я никак не мог решиться прыгнуть в воду. Я взмахнул руками и… шлёпнулся в воду, создав кучу брызг. Тут же река подхватила меня и сколько я ни старался, не мог плыть против течения. С каждым гребком меня уносило всё дальше и дальше вниз по реке.

— Работай ногами! — донёсся до меня голос Бастера с противоположного берега.

Я старался изо всех сил, но это не приносило никаких результатов. Вдруг, нечто совершенно неожиданное попало в поле моего зрения. Мимо, рядом со мной плыла… мёртвая свинья, то

всплывая, то снова погружаясь в воду. Она была самого отвратительного запаха, который я только слышал за всю мою жизнь. Но вот запах протухшего жира ударил мне в нос и я начал задыхаться и тошнить. Дышать стало невозможно. И если сейчас же срочно не предпринять каких–либо действий, я сам скоро оказался бы не в лучшем положении, чем эта мёртвая свинья.

Вдруг всё стихло, это моя голова ушла под воду. Последнее, что я видел, это бегущего по берегу Бастера. С минуту вокруг меня была одна тьма, но вот моя голова снова оказалась на поверхности и прямо над собой я увидел тот самый злосчастный мост, по которому мне, вне всякого сомнения, следовало бы перейти реку и в этот раз. Я снова ушёл под воду, закашлялся и сделал большой глоток речной воды. Я быстро шёл ко дну и опять вокруг стало совершенно темно. Хотя первые глотки воды и были достаточно болезненны, я испытал что–то вроде эйфории. Какая–то часть меня уже готова была сдаться — жуткое ощущение.

— Хорошо, — подумал я, полагая, что пришло время попрощаться с жизнью.

Но в этот самый момент, что–то блеснуло у меня над головой. То были ключи от нашего дома, поймавшие солнечный луч и висящие на шее Бастера. Он прыгнул с моста и нырнул по направлению ко мне. Он поднял меня на поверхность и помог мне доплыть до берега, где Бобби вытащил нас из реки.

Не могу сказать, что Бастер успокоился, увидев, как я встал на ноги, и приведя меня в чувство.

— Бог мой, Леон, ты хоть понимаешь, что будет со мной, если с тобой что–нибудь случится? Я получу такую взбучку, какую нам и не снилось!

Не прошло и секунды, как другая мысль завладела им.

— И я бы получил ещё большую взбучку, если бы ты утонул!

И они с Бобби рассмеялись над этим каламбуром.

Второй раз уже брат спасал мне жизнь. Не знаю, что витало в воздухе, когда я так быстро оказался на середине реки. Ещё пара секунд и меня бы уже не было. Впрочем, ему не нужно было бы всё время спасать меня, если бы они с Бобби не подначивали меня.

Отец всё время находился на грани, и если бы он узнал о наших приключениях, у нас были бы ужасные проблемы. Он заботился о нас как мог, но каждый раз его попытки устремлялись в будущее, он как встречный огонь при пожаре. Только однажды отец попытался приготовить нам с Бастером что–то вроде завтрака, в тот день мы все были близки к тому, чтобы стать погорельцами. Мы проснулись в то утро от того, что весь дом наполнился дымом, а отец спал на диване. Думаю, он как

обычно, очень поздно вернулся со смены и подумал, что пора нам готовить завтрак. Ожидая пока сварятся яйца, он прилёг на диван и… задремал.

Помню, как–то раз я услышал вдруг громкий стук, стучались к нам в дверь. Так как у отца был выходной и он был в это время дома, то он быстро пошёл открывать. Отперев дверь, он увидел на пороге двоих галстучников, которые представились социальными работниками из городского соцдепартамента. Очевидно, они получили кучу жалоб от встревоженных соседей, что отец работает в вечернюю смену с трёх до полуночи, оставляя детей одних без присмотра. Пообещав вскорости найти няню, он быстро выпроводил их с порога. Но у него были свои соображения на наш счёт. Его решение было очень простым. Усадив нас на диван в гостиной, он сказал нам:

— Так, парни, после школы — сразу домой, закрываете занавески на окнах, выключаете свет, запираете входную дверь и не открываете никому, чтобы ни случилось. Вы оба понимаете, если вы откроете тем парням, что только что приходили, вас обоих заберут и мы никогда уже не увидимся.

Полагаю, парни в галстуках не купились на обещание отца найти кого–нибудь кто смог бы присматривать за нами пока он сам на работе. Потому что совсем скоро мы с Бастером увидели тёмно–зелёную машину с белой надписью по бортам "Соцдепартамент", курсирующую между соседними домами. Она стала приезжать постоянно и каждый раз как они стучались в нашу дверь, мы прятались в шкафу в спальне и сидели там тихо–тихо, как только могли. Так продолжалось достаточно долго, я уже начал подумывать, что они никогда не перестанут приходить к нам и стучать в дверь. Эти чиновники, думаю, поняли, что ничего не поменялось, и отец просто лгал им в глаза, а я сходил с ума от одной мысли, что вот они придут и заберут меня, и я никогда не увижу ни отца, ни Бастера.

У отца не было выбора, и он привёл в наш дом дочку тёти Пэт, Грейси, которую мы стали звать кузина Грейси, и её мужа, Франка, его же мы звали просто, Бадди, и они стали жить с нами. Он отдал им одну спальню, а в другой, на широкой кровати, стали спать мы все втроём, я, Бастер и отец. Всё случилось очень вовремя, так как Грейси и Франку в это время негде было жить, а отец безотлагательно нуждался в ком–либо, кто присматривал бы за нами. Присутствие женщины в доме успокаивающе действовало на галстуки из соцслужбы. Теперь, каждый раз, как слышался стук в дверь, кузина Грейси шла встречать их на порог.

— Приветствую вас, господа, — говорила она мило улыбаясь. — Да, я теперь живу здесь. YMCA прислали меня сюда и я

присматриваю за детьми, пока Эл на работе.

Ну, и что скажите мне, могли на это возразить парни из соцслужбы?

Обман продолжался некоторое время, но когда кузина Грейса с Франком съехали, мы все вернулись к началу. Снова стали запирать дверь и снова отец не переставал напоминать нам, чтобы мы прятались в надежде на лучшее. Даже я, несмотря на свой юный возраст, понимал, что эта игра в кошки–мышки с парнями из соцслужбы не может длиться бесконечно.

Глава 3. Чужие семьи

Время от времени отец оставлял нас у мамы, но отношения их стали ещё более мучительными. Ко всем несчастьям у мамы появился сердечный друг, так что для отца это уже был предел. Он уже не хотел иметь с ней никаких дел, тем более он не хотел, чтобы мы с Бастером узнали об этом. Каждый раз как мы заговаривали с отцом о маме, он становился мрачнее тучи.

— Я не хочу ничего слышать о вашей маме! — отрезал он. — Я не знаю, что за чёрт в неё вселился. Так что вы, парни, одни.

Наше положение ухудшалось с каждым днём. После нескольких месяцев непрерывных звонков из школы на работу отцу, озабоченности соседей и атак работников соцдепартамента, начальник отца на электростанции решил вообще отказаться от такого беспокойного работника. С нескольких попыток отец нашёл работу на заводе металлических конструкций Бетлегема — уборщика цехов, но зато это был постоянный стабильный доход. Каждый вечер он возвращался домой покрытый с головы до пят чёрными опилками и пропахший горелым железом.

Не могу сказать, что отцу нравилась такая жизнь, один на один со мной и моим братом и рыскающими по соседям работниками соцдепартамента. Он начал запирать нас дома после работы. Но если он собирался вечером куда–нибудь пойти, ему ничего не оставалось, как брать нас с собой. Иногда он брал нас в кинотеатр Атлас и награждал нас каким–нибудь фильмом по 25 центов за билет. Но чаще, не справляясь со своей страстью игрока, брал нас с собой, когда шёл играть в специальный зал, расположенный в цокольном этаже Казино–Клуба. Уговорив повара дать нам по чашке риса с подливой, отец начинал вечер с того, что покупал стопку карточек и садился за стол. Цена их колебалась от 25 центов до двух долларов. На одной стороне была выигрышная комбинация, количество выигранных денег и общее количество билетов. Другая, состояла из перфорированной таблицы, которую вы должен заполнить. Так вы можете, вложив четвертак, превратить его в пять или даже 10 долларов, если конечно, правильно угадаете цифры. Перспектива на маленьких деньгах сорвать большой куш всегда горячила отцу кровь. Но я не помню, чтобы отец часто выигрывал.

Отец всегда попадал в чёрную полосу своей Судьбы, когда начинал играть. Даже если ему удавалось выиграть, он тут же всё выигранное проигрывал. Это только было дело времени. К сожалению, у него никогда не хватало воли подняться из–за стола с выигрышем в кармане. Но у него всегда достаточно было сил

оторваться от стола, когда он был полностью побит и играть дальше ему было не с чем. Так проходил час, другой, третий, обычно к концу мы с Бастером уже крепко спали, устроившись под одним из карточных столов.

В те редкие дни, когда отец выходил из Казино—Клуб с выигранными баксами в кармане, он отводил нас в Пайк–Плейс–Маркет и покупал нам 10–центовые гамбургеры из конины. Звучит это ужасно, но тогда, в моём раннем детстве, они казались мне королевским угощением. Для меня походы в этот игровой зал были великолепным приключением, но, полагаю, даже более того, уверен, что у Бастера на этот счёт было совсем другое мнение. Уверен, его никоим образом не возбуждали ежедневные прятки в нашем доме после школы или возможность поздним вечером поспать под столом с зелёным сукном. Хотя времена были сложными для всех нас троих, я никогда не жаловался и не ныл. Отец всегда старался завершить день чем–нибудь хорошим и это было главным для меня.

После того, как отец потерял работу на заводе Бетлегема, электричество и воду стали постоянно отключать в нашем доме в начале месяца, и отец каждый раз пытался наскрести нужную сумму, чтобы заплатить долги за электричество и воду. Отец начал собирать утиль, чтобы отсортировать его и продать с выгодой для себя. В моих глазах он стал Королём Утильщиков — настоящим профессионалом. Банки, бутылки, листы металла, медь, пластмасса… вы можете сами продолжить этот список, но отец умудрялся за это выручать немного денег. В кузове своего грузовка он поставил большие пластиковые бочки: в одну кидал бутылки коричневого стекла, в другую — зелёного, в третью — прозрачные, в четвёртую — банки. Олова в те годы было очень много, но вот алюминий только–только начинал появляться, поэтому за алюминиевые банки мы получали только 3 цента за фунт. В поисках всего этого отец стал регулярно прочёсывать обочины дорог.

— Парни, вижу банки, там, впереди, — говорил он, вытягивая шею из окна кабины. — И не забудьте поискать бутылки в высокой траве!

Для нас это стало игрой в поиски пиратских сокровищ, мы выпрыгивали из кузова и обшаривали всё кругом.

Папин приятель, всё ещё работающий на электростанции, давал отцу наводку, где можно найти много меди. Он говорил ему, где в данный момент проводятся большие работы по проводке электричества и мы отправлялись туда собирать обрезки проводов. Для нас, для всех троих, там находилось много работы, мы скручивали обрезки проводов в клубки и грузили в

кузов до тех пор, пока отец не говорил, что на сегодня хватит. Дома нашей с Бастером задачей была очистка проводов. Вооружившись нашей красной тележкой, мы отправлялись за дизельным топливом и покупали несколько галлонов. Порциями мы сжигали пластиковую изоляцию в нашей кухонной плите. Мы с братом спорили за право большими щипцами держать проволоку над огнём, поворачивая её так, как если бы мы жарили сосиски на костре в лесу. После того как провода были очищены от изоляции, отец собирал медь в мешок и шёл превращать её в деньги.

Нашим приключениям с утилем пришёл конец, когда отец неожиданно нашёл другой способ зарабатывания денег, работая на дядю Пэта в его ландшафтном бизнесе. По уикендам отец стал брать нас с собой. Со временем отец понял, что самую трудную и неинтересную работу дядя Пэт возложил на его плечи. Он постоянно находил для нас места, заросшие травой и бурьяном выше наших голов. Несмотря на то, что в руках отца была газонокосилка, справиться с такой заросшей территорией было чертовски трудно. Поэтому отец купил нам серп, которому, может быть, было уже лет пятьдесят, и научил Бастера как им пользоваться. Отец хотел научить Бастера всем премудростям садоводства, он надеялся, что мы, когда вырастим, продолжим этот семейный бизнес. После пары сотен взмахов серп окончательно тупился, так что это оказалось поистине утомительной работой. Я же шёл за Бастером и связывал срезанную им траву в пучки.

Однажды отец просто бросил на нас всё оборудование и исчез. Даже после того, как мы с Бастером в конце дня без сил упали на этом поле, отец не пришёл за нами. И даже после того, как мы, изнемогая от усталости, окончили нашу работу, он не появился. С нас катился пот градом, мы были измазаны в грязи и обессилены. Я лежал на земле, сжавшись в клубок, не было сил даже плакать, Бастер был не в лучшем состоянии.

— Я есть хочу, — сказал я ему.

— Знаю, — ответил он, вглядываясь в дорогу. — Я тоже.

Я поднялся на ноги и поплёлся за ним от того дома, где мы работали, в большой супермаркет, который к счастью находился поблизости. Мы еле волочили ноги, но ещё сильней у меня ныло под ложечкой. Мы переходили от одного прилавка к другому, но денег, чтобы купить поесть у нас не было. Мы с братом были в отчаянии. И тогда, зорко следя за рабочими бакалейного отдела, Бастер быстро схватил с полки буханку белого хлеба, открыл сумку, оторвал два больших ломтя и вернул хлеб на прежнее место. Затем он быстрым шагом направился к холодильнику, где

лежало нарезанное запакованное мясо и взял оттуда пару больших кусков копчёной колбасы. После того как он уложил колбасу между двумя ломтями хлеба, он аккуратно разломил этот сандвич на две равные половины и одну протянул мне. Мы ели наш ужин в тени в дальнем углу магазина. Меня мучила мысль, что брату пришлось воровать еду, но я понимал, что другого выхода у нас не было. Ради меня Бастер мог пойти на всё. За всю свою жизнь, я не встречал более искреннего и честного человека, чем он, и брат ещё очень долго переживал, что ему пришлось воровать еду, тогда, в супермаркете.

Когда мы подходили к дому, то увидели отца, укладывающего оборудование в кузов машины. Когда он поднял глаза, то увидел нас, идущих по дороге по направлению к нему.

— Где вас черти носят? — возмущённо вскричал он. — Я же приказал вам ждать меня здесь!

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он провёл весь день в баре. Он повернулся и схватил меня за шиворот.

— Не бей его, — взмолился Бастер. — Это я во всём виноват.

Но отец не стал и слушать его. Он уже давно понял уловки брата и никакие слова не могли изменить его намерения в тот день. И мы оба получили от него хорошую взбучку прямо на поле.

Несмотря на то, что прошёл уже год с последнего визита чиновников соцдепартамента, снова возобновились игры с ними в кошки–мышки. Кузина Грейси помогла отцу на какое–то время отвадить их от нашего дома, но когда они с мужем решили купить собственный дом, мы поняли, что над нами нависла прежняя угроза. Чиновники стали снова постоянно рыскать вокруг нашего дома в надежде составить акт. К счастью часть соседей, по большей частью пожилые еврейки, зная какие трудности испытывает наша семья, предложили свою помощь, конечно по мере сил. Часто, видя, что мы боимся подойти к нашему дому, они сообщали нам, что путь со двора нам свободен. В ушах до сих пор ясно звучат их голоса, как если бы это было вчера.

— Ну же, мальчики, заходите смелее. У меня для вас припасены жареные крылышки. Я знаю, что вы хотите есть.

Потом они научили нас целому ряду особенных перестуков, давая знать, что путь свободен. А если они видели, что отец всё ещё не возвращается, они безоговорочно требовали, чтобы мы оставались ночевать у них. И если он не возвращался и на следующий вечер, другая семья принимала шефство над нами. И так как наши соседи составляли невероятную смесь из еврейских и негритянских семей, то мы ели и мацу и жареные крылышки.

Редко, но всё же это случалось, отец баловал нас бутербродами с сыром и яблоком, отправляя нас в школу. Вечерами он варил большую кастрюлю макарон и оставлял её для нас в холодильнике в расчёте на три–четыре дня. Отец редко вспоминал, что нужно приготовить еду и если бы не соседи, нам с Бастером пришлось бы туго. Но однажды отец нам всё испортил своим плохим отношением к соседям.

Одним вечером мы остались ночевать у миссис Мичелл, в доме, наискосок примыкающему к нашему. Отец пришёл домой пьяный, как все черти в аду. Где–то около 3 часов ночи мы проснулись от того, что он ходил по улице в поисках нас. Отец знал, что нас оставляют ночевать наши соседи, поэтому он шёл мимо всех домов, останавливаясь у каждой двери.

— Где вы, мои мальчики? — вопрошал он, дожидаясь ответа.

Мы с Бастером хотели выскочить в окно и побежать к нему, но миссис Мичелл оказалась проворнее и остановила нас. Мы все втроём видели, как отец медленно плёлся от двери Вайнштейнов к двери Гринбургеров.

— Тихо, — прошептала она, держа палец у губ. — Вам сейчас нельзя идти домой. Оставайтесь здесь.

Это было выше наших сил. Нам строго настрого запрещалось под страхом наказания выходить из дома. И ни брат, ни я не знали, как поступить сейчас, потому что мы оба тряслись от страха.

— У кого из вас мои мальчики? — громко кричал отец, стоя посреди улицы.

Со всех сторон в домах начали зажигать свет, он разбудил своими криками весь наш квартал. Одёргивались занавески и посыпались замечания в адрес отца. Миссис Мичелл накинула пальто и вышла на крыльцо. Мы видели, как она подошла к отцу, стоящему посреди улицы.

— Иди спать, Эл, — мягким голосом произнесла она, — Твои мальчики у меня. Они умыты и накормлены. Им хорошо, так что ты можешь спокойно идти спать.

Отец был сбит её невозмутимой решительностью и оказался не в состоянии продолжить испытывать свою Судьбу. Видно было, что он устал и без сил. Мы с Бастером видели, как он поплёлся по направлению к нашему дому, взобрался на крыльцо и исчез внутри.

Не прошло и несколько дней после этого случая, как отец решил, что лучшее для меня это пожить некоторое время у Пэт с Пэт в их доме на берегу озера Вашингтон. Во–первых, я и не предполагал, что можно так много времени провести с ними. У меня была собственная кровать, вместе мы смотрели шоу Эда

Салливана и Лоренса Уелка по телевизору тётушки Пэт. Однако, очень скоро, как только прошло первое возбуждение, меня охватила тоска. К тому же и Пэт, и Пэт не были в восторге от моего присутствия в их доме. Для моего возраста я был слишком самостоятелен и сводил их с ума. Через месяц они, запаковав вещи, уехали в Калифорнию, а я вернулся домой к началу нового учебного сезона 1956 года.

Дома не изменилось ничего. Так как почти все соседи были сыты по горло нашим семейством, то они снова вызвали чиновников соцдепартамента. Неделю спустя после моего приезда пара этих галстуков нарисовалось около нашего дома. Мы с Бастером играли на нашей лужайке, когда подъехал зелёный Шеврале и резко затормозил прямо рядом с нами. Можно было подумать, что это какие–то военные учения, но парни выскочившие из машины не были одеты в военную форму, на них были пиджаки и галстуки. Холодок пробежал по спине, я посмотрел на Бастера, он уже нёсся по направлению к нашему дому, я был не так скор, но мы успели захлопнуть дверь перед их самым носом и запереться на щеколду. Мы побежали в заднюю комнату и спрятались в шкафу. Как только прекратились удары в дверь, мы вылезли из шкафа и тихо прошли в гостиную, убедиться, что осада снята. От этого шкафа мы все были в царапинах. День ото дня мы приближались к тому моменту, как быть пойманными.

Наш почтовый ящик уже не вмещал уведомлений от разных городских служб. В конечном итоге отец уже не мог игнорировать их. Все вместе, мы отправились в контору, где нас встретила женщина, представившаяся как миссис Ламб, и сказала, что ей поручено рассмотреть наше дело. Оставив нас с Бастером в приёмной, отец скрылся в кабинете.

Миссис Ламб сказала, что она ничего не имеет против, чтобы Бастер оставался с отцом, так ему уже 14, в то время как обо мне она беспокоилась, потому что мне было восемь с половиной. Когда миссис Ламб сообщила, что они намереваются забрать меня, то на это отец ответил, что когда дети узнают, что она собирается с ними сделать, то они будут очень расстроены. Отец выглядел убитым и умолял её дать ему ещё один шанс, даже признался, что сам собирался отдать меня на некоторое время родственникам. Внимательно выслушав нашего отца, миссис Ламб пошла ему на встречу и взяла с него обещание устроить нашу жизнь. Она дала ему 24 часа, чтобы пристроить меня по его желанию.

Утром следующего дня у нас у всех троих из глаз текли слёзы, поскольку отец собирал мои вещи, упаковывая их в сумку.

Его задача оказалась совсем несложной, у меня не так уж много было из одежды. Грустно осознавать, что всё принадлежащее тебе умещается в небольшую походную сумку. Я сидел с разбитым сердцем, готовый горло перегрызть тому, кто решил разделить нашу семью. Каждый день моей жизни мы были вместе, и вот теперь, этого больше не будет. Я буду один и полагаться мне предстоит только на себя одного. Мы втиснулись в грузовик и поехали в какой–то дом, расположенный не очень далеко от нашего.

Отец передал меня Урвилле и Артуру Вилерам, чёрной семейной паре, окончившим колледж, и с хорошей общественной репутацией. Там уже было четверо малышей, так что миссис Вилер встретила нас с распростёртыми объятиями. Она встретила нас на крыльце и одарила меня очаровательной улыбкой. А так я стоял и ревел, то она подошла ко мне и положив руку мне на плечо, произнесла:

— Всё будет хорошо, малыш.

Отец долго меня обнимал, приговаривая:

— Всё будет хорошо, сынок. Это твоя новая тётушка.

— Я тебя буду навещать, Леон, — произнёс брат, размазывая по щекам слёзы.

Я был безутешен, а они сели в машину и выехали на дорогу. Но я и сейчас не виню отца за те несчастья, которые нам пришлось пережить детьми. Где–то глубоко внутри он искренне любил меня и моего брата, но вино всегда одерживало победу. Когда чувствуешь, что труден путь, алкоголь не может стать другом, помогающим преодолеть его. И отец всё более и более погружался во тьму, ничего не делая, чтобы бросить пить, в тот день он окончательно променял одного из своих сыновей на бутылку.

Живя в квартале бараков, я наслышался разных ужасных историй про семьи, которые берут на воспитание чужих детей, чтобы только ежемесячно получать содержание от правительства. Но Вилеры оказались очень милыми и любящими людьми. Впервые я регулярно ел тёплую еду и одевал не ношенную никем одежду. Весь их жизненный уклад был незнаком мне. Хотя при первой встрече её назвали моей новой тётушкой, я скоро стал звать миссис Вилер просто мамой. Мне так не хватало моей настоящей мамы, что я быстро нашёл в них очень много общего. И хотя Вилеры относились ко мне как если бы я был их собственным ребёнком и делали всё возможное, помочь мне как можно скорее приспособиться быть вдали от своей семьи, я всё ещё не мог примириться к своему новому положению и променял бы всё на свете, только чтобы вернуть мир, которому

принадлежал.

В тот день, когда брат с отцом оставили меня у Вилеров, брат сказал, что скоро навестит меня, и он не обманул. Так как дом Вилеров был всего в пяти кварталах от нашего, Бастер приходил почти каждый день после школы погонять мяч на поле перед их домом или поиграть в бейсбол со мной и другими ребятами. Вилеры оказались очень набожными и у них постоянно жил кто–нибудь из нуждающихся семей. С самого начала они приняли моего брата, как если бы он был их собственный сын. Он уже был знаком с ребятами, которые жили у Вилеров по школе, особенно сдружился с Димми Вильямсом, так что он часто мог приходить проведать меня. И он знал, что его всегда накормят горячим ужином, когда дома не было ничего из еды. Так постепенно дом Вилеров стал его вторым домом. Бастеру предстояло похожее испытание, какое выпало мне, он так же был одинок как и я и нам обоим выпало выдержать смутные времена.

Плюсом было то, что хотя я и должен жить у Вилеров в течение недели, мне разрешалось по уикендам возвращаться домой. Так что сразу после школы с пятницы с 3 часов и до ужина в воскресенье, я был дома с отцом и Бастером.

Иногда отец заходил к Вилерам на неделе занести мне новые ботинки или рубашку. Он даже купил мне 15–долларовый костюм и мне было что одеть, когда Вилеры брали меня в церковь по воскресеньям. Не могу сказать, что я ожидал большего, но такой подарок был дорог мне особенно в такое грустное время.

Как–то после полудня, я уже с месяц жил у Вилеров, отец пошёл ещё дальше. Я играл в парке с моими новыми товарищами, когда мимо нас проехал отец. Вообразив, что он направляется в магазин садового инвентаря починить свою газонокосилку, я побежал за ним. Я догнал его уже на парковке, он был очень удивлён, увидев меня, и отвесил крепкую затрещину. Это было именно то, что мы с Бастером всегда получали от нашего старика — либо пинок, либо затрещина. Только так он показывал нам свою любовь. Где–то в глубине он, может быть, любил нас даже больше всего на свете, но всегда боялся выказать свою эмоцию.

— Что ты здесь делаешь, Сорванец? — спросил отец, смеясь.

Сорванец, так стал звать меня отец последнее время. Он также придумал и Бастеру новое прозвище: Razzle Dazzle.

Я уже ругал себя за то, что побежал за отцовским грузовиком. Ведь иногда, когда я видел, как отец проезжал мимо, направляясь к одному из своих постоянных клиентов, мне так хотелось прыгнуть в его грузовик и вернуться домой! Но должно быть у отца в тот день был удачный заказ, он взял меня с собой в магазин садового инвентаря, подвёл к стоящим вдоль стены

подержанным велосипедам и предложил выбрать один из них. Я стоял, улыбаясь во весь рот, когда хозяин магазина подошёл к отличному Швинну и покатил его по направлению ко мне. Заплатив 15 долларов, такова была его цена, мы с отцом вышли к стоянке. Не проронив ни слова, я вскочил на велосипед и, жмя на педали, что было мочи, помчался по улице. Мне не терпелось показать всем соседским мальчишкам подарок отца.

Спустя несколько дней спустила шина. Когда я попросил отца починить её, он ответил, что у него нет денег. Он всегда всё спускал, когда шёл играть, поэтому он ничего нового для меня не сказал. Но одним утром, как только я вышел на крыльцо, я увидел, что шина накачена. И не только это, отец оставил велоаптечку, на случай если я снова проколю шину. Вот так он всё и делал. Когда он не был в запое, он был приветливым и обязательным человеком. Он никогда не делал из мухи слона.

Поначалу отец заезжал часто, но со временем стал навещать меня всё реже и реже. Вина, которую он испытывал, видя меня, была выше его сил. Он никак не мог успокоиться с того момента, как работники соцдепартамента разбили наше трио и, не видя своих мальчиков вместе, он с бешенной скоростью стал скатываться вниз. В какой–то степени со мной начало происходить то же. Я стал прогуливать школу и попадать в неприятные истории. А что вы думаете, что может произойти с ребёнком, вырванным из семьи? Много ли вы встречали девятилетних малышей, которые бы это с лёгкостью пережили? Да, я убегал от Вилеров много раз, но всегда возвращался к концу того же дня. Сверх того, это было всего–лишь попыткой погасить пламя разочарования, разгорающееся у меня в груди. Только много лет спустя, я осознал, что это было просто детской попыткой привлечь к себе внимание. Я хотел только одного, быть дома, рядом с отцом и Бастером.

Глава 4. Обнаружение музыки

Прошло несколько месяцев моего пребывания в доме Вилеров и я вдруг осознал, насколько плохи дела моего отца. В самом начале жизни трудно понять что лучше, потому что не с чем сравнивать. Но теперь я увидел, насколько бедны мы были, и насколько всё оборачивалось против отца.

К осени 1956 года отец не мог уже выплачивать ежемесячно 19 долларов и банк отобрал у него дом. С Вашингтона и 26–й они с Бастером переехали на 29–ю авеню в пансион миссис МакКей, в комнату на втором этаже. Она была так мала, что наш старый платяной шкаф казался больше. Когда я на уикенд возвращался домой, мы все втроём спали в одной кровати. Дверь единственного туалета выходила в общий холл внизу и им пользовались все четыре квартиры. Мы с Бастером постоянно гоняли мяч в холле и создавали этим ужасную суматоху. Представьте только, что тем, кто хотел пройти в туалет, приходилось увёртываться от нашего мяча или обходить нас вдоль стены.

Сколько раз мне объясняли это, сколько разных людей, а я всё никак не мог понять, почему мне не разрешалось жить вместе с отцом и братом всю неделю целиком. Когда я переехал жить к Вилерсам, я думал что это временная необходимость. Но время шло, а положение не становилось лучше и я не мог вернуться в семью. Мы уже через столько прошли вместе! Мы уже почти всё преодолели, весь этот нескончаемый ужас! Я думал, что уж большего случиться с нами не может. Нам бы разлететься. Но напротив, мы все страдали и старались изо всех сил быть вместе.

Не представляю, как отец умудрялся просыпаться так рано утром и идти на свою ландшафтную работу. Должно быть, вы возразите мне, скажете, что это невероятно, но я считаю отца самым трудолюбивым работником из всех, кого я встречал за свою жизнь. Если он шёл на работу, ничто не могло помешать ему её сделать, ни проливной дождь, ни палящее солнце. По уикендам он брал нас с собой, если знал, что ему нужны дополнительные руки. Вместе мы подрезали деревья, пололи лужайки и сады, расчищали территории от мусора и увозили его на свалку — когда он понимал, что ему одному не справиться, всегда звал нас на помощь.

Расскажу о длинной цепи событий, которая пришла в движение, когда одним воскресным утром мы проснулись и отправились помогать отцу в Мэдисон—Парк, роскошный общественный парк в северо–восточной части Сиэтла на берегу

озера Вашингтон. Хозяйке дома, пожилой даме по имени миссис Максвелл, одна из её подруг рекомендовала отца, как умелого садовника и человека, справляющегося с любой трудной работой. Она пригласила нас, чтобы мы полностью почистили и освободили от скопившейся старой мебели и разного хлама (хлама, как считала сама миссис Максвулл) её обширный гараж, где спокойно смогли бы разместиться два автомобиля. Мы были несказанно удивлены, открыв ворота гаража. То, что мы увидели там, мусором, в обычном понимании этого слова, назвать было нельзя. Большинство из вещей было в отличном состоянии, а некоторые даже, показались нам дорогими. У отца, конечно, было много дурных привычек, но на работе он был всегда честен до мелочей. После тщательного осмотра содержимого гаража, он отправился к хозяйке.

— Никаких проблем, миссис Максвелл, — сказал он ей. — Мы вынесем всё и свезём на помойку. Но, я подумал прежде, можем ли мы взять кое–что себе, вместо того, чтобы всё разломать и выбросить?

— Поскольку мой гараж будет наконец–то убран, можете брать себе всё, что понравится, — услышал он в ответ.

Получив её разрешение, этот день для отца стал настоящим Рождественским утром. Будучи по природе своей собирателем, отцу не имело значения, цела ли вещь или она повреждена, он наделял её своим смыслом. Он считал, что починив её, он сможет её хорошо продать. Его жилище всегда походило на обломки судна, вынесенного на берег после кораблекрушения. К вечеру всегда прибавлялось что–нибудь новенькое.

Итак, мы, все трое, приступили к работе. Всё утро мы потратили на то, чтобы вынести эти сокровища наружу и погрузить их в кузов грузовика. Несмотря на то, что большинство из предметов годилось только на то, чтобы продолжить им жизнь на свалке, отец многое отложил в строну. Жемчужиной, украшающей гору этих сокровищ, была старая винтовка времён гражданской войны, похороненная под матрасами в самом углу. Её он бережно положил в кабину.

Примерно после полудня отец прыгнул в грузовик со словами:

— Ждите, скоро вернусь.

Но мы с Бастером почувствовали кое–какие слишком привычные нотки в его голосе. Они означали, что он заедет пропустить по бутылочке холодного пива. Как только он вырулил на дорогу, мы с Бастером снова нырнули в гараж в надежде найти ещё какие–нибудь сокровища. И вот Бастер вынырнул из груды хлама, прижимая к груди обшарпанную укелеле. Он несколько

раз тронул одну единственную уцелевшую струну и лицо его расползлось в счастливой улыбке. Застенчивость Бастера не знала границ и он пересёк задний двор, держа укелеле за спиной, хотя миссис Максвелл уже сказала отцу, что мы можем оставить себе, что найдём пригодного из этого хлама. Бастер очень нервничал и не мог взять ничего без спроса, ему нужно было самому убедиться, что можно оставить укелеле себе и он постучал в дверь.

— Что тебе, сынок? — спросила миссис Максвелл.

— Гм, я тут интересуюсь, миссис Максвелл, будет ли это хорошо, если я оставлю это себе? Это было среди всего остального там, в гараже.

— Конечно, возьми её себе.

Заметив, что отец оставил нас "с поручением", миссис Максвелл пригласила нас в дом на лёгкий полдник.

Когда отец, наконец, вернулся, его очень заинтересовала находка Бастера.

— Неплохой инструмент, парень. За неё мы выручим хорошие деньги.

— Нет, папа. Миссис Максвел сказала, что я могу оставить её себе.

— И что же ты собираешься с ней делать?

— Я научусь играть на ней.

Больше отец не настаивал и с этого момента укелеле перешла в безвозмездное владение к Бастеру. И никаких намёков, что её кто–то когда–то собирался продавать. Глядя на эту старую обшарпанную укелеле, не подумайте, что это совсем ничего, и не говорите, что у неё сохранилась всего лишь одна струна.

Принеся укелеле домой, Бастер с ней уже не расставался. Даже не зная многого о музыке, он часами сидел, склонившись над укелеле, дёргая эту одинокую провисшую струну, и заворожено смотрел, как она вибрирует. Она хлопала как порвавшаяся резинка, издавая низкий жужжащий звук. Затем его осенило. Когда он стал подкручивать колок, натягивая струну, звук становился чище и громче. В какой–то момент, словно по волшебству, прозвучала ясная нота, пропал хлюпающе–жужжащий звук, издаваемый при касании провисшей струны о корпус укелеле. Бастер натянул струну ещё сильнее, тон повысился, а вибрация уменьшилась. Он начал то ослаблять натяжение струны, то увеличивать. Так он бренчал на ней до бесконечности и несмотря на то, что он мог извлекать из неё одиночные ноты, он уже смело начал подыгрывать Элвису Пресли, когда того передавали по радио. Бастер делал это на слух, не имея никакого представления о музыкальной грамоте.

Музыка жила в Бастере с ранних лет. Вспоминая то лето, которое мы провели в Ванкувере у бабушки Норы, я могу сказать, что слышал, как Бастер жаловался, что у него болят уши.

— Бабушка, бабушка, у меня в ушах что–то, — часто повторял он ей.

Тогда бабушка смачивала нагретым маслом ватный тампон и чистила ему уши. Бастер постоянно слышал какие–то звуки, и ему становилось страшно, он не понимал, откуда они берутся. Став постарше он понял, что те звуки были мелодиями, рождающимися в его голове.

Мой брат открыл в себе уникальное чувство звучания и стал постоянно искать новые сочетания и экспериментировать с разными тональностями. Укелеле стала для него золотым ключиком, открывшим заветную дверцу, за которой был поиск полного самовыражения, уводивший его всё дальше и дальше. После долгого изучения возможностей укелеле, Бастер стал экспериментировать. Он брал в руки всё, что могло быть натянутым вместо струн: от проволоки от старых пружин нашей кровати до верёвок и даже длинного резинового бинта. Пробуя их, он убедился, что каждая из них имеет своё собственное неповторимое звучание. Он открыл для себя, что если натягивать их не на всю длину кровати, а только между спинкой и ножкой, то тон становился выше. Вибрация передавалась полу и доски под кроватью начинали гудеть.

Миссис МакКей жила напротив, через холл, и часто присматривала за нами в отсутствии отца, одна из тех многих добросердечных женщин, которые оказывались рядом, не оставляя нас одних и не беря ничего взамен. У неё для нас всегда находилось, что перекусить, затем она сажала нас на пол в своей гостиной и включала телевизор. Он казался нам гигантским, представьте шкаф около шести футов в вышину, с 4–х дюймовым экраном посередине. Но телевизор не был чёрно–белым, скорее, можно сказать, он был зелёно–белым. [Значит к этому времени кинескоп уже сел, так как у первых цветных кинескопов было три пушки и они по–очереди выгорали.] Это был один из первых цветных телевизоров. И отец был доволен, что мы были присмотрены в его отсутствие.

В июне 1957, как раз тогда, когда я окончил 3–й класс Леши, миссис и мистер Вилер связались с миссис Ламб и сообщили ей, что мои дела идут хорошо и я им очень понравился. Звонок оказался кстати, так как она как раз собиралась поговорить с отцом и теперь ему нечего было возразить. Но для отца семейный пансион, в каком содержался я, был временной вынужденной мерой. И как только он снова встал на ноги, то подготовил

соответствующие бумаги и забрал меня домой. Итак, к началу нового учебного года я уже не жил у Вилеров, а попал к некоей женщине по имени мама Джаксон. Не прошло и пары недель, как она стала жаловаться на меня миссис Ламб. И было из–за чего, на это у мамы Джаксон были все причины. Я представлял собой живой комок проблем. Мои драки в школе Харрисона стали постоянным поводом недовольства. Но со временем мы с мамой Джаксон всё же нашли общий язык и сдружились.

Всё то время, которое отец с Бастером снимали комнату у МакКей, я находился под присмотром мамы Джаксон. Для Бастера и меня это было трудное время, никто из нас не видел нашей мамы и ничего о ней не слышал. Отец даже не упоминал её имени. В редкие случаи, когда он звонил ей, он звонил ей только чтобы слить горечь, накопившуюся у него в груди. Я был мал, так что большинство из того, что он хотел сказать и говорил, пролетало мимо моего сознания, но оседало тяжёлой ношей в сердце Бастера. Но, несмотря на то, что Бастер ни одного плохого слова сказанного отцом в адрес нашей мамы и слышать не хотел, не помню ни одного случая, чтобы он вспылил. Он копил всё в себе и глубоко прятал в глубинах своего сознания.

Наконец отец заговорил о ней с нами, но не для того чтобы сообщить что–либо радостное. Однажды вечером он усадил нас на кровать, а сам сел рядом.

— Вашей маме нездоровится, она попала в больницу, — сообщил он. — Так что умойтесь, почистите одежду и пойдём навестим её.

Когда мы все втроём добрались до больницы Харборвью, мы нашли нашу маму, лежащей в тёмном коридоре на самом сквозняке. Для неё даже не нашлось места в палате и она была предоставлена самой себе. Свободного места не было от такого количества больных, лежащих повсюду под мерцающим светом ламп дневного освещения. Для меня больница показалась домом, где живут привидения. Подошла медсестра и помогла маме подняться с больничной койки и сесть в инвалидное кресло. Осторожно она покатила нашу маму к тому месту, где прижавшись к стене стояли мы все, отец, Бастер и я. Мы не видели её долгое время и она показалась нам совсем чужой. На ней была длинная больничная рубашка и выглядела она очень уставшей. Она сказала, обращаясь к нам с братом, что сильно болела, но доктор говорит, что всё идёт на поправку.

— Я навещу вас на следующей неделе, — подытожила она, стараясь улыбнуться. Перед тем как медсестра увезла маму обратно, она обняла нас и поцеловала и ещё сказала, как сильно она любила нас. Мы с Бастером стояли и смотрели, как

инвалидное кресло всё дальше и дальше увозит нашу маму по нескончаемому тускло освещённому коридору. Перед тем как завернуть за угол, мама обернулась и помахала нам с Бастером.

Это был последний раз, как я видел нашу маму.

Неделю спустя отец усадил нас рядом с собой и тихим голосом сообщил, что мама ушла. Мне только–только исполнилось 10 и я толком не понимал, что это значит, я вообразил, что однажды её смогу всё же увидеть. Я не заплакал, однако брат был безутешен, но отец и не пытался его успокоить.

В день похорон в начале февраля 1958 года отец одел нас во всё чистое, что смог найти в таком состоянии, в каком он находился в то утро. К этому времени он был уже сильно пьян. Когда же пришло время ехать на кладбище, он был почти в бессознании. Мы с Бастером, трясясь от страха, залезли в кабину грузовика и оказались зажатыми между ним и рулевым колесом, и выбора у нас не было. Но на самом деле, для нас обоих было очень важно сказать маме последнее прощай. Пока ехали, мы всё время кричали на отца, так как он так отчаянно вилял, что мы думали, ещё чуть–чуть и мы съедем с дороги и разобьёмся. Но это только ухудшало наше положение. То путешествие показалось нам бесконечным, мы всё время сворачивали не на ту улицу, останавливались и пытались понять в какой стороне кладбище. Солнце уже склонялось к западу, а мы были ещё в пути. С Бастером случилась истерика, он ревел и требовал к себе маму.

— Где мама? — жалобно хныкая, бубнил он. — Я хочу видеть её!

— Чёрт, Бастер! Помолчи! Видишь, я изо всех сил стараюсь найти дорогу! — окрикивал его отец, отчаянно крутя баранку.

Наконец, около 8 вечера мы выехали к Чайнатауну и заехали на стоянку перед церковью Пятидесятников. Он с таким неистовством колотил в дверь, что мы думали старая стеклянная церковная дверь не выдержит, наконец нам открыл человек в безукоризненно чёрном костюме. Он посмотрел нас с удивлением близким к паническому ужасу.

— Чем могу быть полезным, сэр? — с дрожью в голосе спросил он отца.

— Мы приехали на церемонию Джетер, — объяснил ему отец.

Озадаченный, мужчина направился к стоянке.

— Знаете… поминки Джетер, добавил отец.

Мужчина обернулся.

— Мне очень прискорбно, сэр, но служба завершилась уже к 2 часам пополудни, — вежливо произнёс этот человек.

Отцу нечего было сказать, когда прошло первое оцепенение. Пьяный в стельку, он привёз детей на похороны их мамы с

опозданием на шесть часов! Бастер был так рассержен, что даже ни разу не посмотрел в сторону отца и так, мы, в полном молчании поехали обратно.

И следуя традиции, отец решил, что лучшем решением этой проблемы будет, если он произнесёт тост.

— Итак, парни, подойдите поближе. Произнесём же тост в память о вашей мама Люсиль, — произнёс он, доставая бутылку Сиграмс–Севен из буфета.

Но сперва отец поставил нас на колени посреди гостиной и прочитал молитву за нашу маму. Встав с колен, он поднял бутылку высоко над головой и посмотрел на нас. Глаза его были полны слёз.

— За вашу маму, — произнёс он, поднося бутылку к губам.

После речи за здравие, отец протянул бутылку Сиграмса Бастеру. Откинувшись назад, он сделал большой глоток и передал бутылку мне. Не считая тех нескольких капель на дне пивных бутылок, которые стали моим первым опытом ещё когда я, как говорится, ходил под стол, этот виски стал моим первым испытанием алкоголем. Думаю, до самой смерти я не забуду то ощущение жара внутри, когда его сладковатый вкус сотряс мой организм. Только одним словом можно описать мои чувства: утешение.

Не прошло и пары недель, с того вечера как мы выпили за упокой маминой души, мы с Бастером стали подкрадываться к отцовским бутылкам, где бы мы их не находили. Почти сразу же отец стал подозревать что–то, так как он заметил, что с его бутылками стало происходить что–то странное. Он стал помечать карандашом уровень оставшейся жидкости в бутылках, но эта уловка не остановила нас. Бастер просто рисовал другую линию тем же карандашом, показывающую сколько ещё осталось бузы в бутылке. Отец никак не мог взять в толк, почему линия оказывалась в другом месте, а не там, где, как он предполагал, ей следовало находиться. Мы с братом несколько раз видели, как он с недоумением рассматривал бутылку, поднося её к глазам.

— Чёрт побери, — бормотал он, потрясая в недоумении головой.

Напрягаясь, он силился вспомнить, где он оставил линию в прошлый раз, но, так и не вспомнив, где ей полагалось быть, пожимал плечами и допивал содержимое бутылки до конца.

Многое в сознании моего брата поменялось после смерти мамы. Он стал ещё более замкнутым и молчаливым, даже когда мы играли с соседскими мальчишками. Я бы сказал, что у него стало расти чувство обиды на отца, которое он стал прятать от всех далеко внутри. Думаю, он считал отца виновным в том, что

мама умерла такой молодой. Ведь ей было тогда всего 32.

Но гнев Бастера так никогда и не вылился на отца. Он только иногда, когда мы оставались наедине, говорил мне:

— Он не наш отец, — часто повторял он мне. — Поверь мне. Мама мне это сказала сама. Но теперь она умерла, умерла из–за него.

Брат рассказывал мне, что они с мамой, пока она была жива, часто вместе беседовали. И она как–то сказала ему, что папа не настоящий наш отец. На протяжении всей своей жизни Бастер вспоминал её слова, но я так и не узнал от него никаких подробностей.

Только много лет спустя, уже после смерти брата, тётя Долорес сообщила мне, что очень может быть, что его отцом был Джонни Пейдж. Похоже он тоже имел виды на нашу маму в то же время, и их часто видели вдвоём, когда отец был в армии. К сожалению, это всё, что мне удалось выудить тогда из тёти Долорес. Больше она к этой теме никогда не возвращалась.

Брат тоже подробно никогда не рассказывал мне, что особенного тогда сообщила ему мама про отца. Хотя он мне часто повторял, что "он нам не отец" в буквальном смысле. Я же думаю, что его горечь и обида на отца, трансформировались в его сознании и выразились в этой формуле, которую он часто повторял. Ведь только настоящий отец будет столько няньчиться со своими детьми, сколько няньчился в то время с нами папа. Хотя, оборачиваясь на прожитую мною жизнь, я иногда думаю, что брат мог быть и прав, ведь те времена так отличаются от нынешних. Я так долго был уверен, что Эл Хендрикс мой отец. Он был рядом с самого моего рождения и я не знаю никого другого, кого я мог бы назвать своим отцом.

* * *

Однажды днём, когда мы с Бастером ещё жили в доме миссис МакКей, брат нашёл в чулане старую поцарапанную Сирс, акустическую гитару Рёбака Кея. У миссис МакКей был прикованный к инвалидному креслу сын и, думаю, это была его гитара, на которой он играл до болезни. Кто знает, сколько она провалялась в чулане? На ней сохранились три ржавые струны, а её шея была несколько погнута. Клей высох и дека, буквально, готова была каждую секунду отвалиться. Но для Бастера, она была как первая любовь. Он уже многому научился, благодаря своей укелеле, но натягивание проволоки на нашу большую железную кровать его уже больше не удовлетворяло. Впервые в жизни Бастер держал в руках настоящую гитару.

— Можно я возьму её себе, миссис МакКей? — спросил он. — Пожалуйста, очень вас прошу.

— Вот что я тебе скажу. Я продам её тебе за 5 долларов, — ответила она. — И как только я получу деньги от твоего отца, она будет твоя.

Как только отец вернулся, Бастер кинулся его упрашивать. Но отец был категорически против. Он был воспитан в строгих правилах времён Великой Депрессии и полагал, что музыка — это пустая трата времени.

— Я не собираюсь покупать тебе гитару, Бастер, — ответил ему отец. — Тебе стоит выучиться лучше работать руками, парень. Мы ходим в поля каждый день, роем канавы, стрижём траву, корчуем пни… за это нам платят. Гитарой ты денег не заработаешь!

Бастер был в растерянности, отец за работу давал ему 1 доллар в неделю, я же мог дать ему только свои 50 центов, а нам предстояло накопить целых 5 долларов, чтобы выкупить у миссис МакКей эту гитару. Но был ещё один путь. Мы все сидели за столом, на день Благодарения к нам пришла тётя Эрнестина, и Бастер рассказал ей об этой старой повидавшей виды гитаре. И чем больше он ей рассказывал, тем с большим интересом она его слушала. Тёте Эрнестине стало ясно, что отец никогда не добавит Бастеру денег. Когда же она через стол бросила на отца грозный взгляд, отец немедленно принял оборону.

— Вот то, почему я не собираюсь покупать Бастеру гитару, — начал отец, — я не хочу, чтобы он сбился с пути.

Его объяснение рассмешило меня. Звучало это так, как если бы мы с Бастером уже шли в правильном направлении и я представил, как отец сейчас продолжит свои разглагольствования и скажет что–то вроде: "Я хочу, чтобы мои сыновья, научились ценить работу в поле, научились напиваться вечером и научились проигрывать все заработанные за день деньги в карты." Тётя Эрнестина не верила ушам своим и они стали приводить причины, почему стоит и почему не стоит добавить Бастеру денег на гитару. Когда же доводы отца превратились в сплошные оскорбления в её адрес, он пришла в такое негодование, что перегнувшись через стол, влепила ему звонкую пощёчину. Потрясённые, мы с Бастером следили за разворачивающимися событиями затаив дыхание. Никогда прежде мы не видели, чтобы кто–нибудь решился перечить отцу. Немного успокоившись, она раскрыла свою сумочку и положила что–то на стол перед собой. Это была 5 долларовая банкнота.

— Вот, Бастер, теперь ты можешь сам купить ту гитару, — произнесла она, протягивая банкноту брату.

Наш старик весь дымился, его лишили права запретить Бастеру спуститься прямо сейчас же в холл к миссис МакКей и

купить у неё эту гитару. Хотя отец и не мог уже помешать ему, не могу сказать, что он был особенно рад случившемуся. Однако, ситуация оказалась в руках тёти Эрнестины и он готов был сделать всё, чтобы только придержать её язык. Поэтому он разрешил Бастеру сделать то, что тот так хотел.

Брат вместе с парой своих товарищей, тоже начинающих играть на гитаре, отправился в музыкальный магазин и купил набор жильных струн за 75 центов. Хотя они и назывались catgut–струнами, я был несказанно удивлён, узнав, что сделаны они вовсе не из кошачьих кишок. На самом деле это было сокращённое из "cattle guts" и струны производились из бычьих жил. В то время на классические гитары натягивали только такие струны, и большинство исполнителей фламенко предпочитали именно их. Парни из магазина помогли Бастеру натянуть их, но сделали это они как обычно, под правую руку.

Брат уже натренировал руку, играя на воображаемой гитаре, в роли которой выступал отцовский веник, так что я не волновался и минуты, когда у него в руках появился настоящий инструмент. Первое, что он сыграл на своей новой акустике, это была тема из телешоу Питер Ганн, думаю потому, что она играется на одной струне. Чтобы я не мешал ему, он взял цветной карандаш и… привязал его к моему запястью, усадив меня рядом перед чистым листом. Пока он играл, я рисовал и раскрашивал один лист за другим, так проходили часы. Сколько его помню, Бастер всегда был левшой и, естественно, он и гитару держал не как все. Вся музыка была вверх тормашками, пока он не догадался переставить струны под левую руку, чтобы ему удобно было играть. Отец был очень суеверным, особенно относительно того, что он считал "нормальным". В те дни очень многие так считали. И быть левшой для них для всех, означало одно — человека отметил дьявол. И не нашему отцу следовало быть одним из таких, кто осуждает других. Он сам родился с шестью пальцами на каждой руке и бабушка Нора, медсестра по образованию, знала, как ампутировать палец. В те дни это делалось так, брали шёлковую нитку, завязывали ею нежелательный палец, и с каждым днём обматывали его всё туже и туже. В итоге палец отделялся и отваливался. Но у отца выросли на этих местах отростки с маленькими ногтями.

После миссис МакКей Бастер с отцом жили у кузины Грейси и её мужа, Бадди, но недолго, в 1434 по Парк–Стрит на углу 29–й. Одновременно с ним переехал и я от мамы Джаксон в другую семью. Доминиксы жили напротив средней школы Мини–Джуниор на окраине Сиэтла. Их дом был в нескольких милях от того места, где жили отец с Бастером и я впервые оказался так

далеко от них. Несмотря на то, что брат был занят со своими друзьями и часто не мог приезжать, его футбольная команда, Capitol Hill Fighting Irish, постоянно приезжала в Мини играть с местной командой. Поэтому мы время от времени виделись.

В те же дни, когда брат с отцом жил у нашей кузины Грейси, наш двоюродный брат Бобби тоже приезжал со своей командой играть. Я уже писал ранее, что он относился к нам с Бастером по–разному. По каким–то соображениям Бобби нравилось говорить про нашу маму всякие гадости. Трудно понять его, понять, откуда столько гнева рождалось в нём, и каждый раз меня это сильно коробило.

— Слушай, Леон. Он не твой брат. Твоя мама прижила его на стороне, — помню, однажды разошёлся не на шутку Бобби. — А потом ваша мама сбежала ещё с одним придурком, и получился ты, Леон.

У меня холодело всё внутри, мы были закадычными друзьями, и вдруг — такое. Его слова были так жестоки, что я не выдерживал и пускался в рёв.

— Я всё расскажу отцу, — ревел я.

Никто так не говорил, никому и в голову не приходило такое сказать про нашу маму. Я не мог этого стерпеть и побежал прочь из гостиной. Бастер попытался меня удержать, но когда он схватил меня, я потерял равновесие и со всего размаху ударился лицом о дверной косяк. Мой глаз тут же распух и шишка стала величиной с мяч для гольфа.

Позже отцу мы сказали, что играли в догонялки, я споткнулся и упал. Мы решили ничего не говорить ему о Бобби.

Отец положил свою большую руку мне на голову и стал обследовать шишку у моего распухшего глаза.

— Ну–ну, за свою жизнь ты ещё много шишек себе набьёшь, ой много. Тебе стоит к ним привыкнуть.

Этот случай в тот вечер в доме кузины Грейси привёл к полному разрыву дружбы между братом и Бобби. Он не мог простить Бобби те слова. И с этого дня они редко виделись и ещё реже разговаривали друг с другом.

Весной 1958 года отец с Бастером переехали в один дом на Колледж–трит, где жила тётя Эрнестина со своим мужем, Корнеллом. И поскольку фамилия их была Бенсон, мы с братом звали его просто — дядя Бен. Тётя Эрнестина была столь любезна, что пригласила их пожить у себя на время, пока отец не приведёт свои дела в порядок… в очередной раз. Но что бы ни происходило, отец никак не мог освоить один урок — не пить и не играть. Конечно плохо, что он постоянно уходил в глубокий запой, но ещё хуже, что он еженедельно проигрывал все те

деньги, что получал тяжёлым трудом. Итак, они с Бастером поселились у Тёти Эрнестины в её чулане на Бэкон–Хилл. И снова с пятницу до воскресенья я спал на одной кровати с Бастером и отцом, а так как это была зима, то мы прижимались друг к другу, чтобы сохранить тепло. У нас был всего один обогреватель на всех нас троих, так что мы поворачивали его по очереди к друг другу.

— Бог мой, Эл, как ты можешь так жить? — часто спрашивала его тётя Эрнестина. — И ты тут, в этом стираешь простыни?

Её критика обращена была к глухому и получалось, что она сама часто забирала простыни, простирать их в стиральной машине.

У тёти Эрнестины дома был проигрыватель и стопка пластинок. И мы с Бастером с наслаждением заслушивались блюзами. И вдруг мы осознали, что радиопрограмма TOP40 потеряла для нас значение, когда у нас есть Роберт Джонсон и Muddy Waters. Больше всего Бастеру нравился Роберт Джонсон, потому что, как он считал, его музыка пылка и лишена кожи. Аккорды Джонсона были далеки от совершенства, а запись глухая и отчаянно шипела. Но музыка его брала за душу. Но несмотря на то, что Бастера здорово зацепил блюз, он внимательно прослушивал все годы нашей юности весь список популярности, еженедельно передаваемый по радио. Теперь, когда он играл такие номера Элвиса Пресли, как Hount Dog, Blue Suede Shoes и Heartbreak Hotel, они приобретали в его исполнении неповторимый свинговый оттенок. Тоже происходило и с вещами Бадди Холли и Чак Берри, которые он любил часто играть. Бастер комбинировал вместе различные элементы поп музыки белых, соула чёрных с блюзовым звучанием. Мне нравилось узнавать разные песни по радио, но я иногда с трудом узнавал их в исполнении Бастера, в его смешанном стиле, пересечении разных жанров.

До поры до времени акустическая гитара была подспорьем, но как только Бастер стал играть с другими ребятами, уже играющими в группах, она перестала его удовлетворять. Все стремились играть на электрической с применением усилителя. Никак уже его поцарапанная Кей не справлялась в их компании. И раз брат собрался продолжить своё увлечение музыкой, ему необходима была настоящая электрическая гитара.

Глава 5. Играя с группами

Когда ранней весной 1959 года владелец земли, у кого миссис Эрнестина арендовала дом, прибыл с инспекцией, он был несказанно удивлён увидев отца и Бастера, обитающих в чулане. Без дальнейшего обсуждения, он дал понять тётушке, что им следует немедленно оттуда съехать. К счастью у отца оказались отложенными часть денег, заработанными им постоянной ландшафтной работой и он снял заброшенную студию на втором этаже в 1314 по Ист–Террас в сиэтловском Фёст–Хилле. Вместе, мы трое, за эти годы видели не одно полуразрушенное жильё, но эта студия превзошла все. Дом был заселён тараканами, которые, похоже, прибыли туда со всех концов страны на некую тараканью конференцию, Террас–Стрит — это настоящие трущобы. Я прозвал это место "гетто в гетто". Люди слонялись туда–сюда всё время, и неважно было день это или ночь. Пьянство и драки было единственным их занятием. Проститутки на каждом углу и если вы не хотите попасть в какую–нибудь историю, то выходить вечером на улицу, я бы вам не советовал.

Дом находился почти напротив городского суда по делам несовершеннолетних, который стал одним самых часто посещаемых мною мест. Меня часто ловили просто на улице. Они прозвали меня "безнадёжным" и даже однажды хотели послать меня в исправительную колонию, но миссис Ламб настояла, чтобы меня поместили в закрытую католическую школу для мальчиков. В самом начале 5–го класса она отвезла меня в школу Бриско, расположенную на юге Сиэтла. С первого взгляда мне стало ясно, что это самая настоящая тюрьма для несовершеннолетних. Но миссис Ламб была хорошо осведомлена о моих приключениях в школе и считала, что смена школы мне послужит на пользу. С первого взгляда я понял, что новая школа мне не подходит. Мне совершенно не хотелось поселиться в этом ужасном кирпичном здании, где все носят форму, и спят в огромных общих спальнях. Я заревел как маленький и попытался сбежать от миссис Ламб, пока она ставила машину на стоянку. Я понимал, что забирать меня оттуда в ближайшем будущем она не собиралась.

Итак, сбежав из школы Бриско, следующей моей остановкой стал дом миссис Мэгвуд, добросердечной пожилой дамы, живущей на углу 24–й и Олив–Стрит в Центральном районе. Мне нравилось жить у миссис Мэгвуд, но не только потому что она была доброй женщиной, главное, её дом был не в нескольких милях от отцовского, как дом Доминиксов, а всего в восьми

кварталах от той крысиной норы, в которой отец с Бастером поселились в Ист–Террас.

После работы отец каждый день запирал весь свой садовый инвентарь в специальном сарае, чтобы никто не мог его украсть из кузова грузовика. Задней стеной дом примыкал к бензохранилищу и всюду пахло прелой травой. Поначалу трудно было привыкнуть к этой вони, но мне и не такое приходилось нюхать и после нескольких уикендов я уже ничего не чувствовал. К тому же мы с Бастером мало сидели дома.

Поскольку брат стал заниматься музыкой гораздо позже своих сверстников, ему было труднее влиться в местный музыкальный мир и найти какую–нибудь группу, которая захотела бы взять его к себе. Впервые я увидел брата, играющего вместе с другими, когда мы однажды, в воскресный полдень, пришли к одному старику–негру домой. Он наладил микрофон и поставил на стол небольшой портативный магнитофон и они вместе сыграли несколько вещей из репертуара Muddy Waters'a. Кончив играть, мы все втроём, сидя в гостиной этого старика, прослушали только что сделанную запись. Я не знал зачем она ему понадобилась, но по старику видно было, что он остался доволен проделанной работой. Это была самая первая запись из когда–либо сделанных моим братом и, взглянув на его лицо, я мог сказать, что он был счастлив как никогда.

Бастер пересёкся с этим стариком ещё раз, когда он его позвал в одну нору под названием Красный Петушок в Рентоне, штат Вашингтон, крошечное помещение с очагом посередине, дающим тепло в зиму. Только к вечеру мы добрались до Эмайр–Вей, теперь её переименовали в улицу Мартина Лютера, и Бастер присоединился к группе старика и они сыграли небольшой джем–сейшн. Его гитара оказалась на высоте в этой норе, потому что никто там не играл с усилителем. Все музыканты старше его по возрасту были в восторге от его игры и уже тогда увидели в нём талант. Они джемовали, добавляя соул, он же внёс в игру энергию мустангов гитары старых времён. Хотя он скоро отошёл от общих принципов, говоря геометрическим языком, по касательной, они все считали его своим. Манера игры старшего поколения музыкантов увлекала его и он многое перенял у них, но самому подойти и заговорить с ними он не решался. Он никогда не напрашивался поиграть с ними.

Однажды пополудни по поручению миссис Мэгвуд я пошёл в огород и набрал горчичных листьев, она попросила меня отнести их своей приятельнице миссис Пенниман, чей дом был всего в двух кварталах. Когда я туда добрался, то увидел перед домом чёрный блестящий лимузин. Я шёл мимо, разглядывая его окна,

замешкался и столкнулся нос к носу, ни больше, ни меньше, как с её племянником, Ричардом Пенниманом, известной рок–звездой, которого все знали как Литл–Ричарда. Узнать его было трудно, на нём была белая майка и бандана. Но ошибки не было, однажды я его уже видел и запомнил лицо. У меня взорвался мозг. Мы с Бастером не раз видели Литл–Ричарда по телевизору и мы балдели под его музыку. Мы носились по квартире, вопя The Girl Can't Help It, но особенно нашу любимую — Люсиль. Вместе с Элвисом он был нашим идолом. И вот, оказывается, миссис Пенниман — тётя Литл–Ричарда!

Не теряя времени, я вскакиваю на велосипед и несусь что есть мочи домой. Бастер сидел склонившись над своей гитарой и я, ворвавшись в дом, как вихрь, понёсся к нему, вопя:

— Литл–Ричард у тётушкиного дома!

Не дав ему опомниться и переспросить меня, я выволок его из дома и сунул ему в руки велосипед. Запыхавшись, мы подъехали к дому миссис Пенниман. Я знал, что Бастер обрадуется, увидев так, прямо перед собой, живую рок–звезду, гения рок–н–ролла. Широко раскрытыми глазами мы с Бастером уставились на Литл–Ричарда, вышагивающего по кухне миссис Пенниман и готовящего себе жаренные окорочка и салат из горчичных листьев, которые я принёс ранее. Мы уже собрались уходить, но он остановил нас и подписал нам свои фото.

Позже, в тот же день мы нарядились в наши костюмы, в которых мы обычно по воскресеньям ходили в церковь, и отправились в баптистскую церковь Доброй Воли, что на углу 14–й и Спринг—Стрит, увидеть обращение Литл–Ричарда к прихожанам. Прибыв на место, мы обнаружили, что вся церковь уже заполнена и нашли свободное место только в заднем углу. Каждый хотел поймать взгляд рок–звезды. Главная мысль, которую хотел донести до прихожан Литл–Ричард, это то, что он сыт по горло ролью рок–н–ролльной звезды и собирается стать проповедником. Вся церковь ловила каждое его слово, а он гарцевал по кафедре, отчаянно жестикулируя и восхваляя всесильную власть Бога.

— Молитесь, молитесь! — выкрикивал Литл–Ричард, приближаясь к концу своей проповеди и вознося руки высоко над головой. — Амен, мои братья и сёстры!

Люди вскочили со своих мест и, запрудив проход меж скамьями, вздымали свои руки к небу, крича:

— Амен! Хвала Господу!

Следующим вечером мы с Бастером снова были в церкви. Два вечера подряд Литл–Ричард провёл службу при большом стечении народа. Созерцание гения рок–н–ролла произвело на

моего брата сильное впечатление и снарядило его к дальнейшему путешествию в мир музыки. Он и так уже собирался сколотить группу из ребят и играть по соседству, а встреча с Литл–Ричардом только более усилила его желание выразить себя в музыке. И однажды вечером мой брат переиграл со всеми, кто жил рядом, независимо от того умели они играть или только учились.

Парни из других групп считали брата сильным гитаристом, но он произвёл на них ещё большее впечатление этим вечером. Вскоре они начали звать его поиграть с ними или порепетировать. После того, как отец повесил на него заботу обо мне по уикендам, я стал, ходить за ним как привязанный. Иногда мы вышагивали мили до того места, где они выступали.

К этому времени у Бастера накрепко засела одна идея: электрическая гитара. Его бренчание на акустической гитаре выглядело нелепо среди других инструментов, использующих усилители. Время от времени один из парней давал усилитель ему на несколько минут поиграть, но потом ему снова приходилось возвращаться к своей обшарпанной акустической гитаре. Несколько недель мы копили деньги и потом отправились в музыкальный магазин, посмотреть, что мы сможем купить на эту сумму. Продавец предложил нам уценённый звукосниматель, но брату предстояло самому установить его на гитаре. Бастер не думал, что есть что–то, что он не сможет сделать, что касалось его гитары. Так что мы вернулись обратно в магазин и домой уже шли со своим собственным звукоснимателем в руках.

Поиск новых возможностей гитары стал его личным научным исследованием, и когда Бастер принёс звукосниматель домой, заставить все эти вещи работать оказалось не так просто, как он сначала думал. Дрели у нас не было и ему пришлось делать отверстия шилом, поэтому дырки оказались слишком большие для винтов, и их, в свою очередь, пришлось обмотать изолентой, чтобы они надёжно держали звукосниматель. Расстояние до струн оказалось слишком маленьким и они стали за него задевать, когда брат начинал играть. Гитара стала похожа на детище Франкенштейна. Но самое удивительное, что всё работало. Теперь, когда, наконец, звукосниматель был установлен, возникла новая проблема — гитару некуда было подключить. Не было никаких мыслей, как заработать столько денег, чтобы хватило на усилитель. Такие вещи стоили больших денег, а Бастер еле–еле набрал, чтобы купить звукосниматель.

То отчаяние, которое столько раз охватывало нас в детстве, развило в нём креативное мышление. У отца был старый проигрыватель, на котором он слушал ритм–и–блюзовые пластинки из своей коллекции. Итак, Бастер отрезал проводок,

идущий от усилителя к игле, и подсоединил его к звукоснимателю на своей гитаре. Presto — гитарный усилитель готов. Ну, что–то вроде. Я даже ему в этом немного помог. Паяльника у нас не было, поэтому он место соединения обмотал изолентой. Строго говоря, и изоленты у нас не было, поэтому Бастер использовал обычную нитку. Но работой это не назовёшь, сигнал постоянно пропадал, так как место соединения проводов еле держалось.

— Ну, Леон, иди сюда, — обратился ко мне за помощью Бастер, склонившись над проигрывателем. — Следи, чтобы вот эти проводки не рассоединились.

Он показал мне место соединения, затем отошёл и взял гитару, стоящую тут же у стены. Но проблемы только начались — когда я соединил проводки, меня ударило током. Хотя в громкоговорителе и раздался громкий щелчок, всё снова замолкло, потому что я отпустил проводки.

— Меня больно ударило, — попытался я объяснить ему.

— Ну давай, попробуй ещё раз, — сказал мне Бастер.

Я наблюдал, как он пытается заставить работать все эти штуки, и его возбуждение передалось мне. При второй попытке, повторилось тоже самое, испытав острую боль, я отпустил провода. Наши глаза встретились, когда, как и в первый раз, в громкоговорителе снова раздался сильный щелчок. Вот так, впервые, в жизнь Бастера вошла электрогитара. Бастер отошёл и взял один аккорд, в громкоговорителе что–то затрещало и захрипело. Он не только заставил электрическую гитару петь, но более того, он впервые добился искажённого звучания. Сигнал со звукоснимателя был слишком велик для маломощных динамиков проигрывателя. Звук был грязноватый и глухой, но это был уже настоящий усилитель. Снова опустившись на колени перед проигрывателем, я приготовился снова испытать электрический шок, но эта мысль меня уже не беспокоила. Оглядываясь назад, могу с полной уверенностью сказать, что я был первым техником гитар моего брата.

Помня историю с отцовским радио, когда он разобрал его "в поисках музыки", Бастер воссоединил разрезанные проводки отцовского стерео и привёл проигрыватель в прежний вид. Отец так никогда и не узнал о наших опытах с его проигрывателем. Несколько следующих недель прошли в ежедневном превращении отцовского проигрывателя в гитарный усилитель и обратно.

Бастер понимал, что со своей старой пошарпанной акустической гитарой, он не найдёт работу, если не присоединится к какой–нибудь играющей группе. Мы были на краю гибели, когда он купил её у миссис МакКей, и теперь не

было никакого смысла вкладывать в неё свои сбережения. Пришло время настоящей электрогитары. Но когда Бастер спросил отца помощи в покупке новой гитары в магазине Сиэтл—Мюзик, он услышал в ответ обычную для отца отговорку:

— Что за чёрт, нет, конечно!

Отец совершенно ничего не понимал. Для него и акустическая гитара была сверхпокупкой. И ни в какую он не хотел участвовать в отклонении Бастером от "правильного пути", который он для него пророчил. Но со временем он мало–помалу изменил своё отношение к выбранному Бастером "направлению" и даже стал гордиться своим сыном. Отец был достаточно сметлив, чтобы понять, что у парня не так уж много было шансов в жизни. Моему брату было тогда 16 и он собирался заняться в жизни тем делом, которое ему больше всего было по душе. Но отец продолжал начатую игру, непрестанно повторяя, что гитара это не занятие для настоящего мужчины и что игра в группах это бесполезная трата времени и старался придерживаться выбранной им линии изо всех сил. Он никогда бы не пошёл с Бастером в музыкальный магазин, но он не стал и препятствовать сыну самому скопить деньги на инструмент.

Где–то уже в начале лета 1959 года у Бастера накопилась некая сумма, и отец повёз нас в Сирс в южную часть Сиэтла, туда, где некогда жила наша мама, посмотреть, что мы можем подобрать на эти деньги. После того как мы выбрали одну из гитар, продавец предложил нам следующее:

— Что если вы сделаете первый взнос, а затем будете постепенно выплачивать всю…

— Нет, нет и нет! — оборвал его отец. Он уже был немного пьян и ему эта возня стала быстро надоедать. Ничего его уже не радовало в этом состоянии. И какие бы льготные условия не предлагал в данный момент продавец, уверенность отца в его лживых намерениях начала затмевать сознание. Трезвым отец был более сговорчивым, но по мере того как он всё больше и больше прикладывался к Сиграмс Севен, он становился всё более раздражённым и несдержанным. Продолжать разговор с ним становилось всё труднее.

— Прости, Бастер, но сегодня у нас ничего не получится, — произнёс отец, выходя с нами из магазина.

Грустно окончилась для Бастера поездка в магазин, и никто из нас не предполагал, что отец после этого случая позволит ему когда–нибудь следовать за своей страстью. Обыкновенно, после глубоких запоев отца всегда захватывало чувство вины и вот теперь, помнится, не прошло и двух недель, может быть трёх, как он передумал. Думаю, такой он был бы на самом деле,

стеснительный и мягкий, если конечно не затуманивал бы своё сознание алкоголем. Однажды вечером мы все втроём, сидя за столом, уничтожали содержимое большой кастрюли с макаронами, и Бастер пожаловался нам, что его Кей окончательно развалилась. На ней уже невозможно было играть, а давать ему надолго свою гитару никто не хотел. Это был один из тех волшебных моментов, когда в нашу с братом жизнь вмешивалась Судьба и спасала нас от всех несчастий.

— Ну, знаешь, Бастер, я, вот, подумал, — неожиданно прогудел отец, — почему бы нам всем троим не отправиться завтра утром в музыкальный магазин Майера и не присмотреть там что–нибудь.

Мы с братом обрадовались, слова отца звучали серьёзно, но мы никогда не знали наверняка. Часто скажет что–нибудь, затем через секунду говорит полностью противоположное, а потом говорит, чтобы мы забыли и это. Не надо напоминать, что он уже брал нас с братом в Сирс, откуда, развернувшись, ушёл в последнюю минуту. Но здесь всё было уже по–другому. Отец продолжил:

— Может быть, мы там увидим одну из тех гитар, о которых ты говоришь. Кроме того, себе я хочу присмотреть саксофон.

Где–то в глубине своей души отец, возможно, понимал, что ему не остановить своих мальчиков. Бастер постоянно играл в группе и это занимало почти всё его свободное время. Отцу ничего не осталось, как смириться с тем, что делал Бастер и полностью ретироваться с его пути. Ни словом, ни наказанием он уже не мог изменить решение Бастера играть в группе. И хотя отец и слышать об этом не хотел, но не понять, что призвание Бастера — гитара, он не мог.

На следующий день всё шло по плану и мы отправились в музыкальный магазин Майера. Новая Кей–электрик в Сирсе стоила 29.95, тогда как модель Супро–Озарк у Майера всего 15 долларов. Бастер глаз не мог отвести от блестящей светло–серой цвета шампанского гитары. Отец же выбрал саксофон, как и говорил накануне. Я не знаю точно, почему он выбрал именно саксофон, но он сообщил нам, что всегда хотел играть либо на саксофоне, либо на трубе, но никогда ему не предоставлялось случая. Уму непостижимо. Вот это новость. Но опять произошла заминка, у отца на оба инструмента не хватало денег. Так что он решил внести за гитару Бастера 5 долларов с тем, чтобы потом её выкупить. Разочарованный, Бастер вышел в тот день из магазина без новой гитары в руках, но с надеждой, что не пройдёт и недели, как они вернутся за ней.

Так и произошло, спустя неделю мы вернулись в магазин и

продавец, смахнув пыль, протянул гитару Бастеру, добавив в придачу к ней, комплект струн. С того момента как тот парень из магазина передал гитару Бастеру, брат всю следующую неделю, буквально, сросся с ней. Когда мы возвращались домой из магазина, он был готов бежать перед грузовиком, чтобы быстрее добраться домой. На гитаре струны были натянуты под правую руку, но как только мы вошли в дом и минуты не прошло, как брат их переставил под левую. Той ночью он так и заснул с гитарой на груди, а когда проснулся на следующее утро продолжил прямо с того места, на котором застал его сон, как если бы сон был мгновением, короткой паузой между аккордами песни, которую он играл. Что касается отца, то он не мог извлечь из своего саксофона ни одной ноты. Было очевидно, что музыкальные способности перешли к брату по материнской линии. Когда мы побежали к школьному автобусу, он перекинул ремень через плечо и взял её с собой в школу. Он никогда уже не расставался с ней и даже по дому ходил, не выпуская её из рук. Поэтому вдохновение всегда заставало его готовым к творчеству.

Духи всегда интересовали нас с Бастером. Для нас слово "вдохновение" всегда означало "вместе с духами". Вот, к примеру, ничего, и вдруг, духи обращают на нас внимание и мы срываемся, бежим, прыгаем, сочиняем или рисуем. Эти импульсы мгновенно задают нам направление и точку старта, и ведут нас к, как бы само собой образующимся, чему–то, что исходит из глубины нашей души. Последнее, что хотел бы Бастер, это то, что если на него падёт вдохновение, а её рядом не окажется, его блестящей, цвета шампанского, электрической подруги, готовой в любой момент перевести на музыкальный язык их послание. Именно поэтому он таскал её за собой и день и ночь. Он уже не выражал их послания своими зарисовками бесконечных сражений или спортивных игр. Его гитара стала искусным инструментом в руках хозяина. Он чувствовал, что ему нужно быть готовым в любой момент воспринять потоки сигналов, поступающие в его голову, потому что никакого расписания они не придерживаются. Духи по природе своей сродни с ветром и появляются так же быстро как и исчезают. Даже Бог сравнивает ветер с духами. Они на 100% реальны, только вот плоти у них нет. Брату не нужно было сочинять, музыка просто проникала в его пальцы, ничто другое так не захватывало его, как прикосновение к музыке, ощущение её и обнимание её, как если бы она была телесна. Он полностью концентрировался и привлекал всю свою духовную энергию, когда был уверен, что может произвести нечто экстраординарное. Поэтому, когда приходило ощущение, он знал наверняка, что и как ему делать — хватать гитару, сидящую

всегда рядом с ним.

Я всегда чувствовал, что музыка, чистые ноты и звуки были частью моей ДНК. И видя всё время рядом с собой счастливого Бастера, играющего на своей гитаре, я спросил отца, не может ли он и мне купить гитару. Он посмотрел на меня, как если бы я был сумасшедшим.

— Где ты оставил свои мозги? — спросил он, дико вращая глазами. — У нас в семье уже есть один дурак с гитарой и я не позволю другому сойти с ума из–за этой дьявольской штуки.

Бывало мы с Бастером сидим на автобусной остановке, он, склонившись над своей гитарой, я — рядом, а наши друзья, проезжая мимо, зовут его с собой.

— Ну же, Бастер! Поедем кататься, школа подождёт!

Но брат даже не замечает их. Взгляд остановился, и мне даже не понять, видит ли он вообще струны или нет. Когда его пальцы перебирают струны, это означает только одно, его с нами нет. Что только ребята не делали, чтобы вырвать его из музыкального транса, кому нравится, если на тебя не обращают внимания, но никакие их уловки не могли отвлечь его. Для него в такие моменты мир наш не существовал.

Начиная с этого времени, он уже не рисовал сражения, не носился по футбольному полю с ребятами, не завоёвывал бейсбольных наград. Он оставил все свои прежние увлечения ради одного, одного единственного, к которому стремился всю свою жизнь. Гитара позволила ему выразить все те эмоции, которые он прятал глубоко внутри, и чувства, которыми он ни с кем никогда не делился. Она дала ему способ выпустить из себя гнев, который скапливался в нём долгие годы.

В самом начале 10 класса, в сентябре 1959 года, Бастеру пришлось сменить школу Вашингтона на школу Гарфельда. Но школа его уже интересовала меньше. Не прошло и месяца, он стал играть с соседскими парнями, среди которых был его близкие друзья, Пернелл, тоже играющий на гитаре, и Лютер Рэбб, саксофонист. Они назвали себя Velvetones, и были группой с непостоянным составом, что называется рэгтэг–бэндом. Но они стали постоянно выступать в клубе Birdland на углу Мэдисон и 22–й авеню, а иногда, по пятницам, играли в клубе Йеслер–Террас–Филд–Хаус в Йеслер–застройке. Мне особенно нравились их репетиции по уикендам, их мамочки угощали меня жареными крылышками с кукурузой и я наслаждался, пока ребята репетировали внизу в цокольном этаже.

Когда я возвращался домой по уикендам, то меня встречало возмущённое ворчание отца по поводу вечного отсутствия брата. Он по–прежнему думал, что его увлечение гитарой проходящее,

хотя на это не было и намёка. Постоянные репетиции и выступления действовали ему на нервы. Он проклинал тот день, когда отвёз нас в музыкальный магазин Майера и купил эту электрическую гитару. Всё время видя, как Бастер что–то играет дома, да ещё записывает, вызывало в нём бурю раздражения. В этом заключалось свойство его расщеплённой души. То он сам дарит Бастеру гитару, то он тут же приходит в ярость от его игры. Он ждал от него реальной помощи по уикендам в ландшафтной работе и в газете Сиэтловский Информатор, которую разносить была обязанностью Бастера.

— Ты должен работать руками, парень! — с раздражением повторял ему тысячный раз отец.

Как–то отец пришёл домой раньше обычного и Бастер, вскочив с дивана, хотел показать отцу, что они с ребятами сочинили в этот день. Но не успел Бастер сыграть и двух нот, как отец взорвался.

— Что я тебе говорил, парень? — угрюмо сказал отец. — Я не хочу видеть в доме гитариста, играющего левой рукой! Это печать дьявола!

Отец набрал грудью воздух и со всего размаха влепил при всех Бастеру громкую затрещину. Остальные члены группы тут же, схватив свои вещи, выскочили из дома.

У Бастера была подружка, которую звали Бетти Джин Морган, их всегда и везде видели вместе. Она тоже училась в школе Гарфилда и осталась на всю жизнь в его сердце. Я увязывался за Бастером, когда он направлялся к её дому на 29–ю и Йеслера, о котором он позже сочинил блюз Red House, кстати сказать, дом был на самом деле не в красный выкрашен, а в коричневый цвет. И пока они там с Бетти–Джин болтали о том, о сём, её мать угощала меня и жареными крылышками, и картошечкой, и соками. Ко всем этим угощениям у Бетти–Джин была прехорошенькая младшая сестрёнка Мэтти—Би, которой я и увлёкся. Не прошло и пары недель, как мы с ней сошлись. Так, всё свободное время по уикендам мы с братом стали проводить в их доме.

Однажды гастролирующие музыканты увидели в клубе игру Бастера и предложили присоединиться к их группе. Они пообещали ему хорошие деньги и бесплатное гитарное оборудование, если он согласится. Так, семнадцати лет, брат стал играть с группой Rocking Kings, которая целиком состояла из старшеклассников из нашей части города. Выступали они в широких чёрных брюках и белых рубашках с чёрными галстуками. Но отличительной чертой были их красные пиджаки. У Бастера всё это было, кроме пиджака, на который денег у него

не было, и когда отец предложил ему 5 долларов за полный рабочий уикенд, Бастеру выбора не оставалось. Так, неожиданно отец ещё раз помог брату и Бастер, отправившись в магазин одежды Вильсона в тот воскресный вечер, вернулся домой именно в таком пиджаке, и как раз вовремя, так как все уже ждали его в клубе.

У брата по–прежнему не было комбика, но к счастью у кого–то из группы был запасной динамик и он на время дал его Бастеру. Динамик он подсоединил к усилителю так, чтобы на него шёл звук с гитары. Бастер сконструировал специальный ящик, куда и вставил динамик, и теперь у него был свой собственный комбик. В те дни это было необходимо, так как в клубах не было никакого собственного оборудования и группам приходилось обходиться своими силами, чтобы добиться хорошего звучания. И если бы у Бастера не оказалось приличного усилителя, он бы выпал из ансамбля, как бы хорошо он ни играл.

Как и прежде, на неделе я оставался жить в чужой семье, каждый день ходил в школу, но по уикендам я прилеплялся к Бастеру и таскался за ним по сиэтловским клубам. Отца как всегда не было и всю заботу обо мне взял на себя Бастер. Чиновники из соцдепартамента не догадывались о наших пятнично–субботних похождениях, иначе они бы немедленно вмешались и разрушили нашу идиллию. Ребята из группы считали меня своим и не видели никаких причин гнать меня из–за кулис. Они были очень популярны и работы было всё время много. Нашими обычными местами выступлений были все популярные сиэтловские клубы: Encore Ballroom, театр Вашингтон, Parker's West and South, Испанский замок, Black–and–Tan, клуб 410 Supper и, конечно же, Birdland, место, где начинали играть все сиэтловские группы, когда становились популярными. Из вечера в вечер мы играли такие ритм–и–блюзовые стандарты, как Let the Good Times Roll, Charlie Brown, Yakety Yak и Do You Wanna Dance?

Не прошло и двух недель с того времени, как Бастер присоединился к группе, как в Birdland у него украли гитару, когда он отлучился ненадолго из–за кулис. И не только он лишился самой ценной вещи, но и знал, что ему предстоит грандиозная взбучка от отца, когда он расскажет ему о случившимся. Я никогда не видел его таким несчастным. Без гитары, без музыки. Весь мир обрушился вокруг него.

Но не всё так плохо, как кажется. Помогли друзья, добавив денег к заработанным ландшафтоведением, Бастер купил в Сирсе себе новую Danelectro Silvertone в комплекте с усилителем Рёбак за 49.95.

Все кругом видели в Бастере гитариста и музыканта, как говорится, от Бога, но самому ему ещё трудно было примерить на себя свой талант. Он покрасил свою белоснежную гитару в красный цвет и привязал к ней два орлиных пера. Он даже отклеил тонкие золотистые полоски с бутылок из–под отцовского виски и использовал их, чтобы украсить её. Каждый раз, как я видел брата с гитарой, она выглядела совершенно по–иному. Я часто слышал, как ребята из Rocking Kings спрашивали друг друга:

— Зачем ему это? Для самовыражения?

Бастер был пионером хиппи, ещё в то время когда никто про хиппи и не слышал. Все остальные члены группы вместе и поодиночке пытались умерить его пыл, но ничего из этого не выходило. Они поставили его на второй план, они одели его в одинаковый для всей группы костюм, но не смогли удержать его в тени.

В начале лета 1960 года отец с Бастером выехали из разваливающегося дома на Террас–Стрит в небольшой дом 2606 по Ист–Йеслер–Вей. Позже и я переехал от миссис Мэгвуд в семью Стил и, естественно, сменил школу Горация Манна на среднюю школу Вашингтона, поскольку отцу к концу года удалось уговорить миссис Ламб переселить меня ближе к родным, так как его грузовик, Линкольн 36–го года, стал барахлить. Итак, я поселился у тётушки Марии Стил в одном квартале от отцовского дома. Но, несмотря на то, что я жил как никогда близко от родных, я стал самым несчастным ребёнком на свете. Миссис Ламб даже пришлось послать невропатолога выяснить ситуацию в доме Стилов.

— Чем ты не доволен? — вкрадчивым голосом спросила меня эта женщина.

— Чем я не доволен? — повторил я её слова. — Бастер с отцом живут в одном квартале отсюда, а я вынужден сидеть здесь. Всего–то что я хочу, это жить дома.

— Тебе нужно понять, что твоему отцу тяжело заботиться о вас двоих. К сожалению, сейчас только так и можно ему помочь и ты должен смириться с этим.

Но я не смирился с этим прежде и не собирался смиряться с этим и в этот раз.

Вдохновлённый успехами моего брата, я решил попробовать свои силы на ежегодном шоу талантов, устраиваемом в нашей школе. Я помчался домой спросить на время у брата гитару. Он почти никому не разрешал играть на своей гитаре, но к счастью я застал его в подходящий для меня момент. Когда я влетел в дом, дверь в спальню была заперта и за ней слышалась возня и голоса

брата и Бетти–Джин. На мой стук, дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы я увидел лицо Бастера. Если бы не было здесь Бетти–Джин, мне бы никогда он не разрешил взять гитару. Но Бастеру нужно было в этот момент, чтобы я побыстрее убрался из дома.

В итоге я, подражая старшему брату, испытал свою Судьбу, выступив на следующий день на школьном шоу талантов. Я вылез на сцену с другими ребятами и мы сыграли Твист Чабби Чекера. В одиночку я никогда бы не одолел эту песню, но вместе у нас получилось вполне здорово. Всем понравилось наше выступление, так как многие видели электрическую гитару впервые. Но я должен был её вернуть в этот же день Бастеру, так как к вечеру должны были прийти к нему ребята репетировать. Так, благодаря своему брату я стал гвоздём шоу талантов нашей школы. Я даже стал подумывать, а не стать ли и мне тоже музыкантом.

Гдава 6. От Rocking Kings до армии

Летом 1960 года Rocking Kings продолжали выступать и в городе, и в пригородах, и в близлежащих военных базах, переиграв почти во всех офицерских клубах. После Второй Мировой войны правительство построило на побережье около пятидесяти военных фортов, поскольку все ожидали японского вторжения. И ребята бомбардировали своими выступлениями пять из них, расположенных недалеко от Сиэтла, все, от базы ВВС МакХорд до Форт–Лоутона. Помимо армейских клубов они часто выступали в Вашингтон—Холле на углу 13–й и Йеслера, это совсем рядом с тем местом, где жила наша мама. Клуб в основном посещался чёрными любителями ритм–и–блюза, хотя зал и бывал чаще полупуст, но принимали их тепло и ребята любили выступать там. Танцзал Анкор был меньше по размеру, но всегда был упакован, но, по большей части, сутенёрами, проститутками и торговцами дешёвыми наркотиками. Когда я вместе с музыкантами приезжал в клубы, я всегда сидел за кулисами, стараясь не засветиться, так как в зале шла широкая торговля спиртным и у меня были бы огромные неприятности, так как мне было всего 12.

Но со временем все клубные вышибалы знали меня и я свободно прошмыгивал через заднюю дверь, благодаря их покровительству. Первым делом они вели меня на кухню и передо мной возникали ароматные читлинсы — полная миска тушёных свиных потрошков с горячим дымящимся картофельным пюре с подливой — сегодняшние хот–доги и гамбургеры и в сравнение не идут. Это больше было похоже на рагу с листьями горчицы и обжаренными окорочками.

— Это братья Хендриксы, — со знанием дела сообщали вышибалы.

Иногда бывало и так, во время их выступления я, устроившись поудобнее, спал под сценой. Со временем я настолько привык к грохоту рок–н–ролла, что брату приходилось прикладывать немало усилий, чтобы разбудить меня, я спал, как убитый. Радости от того, что я всё время увязывался за ним, он не испытывал, ему хотелось просто поиграть и познакомиться с какой–нибудь девчонкой, а моё присутствие ломало все его планы. После выступления он сходил с ума от того, что был вынужден искать меня, в то время как другие, уже упаковав своё оборудование, расходились по домам. Я топил все его намерения.

В конечном счёте, я стал носить стильный костюм и ходил по клубам, как если бы был музыкантом из группы. Я посчитал, что я

выдержал стиль, впрочем, другого мне и одеть было нечего. Я думал, этого вполне достаточно, чтобы цеплять девчонок, но по возрасту я был мал для этого. Никто из них так и не обратил на меня внимания. И мне нужно было набраться терпения и ждать ещё несколько лет, пока не придёт время.

Напротив, мой брат пользовался громадным успехом среди них. Бывало я прошагивал по пригородам за ним мили, когда он отправлялся на свидание к очередной цыпочке. Однажды мы должны были пройти целых 7 до её дома, но нам предстояли те же 7 миль на обратной дороге. Когда мы, наконец, добрались до места, Бастер исчез в окне её спальни, а мне досталось сидеть на лужайке перед её домом и разглядывать звёзды на ночном небе. После того, как он там побыл некоторое время, он выпрыгнул через то же окно и мы зашагали назад. Дорога заняла у нас почти три часа и я был ещё мал, чтобы понять, зачем мы преодолевали столько трудностей, только ради того, чтобы увидеться с какой–то девчонкой. Но, знаете, что я вам скажу, они просто висли на нём.

Брату не было ещё и семнадцати, но он уже был гораздо более опытным гитаристом, чем даже ребята старше его. Он вёл репетиции Rocking Kings и, как говориться, над ним открылось небо. Всё было так, как если бы ребята были его проводниками в этом мире. Но мне нравилось больше всего слушать, как он играет один, наедине с самим собой. Казалось, каждая песня, которую он играл, была сочинена им самим, столько сердца он в них вкладывал. Репетировал ли он? Да он их шлифовал до бесконечности! И перед кем бы он ни играл, это было настоящий спектакль, неважно, играл ли он перед близкими друзьями, или в битком набитом танцзале Анкор.

Скоро он добился, что мог выходить на сцену в том, в чём хотел в данный момент и извлекать из своего усилителя необычные звуки. Ребята только пожимали плечами на репетиции, силясь сообразить, зачем ему это надо. Если вдруг вдохновение захлёстывало его в середине песни, его сносило в сторону, словно центробежной силой, срывая все мелодийные каноны. Остальным оставалось только подыгрывать ему, окрашивая его линию. Каждый раз как брат играл, он использовал этот шанс, чтобы выразить свои чувства. Могу понять его партнёров из группы, когда на обычной репетиции тебя вдруг отбрасывало шквалом фидбэка Бастера и его сумасшедшими импровизациями. Бастер уже тогда оставил их далеко позади и игра его была выше на несколько уровней.

— Слушай, Бастер, тебе совершенно незачем приходить на репетиции. Остальным же парням, я считаю, надо много

репетировать, — сказал ему однажды менеджер группы, Джеймс Томас. — Так что в течение недели ты можешь быть свободен. Только не опаздывай по пятницам и субботам на наши выступления. А по воскресеньям ты и так зажигаешь, — добавил он смеясь.

Поскольку брат стал часто выступать с Rocking Kings в разных частях города, его присутствие в школе Гарфилда становилось всё более редким, а отец — чаще получать возмущённые записки от завуча о том, что прогулы Бастера стали нормой его поведения. Поэтому отец, усадив его перед собой, высказал ему своё мнение на счёт всего происходящего, но его речь не произвела никакого изменения в сложившейся ситуации. До меня дошли слухи о происшествии с одной белой девчонкой, с которой Бастер стал проводить много времени. Думаю, ни директору, ни некоторым учительницам не понравилось видеть их так часто вместе в рекреациях, но более всего их возмутило, что однажды они взялись за руки прямо в классе, там, на задних партах. Когда из этого эпизода раздули настоящее дело, Бастеру уже невозможно было учиться дальше. На этом окончилось его официальное образование. Но ни брата, ни меня школа особенно не интересовала. Она не могли нас увлечь, потому что нас интересовало гораздо большее, чем могли предложить нам учителя. Кроме того, у него был свой ансамбль и для него он был всем. Брат продолжал пропускать уроки и в конце октября 1960, за месяц до своего 18–летия, его исключили из школы Гарфелда.

Из всех путешествий с Rocking Kings по сиэтловским клубам, мне более всего запомнилось их первое выступление в танцзале Испанский Замок в конце 1960 года. Менеджер группы, Джеймс Томас, повёз ребят в Кент, в один клуб, расположенный недалеко от пересечения 99–го шоссе и Дез–Муане–Вей, в своём громадном зелёном Плимут–Фьюри 1956 года с чрезмерно большими решётками охлаждения, расположенными сзади. Я был в восторге от этой машины, она мне напоминала какой–то инопланетный космический корабль. С дугой стороны, возможно, это был лучший вариант, чтобы перевозить всю группу с их многочисленным оборудованием с места на место. Много лет спустя, после того, как брат написал Мэджик Испанского Замка, я от многих слышал, что клуб находился "в полдня пути", как поётся в песне. Но все знают, что Кент всего в часе езды от центра Сиэтла, и им никак не понять, почему эта поездка действительно занимала у нас полдня. Такое происходит, когда машина ломается на полпути и чаще это происходило именно по дороге в Испанский Замок. Двигатель глох и мы все вылезали на обочину в ожидании, пока машина снова заведётся.

После нескольких неудачных выступлений группы Джеймс Томас распустил Rocking Kings и набрал новый состав с участием моего брата — Thomas and the Tomcats. Несмотря на возможность, играя в группе, зарабатывать деньги, Бастера всё это вымучивало. Виноваты не только длительные разъезды и поздние концерты в прокуренных тесных клубах, полностью требующие от него всех усилий, но и то, что никакой помощи не было от отца, поэтому ему по–прежнему приходилось быть моим старшим братом.

— Я не вижу причин оставаться тебе в этом дьявольском бизнесе. Всё что тебе нужно, так это просто ходить со мной на работу и каждый день получать честно заработанные деньги, — говорил ему отец.

Но брат предпочёл получать деньги за свою игру, а не заниматься ландшафтным дизайном: никоим образом он не связывал своё будущее с уборкой дворов или садов. И уж никакого интереса у него не было каждый день проводить бок обок с отцом. Оба постоянно были недовольны друг другом и готовы были разодраться, если вынуждены были находиться вместе слишком долго. Брат пережидал такие моменты где–нибудь, но улица приносила ещё больше проблем.

Я часто попадал в разные переделки, но брат влипал ещё в более худшие ситуации. Несмотря на то, что ему надоело, что его вечно все тянут на дно, он не мог отказать своим друзьям. Иногда зная наверняка, что совершает ошибку, он всё равно шёл со всеми. Все обладали большим влиянием на Бастера, и если он отказывался идти с ними, они начинали смеяться над ним и вместо того, чтобы противостоять, он обычно вёлся за толпой.

Однажды, у его друзей возникла идея залезть в магазин одежды Вильсона, небольшой частный магазин на углу 23–й и Юнион–Стрит. Поздно вечером проникнув внутрь, они взяли стопку рубашек и джинсы. На следующее утро Бастер почувствовал такое унижение, что взял в охапку награбленное и отправился в магазин, чтобы вернуть хоть часть. Полиция была уже там, но они сообщили, что миссис Вильсон, приятная пожилая дама, не собиралась заявлять на подростков и Бастер был прощён. Отец же был в бешенстве, когда узнал о случившимся.

2 мая 1961 Бастер дорого заплатил, за катание в автомобиле с толпой друзей. Думаю, у него пропала вся радость от быстрой езды с приятелями, когда в полиции выяснилось, что машина украдена. Всех немедленно арестовали, и Бастера поместили в тюрьму для несовершеннолетних, которая находилась прямо перед отцовским домом в Ист–Террас. Вернувшись из школы домой, так как была пятница, я застал отца в поисках ключа от

грузовика.

— Твой чёртов брат, — начал он, — я скоро заболею и умру от вас. Каждый раз, как я прихожу с работы домой, узнаю, что вы во что–то влипли очередной раз.

Брат вернулся домой из полицейского участка, озабоченный предстоящим судом. Размышляя, какое наказание может ему вынести судья, брат пришёл к выводу, что лучшее, что он может сделать в этом случае, это пойти в армию. Сколько его помню, он всё время мечтал стать военным, он, когда был младше, всегда рисовал военные сражения, танки и бомбардировщики. Помню, особенно он был в восторге от специального отряда десантников Screaming Eagle 101–дивизии ВВС.

Когда пришло время держать ответ, Бастер согласился с тем, что вместо двух лет принудительных работ, лучше ему пойти в армию. Итак, не прошло и недели, как брат был официально записан в 101–ую дивизию воздушно–десантных войск. Но чтобы это произошло, он со свойственной ему настойчивостью каждый день ходил на призывной пункт, приводя десятки доводов, почему именно в 101–ю дивизию он хотел попасть. Отец согласился с Бастером, что лучшее для него в данной ситуации, это служба в армии.

Вечер перед его отправкой в армию мы провели все вместе, Бастер, Бетти–Джин, Мэтти–Би и я. Мы пошли на танцы, устраиваемые на центральной площади Сиэтла на перекрёстке Мэдисон и 23–й. Девчонки в коротких юбочках, в белых носочках и босоножках, я тоже надел самое лучшее. Бастер оделся в свой сценический костюм, поскольку там играли Thomas and the Tomcats и это было их последнее совместное выступление. Незабываемый вечер! После выступления Бастер попросил Бетти–Джин выйти за него замуж и она дала согласие. Бастер был на седьмом небе, зная, что как только он вернётся из армии домой, они поженятся.

На следующее утро, отец, Бастер и я втиснулись в грузовик и поехали по направлению к огромному правительственному зданию на пристани. Грустно было прощаться с братом, но в Сиэтле ему здесь делать больше было нечего. Он знал, что пришло время больших перемен в его жизни.

— Гордо держи голову, сынок, — напутствовал его отец на прощанье. — Это сейчас лучшее для тебя. Всё будет хорошо.

Бастера вместе с другими перевезли в Форт–Орд в заливе Монтерей в Калифорнии, и это был один из тех немногих случаев, когда он покидал пределы штата. Мы с братом никуда не ездили, кроме того раза, когда он жил в Беркли у миссис Чамп и другого, когда мы провели лето в Ванкувере у бабушки Норы.

Сразу, как только он там устроился, он прислал открытку нам с отцом, что тренировки очень тяжёлые, но в Калифорнии ему понравилось.

Ничего хорошего, когда брата нет рядом, но открытка меня порадовала. К тому же, моя душехранительница, миссис Ламб, как–то однажды вечером заявилась к Стилам, сообщить мне, что я официально освобождаюсь от досмотра соцслужбами и меня возвращают обратно на попечение отца, и после более чем четырёх лет постоянных переездов я смогу снова жить в родном доме.

— Только я, наконец–то, избавился от одного, как тут же объявился другой! — шипел мне вслед первое время отец.

Отец всегда был склонен к драматизации, на самом же деле он искренне любил меня и ему нравилось приходить домой, зная, что я снова дома… точнее, впервые дома. Может он считал, что все беды от брата, но он не знал ещё, какой клубок потянется за мной.

Спустя несколько месяцев, после того как мы с отцом отвезли Бастера на призывной пункт, он вернулся на неделю домой перед отправкой в Форт–Кэмпбелл, штат Кентукки. Денег на самолёт не было, поэтому он приехал автобусом, так сгорели трое суток из семи увольнительной и радоваться домашнему очагу оставалось только четыре дня. На нём была новенькая форма и сияющие чёрные ботинки, волосы коротко пострижены, его одежда сверкала чистотой и разглажены были все складки. В армии ему выдавали 65 долларов в месяц, и было очень приятно получить от старшего брата 5–долларовую банкноту. Но меня ждали друзья в другой части города, а он ушёл к Бетти–Джин, и только потом я узнал, что он уехал.

Отец продолжал работать в своём ландшафтном бизнесе, чтобы оплачивать счета. Но времена были трудные. Перед новым учебным годом я попросил его купить мне новую пару ботинок. Когда же он, в конце концов, отвёл меня в магазин Чабби–Табби, то купил мне такие грубые башмаки, что я тут же возненавидел их. Это были какие–то высоченные ужасные бутсы. Но они оказались совершенно неснашиваемыми и я проходил в них много лет. Зимой у отца не было денег, чтобы купить мне пальто, и выручила меня, как и прежде, тётя Эрнестина.

Мне уже было 13 и я отправился искать себе подходящую работу, которую мог бы выполнять каждый день после школы, чтобы иметь свои собственные карманные деньги. В юношеском центре предлагали в основном работу по уборке помещений и, проработав пару недель, я стал замечать одного парня, присматривающегося ко мне. Думаю, он уже работал в этом

центре с год, так как его фотография висела на стене среди сотрудников. Сначала я с подозрением поглядывал на него, так как часто видел его рядом с тем местом, где мне приходилось работать. Он прихрамывал и с рукой у него что–то было не так.

— Эй, как звать тебя, — спросил однажды я его.

— Джозеф, — услышал я в ответ.

— Джозеф, что?

Последовала неудобная пауза, он явно нервничал.

— Джозеф Хендри, — наконец, произнёс он.

В моём мозгу пронеслись вихрем воспоминания. Парень, стоящий передо мной, был моим младшим братом и не виделись мы почти целых 10 лет.

— Знаешь, я ведь твой брат, — сказал мне Джо.

— Я это понял, — улыбаясь, сказал я. — Слушай, вы с отцом очень похожи, но откуда взялось это "Хендри"? — полюбопытствовал я.

— Ну, я думал, что вы те парни, которые хотели избавиться от меня, так что и я решил избавиться от последней буквы.

Он так это произнёс, что я почувствовал, насколько тяжёлым испытанием это было для него.

— Ну же, Джо, перестань говорить "те парни" — нас не спрашивали.

Я был совсем малышом, когда родители избавились от Джо, да и меня постоянно помещали в чужие семьи. Моё сердце заныло, я увидел боль в его глазах. Джо объяснил мне, что в семье, где он рос, ему рассказывали, что Хендриксы просто подбросили его им. Мне нечего было сказать ему, чтобы унять его боль. Я мог предложить только свою дружбу.

Естественно, я сказал отцу, что видел Джо. Он пропустил это мимо ушей, как если бы я ничего не сказал, но по его лицу понял, что он всё помнит и знает о нём. Может в тот день он и смог сдержать нахлынувшие на него слёзы, но не тогда, когда мы с ним однажды, несколько недель спустя, ехали в грузовике вдоль парка и увидели Джо, идущего по тротуару.

— Леон, вон там идёт твой брат, — сказал отец, показывая рукой через улицу.

— Знаю. Помнишь, я тебе рассказывал? Мы работаем вместе, — сказал я с долей насмешки.

Не проронив ни слова, отец остановил грузовик и, открыв дверь кабины, произнёс:

— Пойду, надо поговорить с ним.

Я видел, как отец медленно пересёк дорогу и подошёл к Джо. Это был первый раз, когда они встретились лицом к лицу с того

дня как родители отдали его в чужую семью. Они недолго обменивались словами и, когда отец вернулся к грузовику, слёзы текли по его щекам.

Некоторое время он молча сидел за рулём, потом вытер слёзы и тихо произнёс:

— Он не хочет меня знать.

Друг от друга мы с Джо ничего не ждали, мы просто работали вместе, вот и всё. Но скоро я бросил эту работу, чтобы можно было после школы больше времени проводить с друзьями.

Переезд к отцу никак не повлиял на мою учёбу. Случалось чудо, если я приходил в школу Вашингтона с выученными уроками. Вместо того чтобы по вечерам сидеть дома, я проводил все вечера у друзей. Их родители были очень добры ко мне и, даже несмотря на то, что порою им самим нечего было есть, они всегда следили, чтобы я был сыт.

Так как Бастера с нами не было, отец возложил на меня всю работу, которую они с отцом делали по уикендам. Взрослея, я стал замечать, что мало похож на отца. На это я никогда не обращал внимания, когда был младше, но теперь… Однажды, работая с отцом, весь день в голове у меня крутился один вопрос:

— Почему у меня волосы прямые, а у тебя нет?

— Потому что у тебя мамины волосы, — объяснил отец. — Вы с братом больше похожи на неё.

— Но почему…

И прежде, чем я задал следующий вопрос, отец прервал меня словами:

— Я твой отец, и другого у тебя никогда не будет.

И посмотрев мне прямо в глаза, продолжил:

— И у брата твоего никогда не будет другого отца, понял? И не будем об этом больше, парень.

— Хорошо, отец.

— И пойми, Леон, впредь я не хочу слышать подобных вопросов от тебя.

Это была правда. Он заботился о нас всю нашу жизнь и делал всё, что было в его силах. Он никогда не вспоминал прошлое, которое могло бы принести с собой только одни несчастья в нашу скромную жизнь.

Вечерами, отец брал меня с собой в биллиардные и я быстро стал чертовски удачливым игроком. Одни увлекаются спортом, другие подростки преуспевают в школе. Я же проявил себя в игре. Но не я выбрал этот путь, казалось, сама жизнь выбрала меня. Думаю, понять то, что я сказал, можно не сразу. Кроме того, отец оказался в этом превосходным мне учителем. Он научил меня играть в биллиард, играть в кости в аллеях парка, научил

обращаться с картами. И если был хоть один шанс из тысячи вырвать один доллар, он знал как это сделать. Не то чтобы он был хорошим игроком, но он считал это своим долгом.

В своих рассказах он возвращался в молодые годы, когда добывал доллары из сигарет. Купив партию, он вынимал из каждой пачки по штуке и снова её запечатывал. Он не только делал доллары не перепродаже, но ещё имел и с продажи поштучной.

Вначале отец гордился моей ловкостью и напористостью. Многие вечера он устраивался рядом, потягивая маленькими глотками свой Лаки–Ладжер, и улыбался во всю ширину своего лица, смотря как я веду игру, не давая даже подойти к столу этим выскочкам, которые даже не думали, что могут ничего из себя не представлять. Выходило так, как будто мы уже много лет работали в паре и отец брал меня на сугубо закрытые игры в покер, где мы работали как партнёры, имея в виду общий выигрыш.

— Итак, сынок, — говорил он мне, — если я подаю сигнал, что у меня на руках хорошая карта, ты поднимаешь ставки, и даже если у тебя плохая, ты всё равно поднимаешь. Понял?

Сигналом служил серьёзный взгляд. Если, взглянув на него, я встречал пронзительный взгляд, это означало только одно, я начинал действовать в надежде, что другие игроки сложат карты. Отец раскрывался, я же сбрасывал карты в его пользу. Но обычно игроки так просто не сдавались и мы с отцом проигрывали. Всё же несколько раз нам удавалось срывать банк и мы заказывали для себя роскошный ужин, отмечая вдвоём победу.

В начале 1962 года пришла от Бастера открытка с просьбой выслать ему его гитару, которую отец и выполнил. Думаю, как раз в это время Бастер познакомился со своим армейским приятелем, Билли Коксом, и они, создав армейский ансамбль King Kasuals, стали выступать, разъезжая по разным военным базам, расположенным в южных штатах. В своих открытках брат мало писал о себе, но я думаю, ему хватало заработанных им денег.

Несмотря на полное отсутствие интереса к учёбе, я получал хорошие оценки. Но проблема в том, что я стал регулярно пропускать уроки, чтобы уберечь свою задницу. Когда приняли новый антисегрегационный закон, меня перевели в школу Балларда и это выглядело так, как если бы я вдруг попал в шведскую или норвежскую школу. Итак, я, уличный парень, оказался окружён голубоглазыми белокурыми подростками, которые шарахались от одного моего вида, как если бы никогда не видели чёрного парня. Каждый стремился поддать мне в зад, когда автобус останавливался у школы. Те мои полгода,

проведённые в школле Балларда оказались для меня сплошным ежедневным кошмаром. Я сдерживался как мог, но меня задирали ежедневно и я постоянно попадал в драки. В ход шли кулаки и каждый раз меня отводили в кабинет директора для новой порции наказания. Не вникая в суть дела, директор всегда считал виновным меня. Он так никогда и не понял, почему я постоянно дрался в его школе.

— Слушай, Леон, — как–то раз сказал он мне. — До тебя в нашей школе не было ни одной драки.

Я подпрыгнул на месте, как ужаленный:

— Да посмотрите на меня! Кто, по–вашему мнению, зачинщик всех этих драк? Я единственный чёрный во всей вашей школе!

Каждым утром час в автобусе до Балларда — не лучшее начинание для дня. И если я засыпал на своём сидении, то шофёру даже в голову не приходило разбудить меня у школы и он довозил меня до самого конца маршрута. На конечной остановке он шёл ко мне, будил и кричал, чтобы я убирался ко всем чертям из его автобуса. Он был вреднючим стариком, которому никакого дела не было до чёрного подростка. После школы я снова проводил час в автобусе, возвращаясь домой.

Единственным преимуществом посещения Балларда были девчонки. Они ходили за мной табунами. Может это выглядит обычным стереотипом, но я был единственным, кто знал все движения в школьных танцах. Девчонки сходили с ума, видя меня, и крутились всегда рядом в надежде, что я выберу их на очередной танец, будь то картофельное пюре или пони. Их внимание, по крайней мере, делало моё пребывание в этой школе не таким уж безнадёжным. Но всё равно, продержался я в Балларде не долго. Меня достал один сумасшедший белый, старающийся не пропустить и дня, чтобы не пнуть мне ногой в зад, и эти безмозглые учителя, постоянно обвиняющие меня во всех школьных происшествиях.

В конце мая 1962 мы с отцом получили открытку от Бастера, в которой он писал, что повредил себе что–то, прыгая с парашютом, и по медицинским соображениям его демобилизовали, ещё написал, что выслал мне свою нашивку Вопящих Орлов в полное моё распоряжение. (Не спрашивайте меня, где она, это и мне самому хотелось бы узнать.) И как только уладятся все формальности, он надеется в скором времени вернуться домой в Сиэтл. Но время всё шло и шло. В следующей открытке он написал, что собирается продолжить свой интерес к музыке, и вместо того, чтобы вернуться домой, он решил вместе с другими музыкантами, с которыми подружился в армии,

выступать по клубам Читлин–круга. В таких клубах, расположенных в восточных и южных штатах, в основном играли чёрные музыканты, а посетителям подавали читлин–суп. Так, в разъездах по Глубокому Югу, он провёл вместе со своим другом, Билли Коксом, и своей группой всю вторую половину 1962 года. Думаю, на некоторое время он застрял в Нэшвилле, так как в одном из писем, он упомянул, что они заняли первое место в соревновании на лучший ритм–и–блюзовый ансамбль города. Итак, Бастер, вращаясь по клубам Читлин–круга, регулярно присылал нам с отцом открытки и короткие письма, поэтому мы были в курсе всех его событий. Мой брат нашёл своё дело, а я был ещё очень далёк от этого.

После Балларда отец записал меня в школу Кливленд на 15–й авеню в районе Бэкон–Хилл, которая, казалось, больше мне подходила. Я легко нашёл там друзей и мы быстро организовали свой собственный небольшой клуб. Мы называли себя Playboys и проводили свободное время после школы, играя в бейсбол или просто шатаясь по улицам. В те года в городе было много разных банд. Одна из таких

банд под названием Кобры, пыталась заполучить в свои ряды брата, как раз в том самом году, когда его выгнали из школы, но он не хотел иметь с ними ничего общего. В те дни сознание людей сильно отличалось от теперешнего и никто не сумасшествовал, таская с собой пистолет или нож. И наш клуб был скорее социальной единицей, чем чем–нибудь ещё. Конечно, у нас были стычки с другими группами, но всё решалось довольно мирным путём. Мы шли на бейсбольное поле и судья решал которая команда лучшая. Иногда, к тому времени как мы добирались до поля, парни уже, как говорится, доедали свои бутерброды и ничего не происходило. Все просто курили и болтали о том о сём.

Мы стали часто бывать в биллиардных, таких как Грин—Фелт и сошлись с местной уличной шпаной. Мы быстро освоились с тем, что люди могут легко отдавать свои деньги. Но мы не были перекупщиками, мы просто знали, где можно достать травы или ещё чего. Я даже стал давать отцу по нескольку баксов, когда видел, что он на мели, а это было почти всегда. Он никогда не отказывался от помощи, думая, наверное, что это деньги за какую–нибудь временную работу, которую, как он думал, я выполняю, видя, как я постоянно кручусь около местного гольф–клуба. Даже когда у него зародилось подозрение, он всё равно не стал спрашивать, откуда у меня эти деньги, тем более я ни в коей мере не собирался откровенничать с ним и раскрывать свои карты.

Глава 7. Жизнь без Бастера

Мой брат и King Kasuals продолжали играть, не выезжая за рамки Читлин–круга, и путь Бастера привёл его к таким легендам гитары, как Биби Кинг и Алберт Кинг. Было по–прежнему трудно. Несмотря на то, что Бастер был всегда где–то, он не терял с нами связь, держа нас с отцом в курсе своих дел. Из его редких открыток, я знал, что он несчастен и страдает большую часть времени. Уверен, нелегко быть всё время в пути, играя за мизер, а иногда и вообще бесплатно. Я в тайне надеялся, что он, в конце концов, вернётся домой, хоть ненадолго, но у него были другие идеи на этот счёт.

Я не знал тогда, что в конце 1962 года, покинув King Kasuals, он ненадолго заезжал в Ванкувер навестить нашу бабушку Нору. Несмотря на то, что между нашими городами всего несколько часов на автобусе, он так и не повидал нас с отцом в Сиэтле. Вместо этого мой брат остался в Канаде, играя в начале 1963 года с Бобби Тейлором и его группой Ванкуверцы. Позже я узнал, что в этой группе лидер–гитаристом был Томми Чонг, тот самый Томми Чонг, который несколько лет спустя вместе с Чичем Марином организовал дуэт Чич и Чонг. Я не виню своего брата, что он не навестил нас тогда. Он был достаточно умён, чтобы преследовать одну цель — музыку.

Когда ему наскучил Ванкувер, он вернулся на Юг в Читлин–круг и воссоединился вновь с King Kasuals, так как они работали с известным соул–певцом Соломоном Бёрком. В одной из открыток мой брат сообщил, что ему посчастливилось вписаться на короткие гастроли с легендарным Отисом Реддингом, а также с Джаки Вильсоном и Сэмом Куком. Это звучало, как если бы всё, что с ним случалось, случалось бы по его желанию.

В это время я занят был своими делами. Мне пришлось сменить школу Вашингтона и осенью 1963 года в 10–й класс я уже пошёл в Кливленд, и единственное, что меня сильно интересовало, это как там без меня мои друзья, оставшиеся в Сиэтле. Вся наша связка вместе со мной для прочности держали все свои деньги в одном кармане, и этот карман был моим. Это может показаться для многих странным, но в годы моей юности такое доверие со стороны моих друзей определило всю мою жизнь. Всё, что случалось со мной в детстве готовило меня к жизни в этом мире и сбережение чужих денег сыграло в этом не малую роль. Поэтому, когда я рос, у меня всегда водились деньги, на которые я мог всегда погулять с девчонками. По уикендам, я направлялся в центр и пропадал за игорными столами.

Мы с дружками стали выпивать уже в средней школе. И ничего не стоило кому–нибудь из нас начать бузу. Кто–нибудь из старших шёл в магазин и покупал нам бутылку Белого Подворья или Громовержца, самого дешёвого и самого отвратительного вина, которое мог себе позволить любой горький пьяница. Мы смешивали его с Kool–Aid для придания ему хоть какого–то вкуса, и бутылка шла по кругу. Для продолжения, можно было ещё купить марихуаны на 50 центов в еврейском гастрономе, у Блумерсов. А если заказать у них булочку со сливками за пять долларов, то вам положат в коробку пакет травы. Добавьте сюда чашку кофе и у вас получится неплохое начало школьного дня.

Мы чувствовали себя непревзойдёнными и мне не было никакого дела, что творится в мире. В конечном счёте, первое возбуждение постепенно прошло и те небольшие деньги, которые мы получали за продажу травы, перестали нас удовлетворять. Мы решили, что пора испытать Судьбу. Мы слышали, что можно заработать хорошие деньги, продавая краденое, и мы вообразили, что пришло самое время заняться воровством. Грабить людей нам было не интересно, мы хотели попробовать свои силы в торговле: заимствовать товары в фирменных магазинах и сдавать их по сниженной цене знакомым скупщикам в центре города.

Я был молод и неуправляем. Я вообразил, что после коррекции цен в фирменных магазинах мы сможем изменить всю существующую систему. Я почувствовал себя Давидом, выступившим против Голиафа. Идея казалась превосходной, но всё вдруг

обернулось крахом, когда мы решили провернуть нашу операцию в универмаге Нордстрём. Мы уже побывали там пару недель назад и у нас руки чесались снова прикоснуться к вешалками, на которых висели манто из норки и шиншиллы в секции женской одежды. У нас не было никаких идей, как осуществить намеченное, пока мы не заметили окно на пятом этаже, которое днём было всегда открыто и на нём не было никакой сигнализации. Итак, мы вчетвером пошли ближе к вечеру в Нордстрём и спрятались там, просидев до закрытия. Когда все работники покинули здание, мы накинулись на шубы и начали выбрасывать их через окно на улицу, где ждали двое из наших, сидя в машине на стоянке внизу. Они стали сразу же быстро запихивать шубы в багажник. План был идеален до того момента, как мы сообразили, что выбраться нам не удастся. Естественно, через окно нам не выпрыгнуть, оставался только путь к наружной двери, который оказался гораздо длиннее, чем мы предполагали. Он занял у нас слишком много времени.

— Всем лечь на землю, — услышал я, как только выскочил

наружу.

Когда я поднял глаза, то увидел ствол пистолета, наведённый на меня. Остальные полицейские уже вязали моих друзей. Никакого шанса сбежать. Меня привезли в участок и, так как мне было только 15, меня осудили только на 6 месяцев, как несовершеннолетнего. Отец пришёл на заседание суда и к моему удивлению, был совершенно спокоен. Он уже испытывал подобное с Бастером, так что ничего нового он и не ожидал. И надо сказать, что из–за меня он выглядел очень несчастным.

— Парень, когда ты выйдешь, я устрою тебе такую взбучку, какой ты ещё не видывал. Это отучит тебя носиться как сумасшедший по городу, — сказал он мне, после того как зачитали приговор.

Меня определили в Подростковый Центр, который был расположен рядом с нашим домом.

— Наконец–то я буду знать, где тебя найти, — сказал он мне.

Колючая проволока, протянутая по периметру сначала показалась мне довольно зловещей, но позже оказалось, что всё не так уж плохо. В моём деле нашли листок с моими школьными оценками, которые были достаточно высоки, и срок сократили

с шести до четырёх месяцев. Я быстро приспособился к внутреннему распорядку — меня не сильно баловали в жизни. После всего того, что мы пережили с отцом и Бастером, я чувствовал себя там превосходно.

В Подростковом Центре была огромная общая спальня и два гимнастических зала. Почти всё время мы играли в баскетбол или в европейский футбол и я держался молодцом. В течение дня в соседнем флигеле проходили занятия и я окончил там 10–й класс. За всё время я получил всего один выговор и то за хранение сигарет. Эти четыре месяца быстро пролетели и меня отпустили.

— Ну что ж, парень, пришло время дать тебе взбучку, — приветствовал меня отец.

— Не за что. Ведь ничего не было, — сказал я, посмеиваясь над ним. — Ты больше не станешь поднимать на меня руку.

Впервые я его остановил, но не был вполне уверен в результате. Но я взвешивал каждое слово. Я уже не был маленьким мальчиком. Некоторое время мы молча стояли друг против друга.

И прежде, чем что–то предпринять, отец наклонил голову и зачем–то стал разглядывать ковёр.

— Хорошо. Я никогда больше не буду тебя наказывать.

— Вот так–то правильней, отец.

В то время как со мной случилась вся эта неприятность, от

брата пришла ещё одна открытка. В самом начале 1964 года он позвонил нам уже из Нью–Йорка. После того, как он поделился со мной своими планами, он передал трубку своей новой пассии, Фаине. Премилый голосок сообщил мне, что они остановились в гостинице Сейфер. Позже, несколько месяцев спустя, в марте 1964 года снова позвонил Бастер и сказал, что его пригласили Isley Brothers с собой на гастроли по всему Восточному Побережью, захватывая Читлин–круг. В то время братья Айли были одной из ведущих ритм–и–блюзовых групп и Бастер сделал с ними несколько записей. Он даже играл соло в Testify, которую стали часто прокручивать по радио.

Позже, летом того же года, он позвонил мне и рассказал, что играет у Литл–Ричарда в его группе Upsetters. Я ушам своим не мог поверить, брат играет в группе Литл–Ричарда! Кумира нашего детства! По мне, так у брата начались великие времена, но он дал мне понять, что это ещё не всё. Бастер рассказал мне, что Литл–Ричард на гастролях очень вспыльчив и, что он устал от его быстрых смен настроений. Не придавая большого значения его словам, я чувствовал, что с братом всё в порядке и что он на верном пути.

Осенью 1964 года в 11–й класс я опять пошёл в другую школу — школу Франклина. Она была немного ближе к дому, чем Кливленд, мне всего–то и надо было — пешочком пройтись по Эмпайр—Вей. Я рад был даже одной мысли, что я мог долго идти по одной прямой, никуда не сворачивая. За те четыре месяца, проведённые в Подростковом Центре, у меня такой возможности не было. Очень скоро я соскользнул на прежние мысли. Не могу сказать, что я сильно поумнел. Мы уже были безрассудны, мы уже наделали кучу ошибок, мы были уже пойманы не раз. И я вообразил, вот было бы здорово всё повторить.

В начале 1965 года мы с отцом получили от Бастера открытку, из неё мы узнали, что Бастер по–прежнему гастролирует с Литл–Ричардом, играя с его Upsetters. Полагаю, какое–то время он провёл в Голливуде, но недолгое. Нескончаемые стычки, возникающие между ними из–за нелепого, по мнению Литл–Ричарда, поведения брата на сцене, привели к тому, что по окончании гастролей Бастер ушёл от Литл–Ричарда и вернулся в Нью–Йорк. Приехав, Бастер сразу позвонил, голос звучал уставшим. Спросил, как дела в школе. Мне ничего не оставалось, как рассмеяться в трубку и сказать, что всё прекрасно, но он, очевидно, хотел знать правду. Уверен, отец наклепал ему о моём маленьком приключении в Подростковом Центре.

Несмотря на то, что я проводил все вечера, шатаясь с ребятами по городу, учёба в Франклине от этого никак не

страдала. Я получал одни пятёрки, а мои работы на художественных занятиях привлекали всеобщее внимание. Они распознали во мне талантливого инженера и архитектора, как если бы меня просветили рентгеном. Наш учитель черчения и рисования, мистер Куртис, восхищался моими способностями и, видя моё будущее в компании Боинг, послал мои работы на конкурс. Я ничего не знал об этом, пока мистер Куртис не пригласил меня в свой кабинет и не объявил, что мои работы выиграли конкурс, устраиваемый компанией Боинг в нашем городе среди школьников выпускных классов. Он вынул сертификат из светло–коричневого почтового конверта и протянул его мне со словами:

— Похоже компания Боинг хочет видеть тебя среди своих сотрудников, после того как ты окончишь школу.

Восторг охватил меня, но интереса он во мне не пробудил. Может я всё же поддался первому импульсу, поскольку на следующий день, отправился в компанию Боинг устраиваться на работу, держа в руках этот сертификат. У меня отвалилась челюсть и грохнулась об пол, когда мне сказали, что буду получать на первое время 100 долларов в неделю. Чёрт побери, я что, залетел в самую верхушку среднего класса?

Здание компании Боинг было просто гигантским с тысячами служащих. Меня провели по лабиринтам внутренних помещений, пока мы не попали в бесконечный коридор, в который выходили двери множества кабинетов. Мне пришло в голову, как они здесь умудряются найти друг друга, если потребуется. Меня подвели к столу в самом конце ряда из таких же одинаковых столов.

Если бы я не знал, что значит выражение "зажечь свечу с обоих концов", я бы подумал, что близок к разгадке. Уроки оканчиваются в 3, прыгаю в автобус компании и уже в 3:30 я уже на своём рабочем месте. В конце моей 8–ми часовой смены прыгаю снова в их автобус, который привозит меня домой, вырубаюсь на несколько часов, затем снова с утра в школу. Что сказать, сначала мне нравилась эта работа в Боинге. Всё что мне нужно было делать, так это каждый день чертить бесконечные гайки и болты, очень скоро я сроднился с этими гайками и болтами, они стали моим вторым я. И вдруг я осознал, что каждый день я черчу одни и те же гайки и болты. К тому же компания требовала от нас, чтобы мы работали в перчатках, не дай Бог, от рук останутся следы на чертежах или смажем тушь. Мысль работать в перчатках была бы не так уж плоха, если б не адская жара в кабинетах. Я никогда не думал, что могу так сильно потеть, и если одна единственная капля пота попадала на чертёж, мой начальник требовал от меня переделывать всю

работу заново. Этого вполне хватило бы, чтобы кого угодно свести с ума. И чтобы как–то более эффективно использовать свои способности, я решился на отчаянный шаг.

— Эй, дружище, — обратился я к старшему в нашей смене. — У нас же там, в углу, стоит огромный ксерокс. Почему бы ему не делать эти нескончаемые копии болтов и гаек, которые делаем мы?

— Мистер Хендрикс, мы здесь конструируем самолёты Боинг уже много лет, — ответил он мне, стараясь изобразить улыбку на своём лице. — Поверьте мне. Мы знаем, зачем мы это всё делаем. В компании утвердились уже свои правила и мы придерживаемся их.

Слишком много слов он произнёс для такой ясной головы, как моя. Парень отказался поддержать такую прекрасную идею, кто я для него, всего лишь старшеклассник.

Весной 1965 года под вечер снова позвонил брат. Он по–прежнему был в Нью–Йорке, но Судьба улыбнулась ему. Такого радостного голоса я не слышал у него давно. Он, как говорится, подтянул струны, играя с братьями Айли, и решил для себя, что пора идти собственным путём. После нескольких лет игры в группе сопровождения, одеваясь в униформу и подчиняясь коллективу, брат был готов позвонить самому господу Богу и испросить у Него разрешения полностью контролировать своё музыкальное будущее.

— Я сформировал свою собственную группу, the Blue Flame, и мы зарабатываем приличные деньги, играя каждую неделю, — сообщил он мне по телефону. — Я теперь Моррис Джеймс, это для меня стало сценическим именем.

— Здорово, Бастер, я рад за тебя. Но когда ты приедешь домой? — спросил я.

— Знаешь, не знаю, здесь всё так складывается для меня, в этом городе. Знаешь, я даже купил машину. Она почти такая же, как наш старый Плимут, на котором мы ездили с тобой в Испанский Замок. Мне нравится моя новая машина, только вот с рулём происходит что–то странное, только после того, как сделаешь им два оборота, у неё начинают поворачиваться колёса.

Я немного расстроился, что снова не удастся увидеть брата, но мне было приятно знать, что в Нью–Йорке для него всё складывается хорошо. Я и не подозревал тогда, как долго я его ещё не увижу. Я был полностью поглощён жонглированием своей карьеры в компании Боинг и уроками в школе.

Несколько недель, проведённых в Боинге, и короткие пересыпы вконец меня истощили. Моя концентрация и внимательность упали до нуля и надо было что–то срочно

предпринимать. Взвесив все за и против, я решил бросить учёбу. Либо работать в Боинге без диплома, но с деньгами, либо оставаться в школе и получить диплом, но без денег. Работа там и еженедельный чек были слишком соблазнительны, чтобы от них отказаться.

Отец не был против моего выбора. Он полагал, что я уже мог сам решать, тем более что я оказался более успешным, чем многие наши родственники, годами стремящимися попасть в компанию Боинг, и отец посчитал бы меня безумцем, если бы я отказался от выигрышного билета. К тому же, я всегда мог бы, воспользовавшись случаем, вернуться во Франклин и получить диплом.

Я был в лучшем положении, чем многие моего возраста, но, несмотря на мою легальную работу, приносящую много денег, улицы звали меня. Где–то в глубине души, я не мог привести ни одного довода, чтобы не присоединиться к своим прежним дружкам. Я почувствовал, что начал тупеть от однообразия моей новой работы и стал, после того как отмечусь в Боинге, сбегать на весь вечер в центр и возвращаться только к полуночи. За оставшееся время до конца смены я успевал сделать свою работу, но однажды меня засёк начальник. Он стал присматриваться за тем как я работаю, но это не остановило меня. Скоро я обнаружил место за складами, где сотрудники играли в кости. Знаете, как это бывает с игроками, можно выгнать и разогнать нас по разным углам, но мы находим друг друга и находим себе новое место. И если вы не могли найти меня за складами, играющим в кости, то уж обязательно видели у однорукого бандита в комнате отдыха сотрудников.

Брат продолжал звонить время от времени, но из–за моего лихорадочного графика, меня постоянно не было дома. Отец говорил мне, что он по–прежнему в Нью–Йорке и играет со своей группой. Когда мне, наконец, удалось с ним переговорить, это уже было после того как я бросил школу. Голос его звучал весело и чувствовалось, что перед ним раскрылся горизонт. Он рассказал, что его группа делает 100 долларов в неделю.

— Знаешь, я тоже, — сказал я ему в трубку. — Работая в Боинге, я получаю 5.25 долларов в час.

— Здорово, Леон, — сказал он. — Я горжусь тобой.

Я продолжал увёртываться от строжайшей дисциплины, установленной на Боинге, но был не настолько глуп, как другие, особенно с моим непосредственным начальником. Штат такой большой компании, как Боинг, насчитывал тысячи сотрудников, но управленческий аппарат успевал следить за всеми. В начале весны 1966 года мой начальник вызвал меня к себе в кабинет и

сказал, что они во мне больше не нуждаются. Может это было очередное сокращение, но я не был слишком удивлён, что выбор пал на меня. Я и так считал моё пребывание в компании сверхдостижением для 17–летнего парня, особенного такого непоседы, у которого не было причин жить жизнью клерка.

У отца и наших родственников взорвались мозги, когда они осознали всю серьёзность моего поступка. А я, по крайней мере, заработал столько денег, что смог купить себе Форд–Зандербирд.

В школе учебный год подходил к концу и у меня не было никакого интереса осенью возвращаться во Франклин в 12–й класс. Мои дружки, так же как и я, не собирались ни идти на работу на полный рабочий день, ни обзаводиться семьёй — мы были, что называется, центровыми. Все мои друзья, так же как и я, выросли на задворках, и нам нечего было терять. И все черти в мире могут подтвердить, что никто кроме нас самих не позаботится о нас. И нам оставалась улица, где мы могли либо сыграть на чувствах кого–то, либо кому–то что–то продать. Мне надоело быть вечно бедным. В детстве беднота не занимала меня, потому что я не знал лучшего. Но когда я стал разбираться в мироустройстве, она оказалась для меня вечным источником беспокойства. К тому же улица, была моим вторым домом. Я там укрывался и от взбучек, которые были бы моим единственным воспитанием, оставайся я всё время дома. Всё детство я оттачивал своё мастерство уличного существования: мой язык работал лучше какого–нибудь пистолета или ножа. Если вы направите пистолет на чьё–нибудь лицо, человек, конечно же, отдаст вам свои деньги, но не станет делать это для вас постоянно. Но если вы вооружитесь словом, он пожмёт вам руку, отдав деньги, и принесёт вам ещё, прежде чем поймёт, на что, чёрт побери, вы его подписали.

На дворе стояли 60–е и все экспериментировали с новыми наркотиками. Как только я наладил связь с кое–кем из центровых, я стал убалтывать народ и они только у меня покупали траву. Вот так я и делал деньги. И неважно был ли это крискрос спиди, или рождественские деревья, или чёрная красотка, или просто пакет с травой.

Несчесть колёс, прошедших через мои руки. Но для работы мне не нужна была тяжёлая голова и я избегал антидепрессанты вроде чёрной красотки, усыпляющие мой волчок. Меня не прельщала возможность прободрствовать всю ночь со взорванными мозгами в какой–нибудь норе. Мне нравилась улица, её непредсказуемость и пачки денег, переходящие из рук в руки, я находил удовольствие даже в том, чтоб уберечь свою задницу. Напротив, амфетамины, вроде спиди, заостряли моё

чутьё, я становился бритвой, врезающейся именно в то место, где я был нужнее всего. Многие парни, завидуя мне, пробовали подставить меня и прибавьте к этому ещё копов, всё время рыскающих по улицам. Те же, кто не мечтал о моём аресте, просто кулаками вытряхивали из меня всю наличку вместе с товаром.

Вы может подумали, что я по–прежнему жил с отцом в том доме на углу 26–й и Йеслера, но я там почти не бывал, предпочитая снимать для себя комнату где–нибудь в центре. Гораздо удобнее жить рядом с местом работы. Иногда неделями не видя отца, я навещал его, чтобы только передать денег. После долгих ворчаний и охов, он всегда соглашался принять их от меня, обязательно давая мне понять, что ужасно не доволен моим занятием. Он совершенно точно знал, из какого источника я их черпаю.

Однажды поздно вечером я зашёл переночевать к отцу, перед домом горела единственная лампочка, электричество отключили. Шаря в темноте, я даже не обнаружил кое–чего из мебели. Ничего не осталось, комнаты оказались пусты. Всё говорило о том, что отец здесь больше не живёт.

Позже, встретив отца, он сказал мне:

— Я познакомился с одной женщиной и переехал к ней, вот так–то, сынок. Я теперь живу на Хауи–Стрит в районе Куин–Анна.

Ещё сказал, что она японка и зовут её Аяко Фуджита и познакомились они совсем недавно. Но из–за того, что её имя трудно выговаривать, все её зовут просто Джун. У неё пять взрослых детей, все они уже разъехались, осталась только одна трёхлетняя Жени.

Я был рад, что отец, наконец, нашёл себе подружку, но сомневался, будет ли удобно жить мне у них. И хотя, я почти всё время жил в съёмной комнате в центре, отец все мои вещи перенёс с Йеслера к ней на Хауи–Стрит. В то время лучшим жильём для меня были меблированные квартиры. В деньгах я не нуждался и не было никакого смысла срываться с места.

Обычно после хорошего расклада мы три–четыре месяца наслаждались деньгами: рестораны, дорогие магазины, грандиозные вечеринки. Однажды в сентябре 1966 года я зашёл к отцу и уже собирался уходить, так как время шло к ночи, зазвонил телефон. Звонил Бастер. Уже несколько месяцев мне не удавалось с ним поговорить, последний раз он рассказывал мне о своих нью–йоркских успехах на музыкальном поприще, и с тех пор я о нём ничего не слышал. Но когда голос в трубке сообщил, что нас соединяют с Лондоном, да, именно с тем, что в Англии, мы просто присели от удивления.

— Что вы сказали, Лондон на проводе? — переспросил отец девушку. — Чёрт побери, — вырвалось у него. — Да, я согласен заплатить за звонок.

Последовала пауза.

— Ты чего, парень, разучился писать? Звонишь мне, а мне ещё и плати за него! — начал было отчитывать брата отец.

Полагаю, брат был удивлён, не только тому, что ему не удалось дозвониться по прежнему номеру, но и тому, что вместо радости услышать голос своего сына, рассказывающего, что его самые тайные мечты начали сбываться, отец с яростью набросился на него из–за каких–то телефонных счетов. Но всё встало на свои места, когда отец передал трубку мне.

Для меня поездка в Лондон была сродни космическому путешествию в другие миры, я даже не был уверен, смог бы я отыскать это место на карте. Бастер сообщил, что ему предложили поменять буквы в своём имени и теперь оно звучит просто Джими. Что менеджера, с которым он познакомился в Нью–Йорке, зовут Час Чандлер, и что тот играл на басу у Animals, и что теперь группа его называется Опыты Джими Хендрикса. Для меня это звучало как название межпланетного космического корабля. Почему Опыты? Я не могу взять это в толк до сих пор.

— Вот, послушай, Леон, — произнёс Бастер.

В трубке послышался глухой удар, как если бы её положили на твёрдую поверхность, а затем я понял, что он взял гитару. Он играл, играл… и играл. Я положил трубку на стол, через пару минут, когда я снова её взял он продолжал играть. Если бы отец увидел меня в этот момент, слушающего музыку по телефону, он бы тут же нас разъединил. Трудно было разобрать, что именно Бастер играл, потому что в трубке, как всегда, что–то шипело и трещало, но то, что Бастер сочинил нечто совершенно новое, понять было легко. Идеи к нему приходили всегда волнами.

— Я назвал это Foxey Lady…

— Послушай ещё, но она ещё сырая — The Wind Cries Mary…

— Ещё я написал Purple Haze, хороший ритм, но это не для танцев или ещё для чего. Думаю, скоро должна выйти пластинка.

Я не так внимательно слушал, что он говорит. В голове у меня стучало: "Здорово, вот мы и снова вместе."

Из того, что играл брат ничего нового для меня не было, так что гитарные проигрыши, звучащие из телефонной трубки, не могли удержать моё внимание. Меня больше занимал вопрос, где я договорился встретиться с друзьями этим вечером. Я только машинально повторял за ним названия песен, которые он стал мне перечислять. Но когда он упомянул, что сделал переложение на одну из кантри–вестерн, помните, была такая одна, называлась

она Hey Joe, я взорвался смехом. Кантри–вестерн? Ни одной струны не зашевелится в душах людей от этого пыльного хлама! И я вспомнил слова отца: парень, тебе бы делом заняться надо. Видимо я рассуждал уже как человек, уже умеющий зарабатывать деньги.

В течение недели я занимался своими делами, но по уикендам, не всегда конечно, продолжал помогать отцу в его ландшафтном бизнесе. Серьёзно я не рассматривал его, как моё будущее, потому что часы там тянулись дольше обычного и от такой работы ныла спина, но, по крайней мере, я помогал ему делать деньги. У отца была газонокосилка и я шёл за ним с триммером, выстригая углы и вообще следя, чтобы все линии были красиво пострижены. После работы отец опускал счёт в почтовый ящик и мы отправлялись на другой участок.

Мы с отцом редко говорили о музыкальной карьере Бастера. Никто из нас не знал, что готовит ему Судьба. Да и я не задумывался над этим. Может Бастер и запишет пластинку, и обкатает её по разным городам, но мы с отцом даже в этом не были уверены. Брат был так далеко от нас, что это никак на нас не отражалось.

Но только до середины мая 1967, пока по нашей местной радиостанции WKGR я ни услышал то, что стало потом визитной карточкой всех радиостанций мира. Сначала пара знакомых до боли аккордов, затем слова, которые слышал как будто всё детство: Hey Joe, where you goin' with that gun in your hand… Что–то смутно стало всплывать в моей памяти, вроде брат упоминал эту песню в нашем с ним последнем телефонном разговоре, но я не видел никакой связи. Ничто не напоминало мне голос брата, я вёл машину и покачивал головой, рассеянно слушая радио.

— Это был Джими Хендрикс Экспириенс с песней Хей Джо, — послышался голос ведущего программу, когда затихли последние звуки.

— Что? — воскликнул я, подпрыгнув от неожиданности, и больно стукнулся о крышу автомобиля. — Что!

К тому времени, как я добрался домой, меня уже всего трясло. Брат упоминал, что собирался что–то записать, но представить, что это могло быть передано по радио, было невозможно. Люди, моего Бастера передавали по радио! Но, стоп! Может ведущий оговорился? А может у меня что–то наложилось, может я думал в этот момент про брата? Мозг не слушался, меня лихорадило, и я решил, что я окончательно рехнулся, и мне всё это почудилось.

Времени осмыслить происшедшее со мной у меня не оставалось, так как дома я попал в самый разгар спора между

отцом и Джун. И, казалось, конца ему не будет. Выдвигаемые доводы были настолько серьёзны, что видимо, они готовы уже были разбежаться. Слово в слово всё повторялось снова, вточь как это было у отца с нашей мамой. Кто знает, какое впечатление эта сцена могла произвести на дочь Джун, на маленькую Жени? Я сам через такое прошёл, когда был примерно в этом же возрасте, и хорошо помню, как страдало моё сердце от этих сцен. Я даже не мог предположить, с чего началась эта стычка, ведь отец оплачивал все счета и помогал Джун растить её дочь. Отец помогал ей деньгами, а она всё время была на тропе войны. Думаю, это из–за вечной проблемы отца — алкоголя. Все наши родственники от этого страдали. По секрету отец сказал мне, что нам надо подыскивать новое место, что он чувствует, не пройдёт и месяца, как придётся съезжать. Спустя неделю, отец вдруг мне сказал, что они с Джун собираются пожениться. Его скачки настроения совершенно меня не трогали. Но отец говорил мне правду. Они вцепливались друг другу в глотки всё время, даже будучи женатыми.

В октябре 1967 мы с отцом сидели за обеденным столом, как вдруг, стены дома стали вибрировать. Стекло и тарелки в серванте начали звенеть. Я тут же подумал, что это не землетрясение, а из–за громкой музыки, доносящейся из соседней квартиры. Сердце у меня сжалось от до боли знакомой манеры играть. Ошибки не могло быть.

— Отец, — воскликнул я. — Это же Бастер.

— Ха! О чём ты говоришь? — обратил на меня внимание отец.

В этот момент он натягивал свои сапоги и мысли его были далеко.

— Пошли, бери свои инструменты, пора идти на работу.

— Нет, серьёзно, это он! Помнишь, когда он звонил из Лондона, он сказал, что собирается выступать под именем Джими Хендрикс Экспириенс? Это он играет за стенкой!

Отец замер посреди гостиной и стал прислушиваться.

— Пошли, — пробормотал он. — Ты шутишь, этого не может быть.

— Нет, говорю я тебе, это он, — продолжал настаивать я, выходя из квартиры.

Я пересёк холл и стал стучаться в соседскую дверь. Дверь открыл парень, облако дыма выплыло за ним из комнаты и в нос ударил едкий запах травы. Они со своей подружкой, Корнфлейк, были самыми что ни на есть детьми цветов и включали музыку на полную громкость, когда сидели дома.

— Эй, что за пластинку вы слушаете? — прокричал я, пытаясь

услышать свой голос на фоне грохочущей музыки. Мне было не сдержать своё возбуждение.

Парень жестом показал внутрь комнаты:

— А…, эта? Это Джими Хендрикс.

— Ого, дружище, это же мой брат! — вскричал я, заметив поблескивающий чёрный диск, вращающийся на проигрывателе.

Я проскользнул внутрь, на диване, поджав под себя ноги, сидела Корнфлейк, держа в руках самокрутку с травой. Она выпустила в мою сторону кольца дыма:

— Ниииииииииииии в кооооооооом раааааааааааазе, — протянула она.

Они всерьёз подумали, что я их разыгрываю, но когда её взгляд сфокусировался на конверте, лежащем на журнальном столике, её глаза чуть не выскочили из орбит:

— О, мой Бог! Ты только посмотри на него!

Многие не находят никакого сходства между мной и Бастером, но это не так, у нас очень много общих черт. Хотя наши волосы и черты лица отличаются, но комплекцией мы очень схожи. У нас одинаковый рост и вес. И мы одинаково тощие.

Пластинка называлась Are You Experienced и проигрывали они её безостановочно. Мозги их взорвались, когда они осознали, кто их соседи — брат и отец Джими Хендрикса. Я уговорил дать мне ненадолго пластинку, чтобы показать отцу. Он не поверил ни одному моему слову, пока сам не поставил пластинку на проигрыватель и не узнал голос Бастера.

С открытым ртом он стоял, рассматривая обложку: на фотографии с искажёнными краями, она снята была рыбьим глазом, были Бастер и два его новых товарища, фон сзади был ярко–жёлтый с пухлыми фиолетовыми буквами названия.

— О, мой Бог. Это на самом деле он. Это Бастер, мой мальчик.

Перевернув обложку, он взглянул на другую большую чёрно–белую фотографию группы. Должно быть, раз двадцать он крутил в руках конверт, прежде чем из глаз полились слёзы. И как бы не вертел он конверт, ото всюду на отца смотрел его сын, Джими, в ореоле своей психоделической славы.

Разглядывание обложки оказало и на меня должный эффект. Уверенность брата дала во мне всходы. Если мой брат добился в этом мире желаемого, что мешает мне сделать то же? Может и моя звезда зажжётся так же ярко. Детьми я всегда чувствовал увереннее рядом с братом. И вот, он очередной раз вдохнул в меня веру в себя, даже будучи на другом конце света.

В этот день мы с отцом на работу не пошли, а Корнфлейк со своим парнем перебрались к нам и Джун всем нам сделала чай.

Мы прослушали пластинку Бастера с начала до конца и после Are You Experienced? ребята настояли на том, чтобы мы оставили её себе. Но как только затих последний аккорд, настроение отца как всегда поменялось. Бастер выпустил пластинку, да ещё со своим портретом на обложке, отец казался от этого несколько обескураженным, но серьёзно к этому не отнёсся. Для него, не имело никакого значения, что говорят вокруг, он по–прежнему считал занятие музыкой не настоящей работой.

— Ну, — начал он, поднимаясь с дивана, — кто знает? Пластинок много.

Но Джун с этого дня словно подменили, она стала послушной японской женой. Визги с её стороны прекратились и ни одной драки между ними уже больше не было, всё волшебным образом разрешилось и мир установился в семье. Я не придал тогда этому значения. У меня не было обыкновения встревать в их отношения и их ссоры улетучились из моего сознание на многие месяцы. Я просто наслаждался миром и тишиной домашнего очага.

Глава 8. Улицы Сиэтла

После того, как наши соседи оставили нам пластинку брата Are You Experienced, я постоянно ставил её на отцовский проигрыватель. Музыку слушали почти все мои дружки, хотя в большинстве своём говорить об этом не хотели. А поскольку его музыку слушали многие белые, чёрные братья отказывались признавать его за своего, считая, что он предал чёрное сознание. Временами на улице я слышал, как народ перетирал эту тему, но никогда не придавал этому большого значения, считая пустой и глупой затеей разговоры подобного рода. Более того, уверен, у всех у них была его пластинка, но они прятали её в платяном шкафу среди белья и слушали тайком дома по ночам, когда оставались одни.

Эти песни с его альбома были самые душевные и прекрасные кусочки музыки, которые когда–либо приводилось мне слышать. Hey Joe, Purple Haze и Foxey Lady постоянно передавали по радио, но меня затягивали более автобиографические песни, вот например, Manic Depression, описывающая постоянные его разочарования в погоне за своей мечтой. Для меня ясно как день, что он стихами рассказывает, как будучи малышом пытался дотронуться до музыки, ища её в отцовском радио. The Wind Cries Mary была бы ещё ближе мне, если бы звучала как The Wind Cries Lucille, в ней, уверен, Джими выразил те чувства, что запрятаны были им глубоко внутри давным–давно об отце и нашей маме, чувства, которые он никогда не решался высказать, когда мы росли. Третий камень от солнца это не просто фантастика, это рассказ о том, как мы, лёжа на лужайке за домом, всматривались в ночное звёздное небо. Брат продолжил свои исследования, как делал он это всю свою жизнь. В Are You Experienced? брат пошёл ещё дальше и спрашивает своих слушателей, как далеко они зашли в своих опытах, раздвигают ли они границы восприятия и собственного подсознания. Слушая альбом, вел я с ним откровенный диалог, какой никогда мы не могли себе позволить в детстве.

Каждый по–своему понимает стихи Джими. Почти все, с самого начала были уверены, что Purple Haze это про траву или LSD, я же не вижу там ничего такого. Но могу и согласиться, да, о наркомании, но наркомании религиозной. Это разговор Джими с Богом, его отношение к религии. "Поцелую небо" — слова молитвы, обращённые к духовной сфере нашей планеты. Мать Мария эта та девушка, которая приворожила его и указывала ему путь сражения. Стихи Джими удивительны и прекрасны,

удивительны и прекрасны тем, что они многозначны, вы можете наделить их при желании своим собственным смыслом.

Мы с отцом стали постоянно посещать музыкальные магазины и узнавать новости о брате на их прилавках. Из–за брата фамилия наша, Хендриксы, стала настолько популярна в Сиэтле, что у отца прибавилось работы в его ландшафтном бизнесе. Всем хотелось, чтобы Хендриксы поработали именно у них. Мы уже не расчищали гаражи или чердаки от старого хлама. Мы стали заниматься исключительно лужайками перед домами и ландшафтным дизайном. Все состоятельные еврейские семьи стремились пригласить Хендриксов в свой дом. Отца засыпали заказами, он даже завёл журнал, в который стал записывать их очерёдность. Многие из заказов приходилось передавать коллегам.

Новая волна славы захлестнула меня на улице, где я и так был уже местной знаменитостью. Большие центровые шишки не только были заинтересованы потусоваться со мной, но они хотели даже завязать со мной общий бизнес. Каждый стремился перекинуться со мной словечком или увидеться, если я собирался написать брату, особенно это касалось его старых школьных приятелей, с которыми он играл в школьном ансамбле, они мечтали собраться вместе и поджемовать с ним.

— Когда он вернётся? — спрашивали они меня, каждый раз.

— Не знаю, дружище, — отвечал я им. И это было правдой. Всё происходящее с братом казалось таким далёким, что я не мог даже предположить о его намерениях.

Я зарабатывал кое–какие деньги нашим ландшафтоведением, но это был мизер по сравнению с тем, что я имел на улице. Кроме того, стрижка травы и кустов под палящим летним солнцем, казалась мне слишком однообразном занятием.

Вспоминая те времена, могу сказать, что Сиэтл второй половины 60–х был совершенно девственной территорией. Я тёрся по игорным клубам, не отставая от естественного развития событий. Моя торговля травой и спидами процветала. Я близко сошёлся с таким профессионалами улицы, как Росс, Чарли и Джонни, прибывшими с окраин штата, и ещё с одним, японцем, по имени Дэн. Все они были отличными ловкачами. Стоит добавить, что Дэн уже считался миллионером, ведь у него была ананасовая плантация на Гавайях. Сперва мне было не понять, почему он всё время нуждался в деньгах. Только после того как я ближе узнал его, я понял, что этот парень просто попал под влияние своей страсти. Жизнь гангстера захватила его полностью. Сам же я вышел на улицу только ради денег.

Вначале парни брали меня с собой на дело просто так, чтобы

я привык, осмотрелся. Их любимым занятием были мелкие рестораны и грабили они их в ночь с воскресенья на понедельник, когда собиралась выручка от всего уикенда. Защиты особой в них не было и взлом проходил обычно по простейшей схеме. Каких–то специальных инструментов для этого не требовалось, они орудовали простым ломом, которого ласково звали мгновенкой. Когда я спросил Дэна, почему они не берут с собой никаких инструментов, он, взглянув на меня, рассмеялся и сказал, что им кроме лома ничего не требуется.

Я не поверил, пока сам не увидел это удивительное изобретение человечества в действии. Углы наиболее популярных моделей небольших сейфов были сварены наподобие дверных петель. И если ударить точно в это место, то металлическая накладка отходила. Затем просунув лом в щель, можно было отделить 4–миллиметровую железку от дверцы, как если бы мы чистили большой металлический апельсин. Мы так и называли эту операцию — очисткой апельсина. Оставалось сбить цемент вокруг замкового механизма и повернуть шестерни рукой, чтобы открыть дверку сейфа. Если мы не могли вскрыть сейф на месте, то трое или четверо из нас просто грузили его в багажник автомобиля Дэна и уже дома, в гараже, спокойно его вскрывали.

Мы избегали более громоздких сейфов, такой способ не подходил для них, так как после удара смещался замок и открыть его уже не представлялось возможности. Однажды мы пропотели над одним из таких около пяти или шести часов и только под утро открыли его. Он оказался совершенно пуст. После этого случая мы решили не тратить время зря. Лучше вскрыть три–четыре маленьких сейфов, каких–нибудь семейных ресторанов, чем возиться с одним конторским сейфом.

Наше самое большое вознаграждение составило 35 тысяч долларов, которые мы тут же поделили между собой. Мы были так рады, что тут же, в этом же ресторане, отметили эту удачу, приготовив себе поесть на кухне и составив себе несколько коктейлей из имеющегося в баре, и вообще, вели себя как сбежавшие из психлечебницы сумасшедшие.

Половину нашего интереса в ограблении банков и других учреждений составляли деньги, другую половину я бы назвал джазом: адреналиновая лихорадка плюс трофеи. Почти всегда мне было не удержать поток смеха, содрогающий моё тело, после удачного побега с места преступления. Ощущение опасности захватывало меня полностью. Любой из нас скажет вам тоже самое — раз испытав это чувство, ищешь его во всём и подгоняешь свою Судьбу ещё и ещё, пока не оборвётся всё это тюрьмой или смертью.

Нашу территорию патрулировал один полицейский из битников, но мы не стали тратить на него время, чтобы познакомиться: не сложно было вычислить дни его патрулирования. Он нам не создавал проблем и мы с дружками только посмеялись насколько легко нам было работать. Первое время нам вообще не о чем было беспокоиться, но положение несколько изменилось, когда на сцене появились детективы Вальтер и Хайтауэр. И хотя они знали нас и знали, что мы занимаемся чем–то нехорошим, им никогда не удавалось поймать нас на чём–нибудь противозаконном. Они скорее напоминали нам надоедливых мух, чем реальную угрозу.

Они особенно не утруждали себя проблемами местного бизнеса и тем более не собирались ловить кого–нибудь из нас, они просто оборудовали некоторые здания сигнализацией и посадили дежурить охранников. Среди охранников, работающих в центре, было много наших знакомых. И если вы не наделаете особо шума, вламываясь в офис и вскрывая сейф, у вас не будет никаких проблем. Никто за вами не погонится.

После нескольких удачных крупных ограблений, проведённых нашей бандой, таких как расчистка местных еврейских магазинов Вайсфельда и Бен–Бриджес, мы познакомились со всеми центровыми заправилами, настоящими гангстерами, без них невозможно было превратить товар в деньги. Выручили мы тогда 15–20 тысяч, которые тут же поделили между собой.

Можно не сомневаться, что детективы Вальтер и Хайтауэр не найдут вас на следующий же день после ограбления и их небольшие две собаки не обнюхают ваши пятки.

— Вы, парни, думаете, что вы хитры, так ведь, а? — однажды подошёл к нам детектив Хайтауэр. — Вам просто везёт. Но знайте, однажды мы вас поймаем.

И сколь угодно ни были страшны их угрозы, никто не боялся этих двоих детективов. Им пришлось бы пошевелиться, когда мы не спим, а это обыкновенно происходило в ранние часы. И чем страшнее были их угрозы, тем смешнее были их попытки собрать на нас какой–нибудь материал. И мы продолжали самозабвенно думать, что никто и ничто не сможет нас остановить. Даже когда мы беззаботно утюжили улицы, никто вокруг не мог предположить, чем мы заняты были на самом деле. Не было предела нашей наглости, и когда что–нибудь в витрине магазина привлекало внимание одного из нас, замок тут же слетал. Пять секунд нам требовалось, чтобы проникнуть внутрь, и пятнадцать, чтобы выйти наружу с полными руками.

В моих карманах не убывало денег, я начал одеваться в Божественном, дорогом фешенебельном магазине. Я стал так

часто там бывать, что сдружился со многими продавцами. Дни, когда я носил одежду с чужого плеча, далеко ушли в прошлое. Теперь на мне были исключительно шёлковые рубашки, дорогие костюмы и туфли из крокодиловой кожи. Все дамы оборачивались, когда я проходил мимо. Я приобрёл огромную популярность и у меня на руке обязательно висела какая–нибудь красотка, когда я входил в клуб.

Обычно меня можно было найти в Грин–Фелт или в клубе 211. Я быстро обнаружил, что многие играют в бильярд гораздо сильнее меня. Сколько себя помню, я гоняю шары, а тут приходит парень, да ещё даёт мне фору в несколько шаров и утирает мне нос. И я, вместо того, чтобы оттачивать своё мастерство и у всех выигрывать, решил бежать от конкуренции и вернуться на улицу. Я познакомился с двумя виртуозами бильярда, одного звали Айсбергом Слимом, другого Коротышкой, вместе мы стали делать хорошие деньги. Казалось, это будет вечно, мы всё время выигрывали. И когда бильярд пустел, страсти разгорались вокруг костей, где ставки были необыкновенно высоки.

В добавление к тому, что я приносил с улицы, брат прислал нам с отцом денег. Присланных телеграфом денег хватило на новый дом в Сиворд—Парке. И хотя это был большой шаг и у меня там была своя спальня вместо раскладного дивана в гостиной, я по–прежнему редко бывал дома. Для отца новый дом значил гораздо больше — впервые мы смогли переехать из центра в фешенебельный район с состоятельными соседями.

На подходе был 1968 год и весь Сиэтл обклеили афишами с восклицательными знаками, что наконец–то Джими даст концерт в родном городе. Новость постоянно передавали по радио и все газеты были полны статьями о Джими. Подобное взрыву выступление брата на летнем фестивале в Монтерее привело в шок весь музыкальный мир, а его пластинка Are You Experienced взлетела на самую вершину горячих списков. Невозможно было включить радио, чтобы ни услышать Purple Haze, Foxey Lady или Hey Joe. Его признали. Мой брат стал величайшей рок–звездой планеты. Успех, к которому он так долго шёл. И от одного сознания, что я скоро увижу брата, меня всего трясло. Мы с отцом не могли дождаться, когда же мы снова все трое будем вместе.

Итак, утро 12 февраля 1968 года. Мы приехали в аэропорт и обнаружили огромную толпу встречающих.

— Что делают здесь все эти люди, — наивно недоумевая, спросил меня отец.

— Брось, отец, — сказал я, — все они, как и мы, тоже приехали встретить Джими.

Сердце было готово выпрыгнуть из груди, когда, наконец, я

увидел Джими, он был последним пассажиром, выходящим из самолёта. Позже, он объяснил мне, что его философия такова, чтобы оставаться на месте, пока лётчики сами не начнут покидать самолёт.

— Не вижу никакого смысла стоять в проходе 10 минут, пока никто тебя не пригласил к выходу, — объяснил он.

Почти семь лет мы с отцом не видели Бастера, с самого того дня как он демобилизовался и уехал на Юг. И в погоне за своей мечтой, стать профессиональным музыкантом, счастливым образом попал в Лондон. И вот, теперь, он здесь, окружённый настырными фотографами, нетерпеливыми журналистами и сумасшествующими поклонниками. Нам было даже не подойти к нему, не задать какой–нибудь вопрос, не сфотографироваться с ним, но мы были в восторге от этого хаоса вокруг нас.

Мы собирались просто встретить брата и привести его из аэропорта, но оказались затёртыми теми, кто хотел взглянуть на рок–звезду, на настоящую мировую рок–звезду.

На брате был чёрный кожаный жакет, бархатные обтягивающие штаны–клёш, шляпа и цветастый шарф — всё очень стильно. В последний раз я видел брата в отутюженной и сверкающей чистотой армейской форме, но это было невероятно давно. На мне же

был мой лучший костюм, очки в кожаной оправе, блейзер и шляпа, но я и близко не подобрался к уникальному стилю брата.

— Эй, Бастер, — крикнул я, взмахнув руками. — Эй, как ты?

Брат блеснул лучезарной улыбкой и обнял меня.

— Дружище Леон, ты отлично выглядишь, — сказал он мне.

Я тоже отличался от того парня, каким меня запомнил Бастер в последний раз. Помните, я был тогда неоперённым цыплёнком–школьником, и не думаю, что он ожидал увидеть такого делового человека, каким стал я.

— Ты тоже отлично выглядишь, — сказал я.

Я ещё раз оглядел костюм брата, потом себя и понял, мне необходимо сменить имидж.

Вокруг нас толпился народ, и под вспышки фотоаппаратов брат тряс руку отца и тонул в объятиях тётушки Эрнестины, проделавший длинный путь вместе с дядей Беном, чтобы встретить своего племянника.

Отец отвёз всех нас в наш новый дом в Сиворде. Совершенно ясно, что отец не мог сдержаться, чтобы не сказать как я преуспел в своих делах с тех пор как Джими уехал.

— Леон заарканил всех сиэтловских девушек, — произнёс отец, бросая взгляд через зеркальце на Джими, с которым мы, как в прежние времена, сидели на заднем сидении.

— Ну, отец, не будем об этом, — запротестовал я, вращая глазами.

— Он шатается по городу, ища проблем с законом на свою задницу и занимается тёмными делишками, — продолжал гнуть в свою сторону отец. — Чёрт побери, дома я его вижу только раз или два в месяц. Остальное время он пропадает где–то в центре.

Но отец так и не смог добиться поддержки от Джими. Меньше всего на свете Джими беспокоило то, что я шлялся по улицам. Интересно, заботило ли отца то, чем сам Джими занимался всё то время, пока жил вдали от дома? И как только отец пытался продолжить начатую тему, Джими перебивал его и начинал говорить, как он гордится мной.

— Ведь это только начало, ведь так, а? Или это уже конец? — спросил он меня, смеясь.

Несмотря на то, что прошло так много лет, мы с Джими болтали, как если бы расстались только вчера. Джими наслаждался домашней обстановкой и никто из нас не вспоминал, что мы так долго не виделись. Для меня он оставался по–прежнему тем же самым Бастером, которого я знал в детстве. Он по–прежнему был безразличен к деньгам, славе, успеху, которые так и не смогли изменить его характер. К сожалению, нам с Джими так и не удалось побыть наедине, дом был переполнен родственниками и друзьями. Тётушка Эрнестина и дядя Бен уже были здесь, были здесь и дочери Джун: Жени, Донна, Марша и наша двоюродная сестра Джеки. Несколько соседей, пришло посмотреть вокруг чего такое беспокойство. Отец показал Джими наш новый дом, но времени отдохнуть не оказалось, слишком много людей хотело увидеть и самим поздравить его. Каждый тянул его в свою сторону, всё происходило так сумбурно, суматоха ещё более усилилась, когда появились его школьные приятели. Не прошло и часа, как мы раскупорили отцовскую бутылку Сиграмс–Севен.

— Хочу сделать тебе подарок, я привёз тебе гитару, — сказал он, подходя к кровати. Отложив в сторону новенький белоснежный Стратокастер, он положил на кровать потёртый чёрный футляр и открыл его. Внутри лежал солнечноликий золотистый Фендер–Стратокастер. Но восторг мой был подточен, сердце моё было приковано к белоснежному стоящему в углу Стратокастеру.

— Спасибо, Бастер. Но, гм… а как на счёт того, белого? — сказал я с улыбкой.

Джими рассмеялся.

— Ни в коем случае. Ты же даже не знаешь, как на нём играть, дружище. Тебе лучше учиться на этом, и начинай уже

завтра. Это настоящий отличный Фендер 1964 года.

Только Джими собрал свои вещи, как один из его менеджеров, звали этого парня Майк Джеффри, нарисовался в дверях. Майк был соменеджером Час Чандлеру и контролировал все действия моего брата. В своих чёрных очках, с гладковыбритым лицом, в наглаженном костюме, с короткими зачёсанными волосами он выглядел переодетым полицейским. Он определённо был отставным агентом, держался холодно и отстранённо. Он отказывался говорить со мной или кем–либо из членов нашей семьи, если он и говорил с кем–то, то это был только Джими. Всего несколько раз он посмотрел в мою сторону, и произвёл на меня впечатление бесцеремонного дельца. У него явно не было желания размениваться на любезности с кем–либо из нашей семьи. Майк с самого начала старался отстранить меня от брата. У меня даже возникло чувство, что Майк был вообще против гастролей в Сиэтл, думаю, он боялся влияния нашей семьи и считал нас помехой на пути к достижению цели. Он, привычно сообщил Джими, что пара идти, но Джими был дома и видно было, что он хотел провести свободное время со своей семьёй. Похоже, впервые кто–то перечил Майку.

— Ладно, но сейчас нам необходимо проверить звук, так что садись в лимузин и поехали, а за Леоном и всей твоей семьёй я пришлю другой лимузин позже и они без опозданий приедут на шоу, — сказал Майк Джими.

— О чём ты говоришь? — спросил его брат. — Что плохого, если Леон поедет с нами?

— Знаешь, Джими, нам по дороге нужно обсудить кое–какие подробности.

— Майк, это мы всегда успеем. Ну, же Леон, пошли. Мы едем на место.

Я впрыгнул на заднее сиденье, где уже сидел Джими, так что у нас было достаточно времени пообщаться. Отцу с остальными не было интереса ехать на стадион так рано, они договорились, что за ними пришлют лимузин, который привезёт их к самому началу, тогда мы их и встретим там.

Техники ещё готовили сцену, когда мы приехали в Сентер–Арена, но народ уже толпился в артистических, где стояли столы с сандвичами, напитками и алкоголем. Хотя я никогда не видел, чтобы Джими фиксировался на выпивке, у него всегда за кулисами хранилась бутылка Джонни—Вокера-Рэда. Он тут же познакомил меня со своими музыкантами, басистом Ноэлом Реддингом и Мич Мичеллом, барабанщиком. У них был такой сильный английский акцент, что я почти ничего не понимал, что они говорят. Они показались мне клёвыми кошаками, особенно

Ноэл, с самого начала он отличался от остальных, он единственный, с кем я зацепился языками. И Мич, и техники были как воду в рот набравши и не проявили ни малейшего интереса ко мне. Ноэл и Мич были совсем не похожи ни на Джими, ни на его старых друзей и смотрели на меня с недоумением, когда я спрашивал их, где мне найти моего брата, Бастера. Они ничего не знали про парня по имени Бастер. Но для всех нас он по–прежнему оставался Бастером, тогда как вокруг звали его только Джими. И я стал тоже звать его Джими. Находясь среди техников и всех тех, кого он привёз с собой, я не хотел никого смущать, слишком утомительно было рассказывать всем, почему я его зову Бастером. Да и просто Джими, много проще.

Брат всё время находился за кулисами, брал поочерёдно одну за другой гитары, строил их, ставил на место. Обычно он прижимал гитару к голове, чтобы лучше уловить вибрацию. Это мне напомнило как в детстве он склонялся над нашей старой медной кроватью с натянутыми на ней резиновыми жгутами и проволокой от растянутых пружин.

Я всё время находился рядом с братом, пока его не позвали на сцену проверить звук. Я слонялся туда–сюда, пока они настраивали барабаны, казалось, этому не будет конца. Каждый раз, как только они устанавливали баланс, что–то менялось и они начинали всё снова. Пятьдесят, а может сто, техников, как муравьи сновали мимо меня. Какие–то парни отмечали на сцене места микрофонных стоек и устанавливали свет. Всё это отняло много, очень много времени, как очередь в субботу вечером в клуб the Black and Tan. Но вот Джими подключился, сыграл несколько аккордов. И удовлетворённо махнул головой.

Около 4 часов мы все снова залезли в лимузин и вернулись домой, где Джун приготовила цыплят с жареным рисом для всех нас. Мы особо временем не располагали и спустились вниз, покурить травки, пока за нами в 8 не прислали лимузин. Как только мы вернулись на стадион и зашли за кулисы, Джими отвёл меня в сторону и осторожно, чтобы никто не видел, вынул из внутреннего кармана несколько таблеток LSD.

— Вот, сохрани это до конца выступления для меня. Не сейчас. Подожди, примем их вместе.

— Конечно, Бастер, без проблем.

Возможно, это и не лучшее решение, но я солгал о том, чтобы подождать конца выступления. Возбуждение и предвкушение концерта перед полным стадионом было слишком для меня и я не сдержался. Как только я почувствовал их в своей ладони, мой внутренний голос сказал мне, дикая скачка только в самом

начале. До этого я ни разу не пробовал LSD, поэтому всё, что со мной начало твориться я прочувствовал до мельчайших подробностей. Моё путешествие началось тихо и спокойно, но через полчаса я превратился в тяжелогружёный товарный поезд. Только я собрался налить себе выпить и немного собраться с мыслями, как за кулисами нарисовался отец.

Заметив меня, он сердито посмотрел на меня и сказал, словно ужалил:

— Леон, что ты здесь делаешь? Ты должен быть там, со всеми.

— Я с Бастером, отец. Мы здесь вместе.

— Что значит, "мы здесь вместе"? Он здесь по дела, а ты можешь только помешать ему!

— Нет, меня сам Бастер попросил обождать его здесь. А ты иди и присоединись к остальным. А здесь останусь я, это как раз то место, где я всегда хотел быть.

Джими был на сцене, я тоже был на сцене, только сзади, за аппаратурой, и смотрел, как он играет. Может быть, впервые в жизни, я был точно в том месте, где всегда хотел побывать. Могу поклясться, в этот вечер брат играл самую мощную и самую прекрасную музыку. Последний раз я был на его концерте, когда он играл популярные мелодии с Rocking Kings и Thomas and the Toncats. То, что он сочинил к этому разу, было несравнимо ни с чем. С уверенностью очевидца, могу заявить, что вы многое потеряли, если не побывали на его концерте. Я стоял сбоку и видел, как мой брат вводил толпу в неистовство. Играя, он не стоял на месте, то совершая какой–то медленный индейский или птичий танец, то нападая на свою гитару — играя зубами, за спиной, то оседлав её, или подняв высоко над головой. Может более чем кто другой из присутствующих, я знал, что Джими готовился всю свою жизнь предстать так перед переполненной аудиторией вопящих поклонников. И как всегда, с помощью звуков, извлекаемых из гитары, он выражал свои глубоко запрятанные эмоции, излучая свет своей индивидуальности. Никто, вдумайтесь в это слово, никто не сможет сыграть так, как играл Джими.

Я стоял и рассматривал лица, устремлённые на него. Пустыми глазницами они смотрели на своего идола. В первом ряду — дочери Джун, Марша, Линда и Донна держали плакат: "Добро пожаловать домой, Джими, твои сёстры." Толпа старалась понять, как же он так играет на гитаре и всматривались с изумлением, когда он погружался в свои длительные импровизации. Его музыку нельзя отнести к джазу. И рок–н–роллом её назвать нельзя. И это не чёртов ритм–и–блюз или

незамысловатый старый соул. Джими смешивал жанры, облекая их в совершенную форму. Вы их распознаете, только вырвав из его песни по маленькому кусочку.

Со своего места я внимательно следил за происходящим, одновременно испытывая сильное ощущение, сравнимое с морскими волнами. Мне захотелось сделать глубокий вдох и расслабиться, но когда я посмотрел вниз, то оказалось, что я парю над сценой. Сделав взмах руками, я поднялся ещё выше, почти достигнув ферм навеса. Перестав махать руками, дал Джими догнать меня. Вместе мы взглянули вниз и увидели себя там, внизу. Но как же это возможно? Вот он там, внизу, играет со своей группой. Или это кто–то другой там? А настоящий здесь, рядом со мной? Я весь пылал и не был уверен ни в чём. Отсюда, с высоты, я увидел самого себя, стоящего сбоку сцены и следящего за происходящим. Разве возможно ль это? Это был мой первый опыт астральной проекции и выхода из физического тела. Когда же я снова взглянул на брата, оба мы взорвались смехом, часть меня хотела взлететь ещё выше, другая же часть стремилась отойти от края сцены на безопасное расстояние.

В перерыве между номерами меня вдруг обуял страх и я запаниковал, как если бы через меня пропустили электрический ток. Мы слишком высоко взлетели. И если сейчас упасть на сцену, то оба мы можем разбиться насмерть. И в самый момент, когда казалось, сердце моё разорвётся от ужаса, что–то щёлкнуло во мне и я обнаружил, что стою на прежнем месте с краю сцены. Когда я понял, что я уже не парю над сценой, я поднял глаза к фермам навеса, там ли ещё Джими. Но там его уже не было, только тросы, кабели и прожекторы.

Люди скажут мне, ну же, дружище, ты просто слишком нагрузился. И будут частично правы, но это был мой первый опыт, такой же как моя реальная жизнь. Оглядываясь назад, скажу, что ощущение это было вызвано кислотой, но всё же тогда я впервые ощутил себя вне своего тела. И это было настоящей действительностью.

Я продолжал стоять, приближаясь к концу своего путешествия по кислотному миру, и наблюдал за братом, как он своим электричеством заряжал толпу, приближаясь к концу своего выступления. Вдруг всё приобрело смысл — и свет, и звук, и ощущение сопричастности происходящего. Я оказался в самом центре Опытов Джими Хендрикса. Не стоит говорить, что шоу взорвало мне мозг. Его выступление это демонстрация свободы в чистом виде. Брат поднял всё на новый уровень, туда, где музыка ещё не побывала. Все стремились узнать, откуда он, где он родился.

Я уже заранее знал, какие вопросы этим вечером будут задаваться в толпе. Каждый попытается для себя решить, чему он или она были свидетелем.

— Джими накачан наркотой.

— Нет, он просто пьян.

— Да нет же, он — сумасшедший.

Сразу после шоу, дорожный менеджер Джими, Джерри Стикелз, встретился с устроителями и получил полный портфель денег за проведённый Джими концерт. У меня нет ни малейшей идеи, сколько в нём было. Но точно знаю, что всё наличкой и собрали всю сумму за минуту до окончания концерта.

Мы с Джими прыгнули в лимузин. В шикарной гостинице Олимпик нас ждал забронированный роскошный номер. Пока ехали, одного его взгляда было достаточно, чтобы понять, что я не сохранил то, что он просил сохранить. Он не рассердился, только рассмеялся, оглядывая меня. Когда мы вошли в номер, Херб Прайс, парень которого Джими держал как личного ассистента, всё ещё распаковывал чемоданы. На гастролях Джими возил с собой множество чемоданов набитых всякими аксессуарами и сценическими костюмами, сделанными на заказ. Без Херба он просто бы физически не смог бы всё это держать в порядке.

Вечеринка была в самом разгаре, когда в номер медленно, будто проделав тысячемильный путь, вошли отец, Джун и маленькая Жени. Сомневаюсь, что брат их пригласил, но они всё же как–то нашли его.

Около полуночи, брат шепнул мне, чтобы я позвонил и заказал ужин для каждого. Когда я предложил заказать филе миньон, отец взорвался.

— Брось, Леон. Твоему брату незачем это делать. Наверняка здесь поблизости есть автоматы, мы сходим за бутербродами.

— Отец, оглянись, посмотри вокруг, — сказал я, делая жест рукой в сторону. — Бастер сказал мне заказать ужин для каждого, это я сейчас и сделаю.

— Нах, нах, нах, — проворчал отец. — Тебе не следует этого делать.

Джими следил за нашим разговором из другого угла комнаты и, подойдя к нам, сказал:

— Отец, позволь Леону сделать то, о чём я его попросил, а пока присядь на диван и посмотри телевизор.

Не в первый раз отцу пришлось отступить и он опустился на диван. И неважно, находился ли отец в королевском номере, или чему он был только что свидетелем, он считал невозможным, что у его сына могут быть такие деньги. Даже после того, как Джими

купил ему новый дом и купил новый грузовик, отца было не переубедить. Только что, пару часов назад, Джими отыграл концерт перед полным стадионом, а отец не был уверен в успехе Джими. Пройдут годы, прежде чем отец поймёт, что незачем было пилить сына. И даже теперь, видя, что Бог благословил Джими и услышал его молитвы, даже теперь отец испытывал страх перед очевидным.

После стольких лет, проведённых в номерах, я ничего необычного не видел в том, чтобы вызвать коридорного. Как и планировалось, я заказал филе миньон для каждого и несколько бутылок лучшего шампанского. Пока я делал заказ по телефону, отец всё время перебивал меня, не вставая с дивана. И прикрыв трубку рукой, мне пришлось одёрнуть отца:

— Очнись, или ты совсем выжил из ума? Веди себя тихо!

После этих слов, даже если бы пискнула мышь, было бы слышно, настолько отец погрузился в ароматное филе миньон, когда принесли ужин.

Весь вечер Джими окучивал двух девиц, но я то видел, что он посматривал в сторону Марши, очень симпатичной дочери Джун. Как статуи, отец, Джун и Жени просидели весь вечер на диване, не проронив ни слова, только и было отличие, что статуи не рассматривали бы собравшихся гостей. Всё происходящее было настолько далеко от их понимания, что они не знали как отнестись ко всем этим людям. За всё время Джими так и не подошёл к ним и если бы не я, то они, возможно, просидели бы всю ночь на этой кушетке. Я взглянул на часы, маленькая стрелка приближалась к единице, и я решил, что пора действовать.

— Отец, можно тебя на минутку? — сказал я, уводя его в сторону. — Слушай, большинство сейчас уже собираются уходить, а мы с Бастером хотим ещё поболтать. Кроме того, маленькой Жени пора спать. Уже поздно.

Слава Богу, отец внял моим словам и понял, о чём именно мы с них хотели поболтать.

— Пойдём, Джун, — произнёс он. — Нам пора.

Отец с Джун ушли, забрав маленькую Жени с собой, Марша же осталась с нами. Было заметно, что Марша понравилась Джими с того самого раза, как он впервые её увидел. Вскоре они исчезли за дверью одной из спален, в то время как я, прихватив одну из девиц, исчез за другой, предоставив гостей самим себе.

Утром, проснувшись, я обнаружил, что остался один в номере. Позднее я узнал, что рано утром Джими отвёз Маршу домой, так как ему предстояло небольшое выступление. В 7 утра на крыльце отцовского дома уже стоял Пэт МакДональд, местный журналист, он забрал Джими и отвёз его в Гарфилд, где брату

предстояло выступить перед школьниками. Думаю, парень был несколько смущён, увидев неумытого и не успевшего переодеться Джими. Не стоит напоминать, что брат провёл бурную ночь, оставив всех чертей ада далеко позади. Я пропустил его выступление в Гарфилде, но позже, когда мы встретились днём, он выглядел разочарованным.

— Слушай, поехать туда, без моей гитары, сплошной кошмар, — сказал он, плюхаясь на диван рядом со мной, в цокольном этаже отцовского дома. — В актовом зале собралась вся школа, задавали какие–то бессмысленные вопросы, я еле оттуда удрал.

Брат и двух слов не мог связать на публике, чтобы говорить, ему всегда нужно было держаться за гитару. Она его успокаивала. Без неё он чувствовал себя очень неловко. Я сильно за него переживал, это совсем не было похоже на триумфальное возвращение бывшего ученика в родные стены.

После нескольких коротких часов сна на том диване, на котором я его оставил, за ним заехал Майк Джеффри и объявил, что пора ехать. Ехать в аэропорт Си–Тэк и лететь в Денвер, штат Колорадо, на выступление в Регис–Колледже. Перед отъездом он подарил мне пластинку Axis: Bold as Love, в которой была песня Castles Made of Sands.

— Песочные замки это про нас с тобой, — сказал мне Джими.

Мы все сели в отцовскую машину и отвезли его в аэропорт. Ураганом ворвался брат домой и за те 24 с небольшим часа он сумел изменить всю нашу жизнь. Мне очень не хотелось, чтобы он улетал так скоро, но я понимал, по–другому он не мог.

Придя домой, поставил на проигрыватель Castles Made of Sands. Как и говорил Джими, это был рассказ о нашем детстве. Первая строфа была о том, как наша мама ушла от отца после той аварии с машиной. Слова Джими вызвали во мне яркие воспоминания. Потом я узнал себя. Маленький бесстрашный индеец, всегда неожиданно бросающийся в атаку, и которому ещё нет и десяти — это я. Брат описывает тот момент, когда отец отправил меня жить к Вилерсам. Но самые сильное место это последние два куплета, они о нашей маме, о том, как она умирала и как мы в последний раз видели её в больнице. Стихи о молодой, искалеченной жизнью женщине оканчиваются прекрасными словами о золотом летучем корабле, уносящем её на своих крыльях далеко ввысь. Прекрасные слова. Я и сам много раз видел нашу маму, смотрящую на нас с Небес.

Глава 9. 6 сентября 1968 года

Не прошло и двух недель, брат прислал мне телеграфом 5 тысяч долларов, а отцу столько, что он купил новенький Шевроле–Малибу 1968 года и грузовой пикап GMC V-8 тоже совершенно новый, 1968 года. Давно я не видел отца таким счастливым, как за рулём сверкающих краской своих авто.

Мы стали редко получать от него письма, и не было возможности связаться с ним, из графика гастролей его ещё вырывала и студийная работа. Он звонил нам, но мне редко удавалось поговорить с ним, чаще не удавалось, ведь я всё своё время отдавал улице.

С каждым днём всё выше становился мой эшафот на центральной площади. Наша банда собиралась вместе только, когда шли на дело, а так разбегались и ложились на дно на несколько месяцев. Всё труднее было игнорировать моё причастие к нападениям. Но как только созревал план следующего ограбления, мы собирались вместе. Мы всегда придерживались правила идти только на мелкие дела, но одному из нас пришла идея напасть на фармацевтическую компанию Вайет Лаборатория, производящую лекарства, связанные с диетами, которые мы называли крискрос спидами. По центру ходили упорные слухи, что в компании хранилось около миллиона таких таблеток. Крискрос были лучшими спидами того времени. И хотя, приняв несколько, я мог бодрствовать несколько суток, тусуясь и играя, но наступал абсолютный мир боли, когда проходило их действие. Все черти ада набрасывались на меня и пытались разорвать моё несчастное тело на части. Пренеприятное ощущение, скажу я вам.

После тщательного изучения Вайет Лаборатории в течение недели, наша банда собралась вместе, как было запланировано. Мы проникли на склад и начали рыскать между коробками с различными лекарствами.

— Какой номер мы ищем? — спросил я Дэна, скользя взглядом по полкам с номерами.

- 98362… кажется, — ответил он.

— Либо 98362, либо 98367. Почему бы им просто не написать — амфетамин или что–нибудь в этом роде! — попытался пошутить Дэн.

Не только коробки были похожи друг на друга, но сами таблетки были в совершенно одинаковой упаковке. Добавлю, что мы пытались в темноте идентифицировать крошечные таблетки. Однако сдаваться я и не думал. Вдумайтесь, где–то здесь, рядом

со мной лежит около миллиона таблеток, по уличной цене четвертак за штуку, что сулило отличные подъёмные. И оставить здесь эти деньги? Ни за что. Я внимательно просматривал, освещая своим карманным фонариком коробку за коробкой, как вдруг нашёл то, что искал. Их здесь были целые стеллажи. Мы почувствовали себя золотоискателями, напавшими на материнскую жилу. Только мы начали снимать коробки со стеллажей, как парень, дежуривший у входной двери, закричал:

— Ребята! У нас гости! Копы подъехали!

Все тут же бросились к выходу. Я, не колеблясь, разбил окно и нырнул в аллею. Мы успели сесть в машину, но не успели выехать на трассу, нас прижала к обочине патрульная машина. К счастью, мы выбросили через окно и лом, и отмычки прежде, чем нас остановил патруль.

— У вас на нас ничего нет, — произнёс Дэн, стараясь выразить полнейшее безразличие. — Это у вас происшествие. И нечего его нам клеить. Мы всего лишь проезжали мимо, возвращаясь с вечеринки.

Может быть, это и сработало бы, не заметь один из копов, поблескивающий осколок стекла на моём свитере. Видно, моя дорогая мохеровая кофта проголодалась и решила позавтракать стеклом, когда я прыгал через окно. Нас заковали и погрузили в патрульную машину.

Позже выяснилось, что мы даже не смогли бы заметить сигнализацию, когда вломились в помещение. Это не было обычной сиреной, это было нечто совершенно новое… поэтому полиция и подкралась незаметно для нас.

Поскольку мы уже давно были в тесных отношениях с видными в городе людьми, у нас был доступ к самой верхушке адвокатуры. И мы были уверены, чтобы с нами не произошло, они нас вытащат за деньги отовсюду. Через два часа нас уже выпустили под залог и, не теряя времени, мы встретились с адвокатом, обсудить с ним план действий.

— Слушай внимательно, Леон, они поймали тебя с этим злополучным осколком стекла, застрявшим в твоей кофте. Ты полностью сгорел, — сказал он мне. — Они засадят тебя, это ясно. В этом случае тебе лучше взять всю вину на себя. Без тебя у них нет ничего на остальных.

Мне не понравилось то, что озвучил этот адвокат. Другие же, стараясь показаться умными, предлагали различные сценарии спасения наших задниц и повторялись в попытках отвести от нас вину. Все пришли к выводу, что было бы неплохо поддержать нас, и, возможно, найдётся в городе кто–нибудь, кто возьмётся вытащить нас. Но такого человека не нашлось. Что касается меня,

то обратиться к акулам была единственной моей надеждой. Сам я не знал, как поступить. И что не говорили бы мне адвокаты, я не собирался брать всю вину на себя и признаваться в этом преступлении. Когда до парней дошло, что я не собираюсь так просто сдаваться, они осознали, что нас всех посадят.

— Альтернативы нет, — сказал нам один из адвокатов, которого мы пригласили отужинать с нами. — Если Леон не возьмёт вину на себя, вы все предстанете перед судом. Я говорю о том, что вы все будете виноваты. Но если вы признаетесь, то вам могут смягчить наказание. Чёрт побери, кого–то из вас может даже простят.

Моё будущее не казалось мне теперь столь уж блестящим. В моём деле уже значилось пара правонарушений. И кто знал, какое впечатление они произведут на судью, выносящего мне приговор.

С ожиданием моего приговора, нависшим надо мной, словно грозовое облако, пришло известие, что Джими собирается во второй раз посетить родной город с концертом в Колизее 6 сентября. Холодным ранним утром мы встретили его в аэропорту.

Ещё в машине по дороге домой, брат вытащил из сумки новую пластинку и протянул её мне. Я уставился на обложку, на которой была сфотографирована толпа голых тёлок.

— Ну как, что скажешь? — спросил Джими.

— Клёво, — оценил я, протягивая пластину обратно брату. — Но не убедительно. Ни за что не поверю, что все эти красавицы играют в твоей группе.

Джими расхохотался.

— На мой вкус, многие даже слишком простоваты, — продолжал я. — Что, на фирме грамзаписи не нашлось более красивых?

— Ну, Леон, ты меня сразил, — произнёс брат, растирая слёзы.

Не буду говорить о моём отношении к чистому искусству, но пластинка дала жару журналистам. В Англии магазины даже отказались выставлять её в своих витринах.

Этим вечером, в Колизее я увидел, как Джими исполняет свою версию Национального Гимна. Я прежде никогда не слышал, чтобы Джими когда–нибудь его играл, и чувства мои смешались. Я оглядывал публику, одни широко улыбались, другие выражали явное смущение, а некоторые даже глядели на него со страхом. Думаю, я присутствовал при божественном откровении. Мне нравилось, когда брат импровизировал.

После концерта в ожидании встречи с Джими в доме отца собрались его старые друзья. Как только мы приехали, они

обступили нас и буквально похитили. Все вместе мы остаток вечера кружили по городу, нанося визиты друзьям, и кутили. Мы наполнили дом Парнелла дымом от выкуренных нами нескольких книг, затем пронеслись вихрем через танцзал Анкор и the Black and the Tan. Когда же мы направили свои мокасины к дому, было уже 4 часа утра. Несмотря на поздний час, некоторые соседи ещё бодрствовали. Подходя к дому, мы уже еле волочили ноги, входная дверь распахнулась и наш отец, пошатываясь, показался на крыльце. Совершенно очевидно, что он пил весь вечер. Отец был очень рассержен на нас, что мы соскользнули из дома со своими дружками и пропустили весь праздник. Разочарованию его не было предела, ведь он хотел познакомить с Джими людей, которых он пригласил.

— Вы, парни, марш домой! — выдавил он из себя крик. — Я позвал всех этих людей в гости ради вас, а вас не было всю ночь!

Отец вёл себя так, как если бы мы оба были снова детьми. Мы с Джими напустили на себя невозмутимый вид. Мы спокойно опустились на диван и стали наблюдать за действиями отца. Он с шумом захлопнул входную дверь и вошёл в комнату.

— Я и не предполагал, что у тебя будут гости, отец, — произнёс Джими.

— Даже твои сёстры, Кати и Пэм, были здесь и ждали встречи с тобой! — выкрикнул отец.

— Кто? — переспросил я.

Мы с братом обменялись улыбками, чем вызвали у отца новый шквал гнева.

— Марш оба сейчас же в спальню! И приготовьтесь к взбучке! — продолжал кричать отец.

Больше мы не могли сдерживаться. Мы с братом переглянулись и нас прорвало, мы смеялись и никакая сила не могла нас теперь остановить. Дни, когда отец поднимал на нас руку, давно прошли. Мы поднялись и прошли мимо отца, а он не сделал ни одного движения в нашу сторону. Через некоторое время мы снова спустились в гостиную и плюхнулись на диван, сверху доносилось брюзжание отца. Не знаю, о чём думал наш отец, и думал ли он вообще о чём–то. Одна из величайших рок–звёзд планеты, чёрт побери, не собирается получить взбучку от отца. Мы с Джими ещё выкурили пару книг, прошёл час, другой мы всё ещё посмеивались над угрозами отца. Мы обменивались репликами, имитирующими отца, пока окончательно не погрузились в сон.

Прошло всего несколько часов, а Майк Джеффри уже колотил во входную дверь, мы не успели даже выспаться. Когда я с трудом нашёл свои ноги, руки и свою одежду, Джими окликнул меня из

своей спальни. Джими бросил на кровать голубой из мятого бархата костюм и сказал, чтобы я примерил. Вот и поговорили, подумал я. Так как мы с ним были одинаковой комплекции, то костюм оказался мне в самую пору. Я втиснулся в штаны и вычурную рубашку с жабо, брат вытащил из кармана пару серебряных колец и протянул их мне. Я сделал шаг назад и осмотрел себя в зеркале. Улыбка расползлась по моему лицу, из зеркала на меня смотрела настоящая рок–звезда.

Когда мы вышли к Майку, ожидавшему нас перед домом, он сообщил Джими, что лимузин ждёт его, чтобы отвезти в Ванкувер. Концерт с участием Vanilla Fudge должен состояться в Колизее Пасифик уже этим же вечером.

— Я не поеду в лимузине, — сказал Джими Майку. — В Ванкувер мы поедем вместе с братом и отцом в его машине. Хочу, чтобы у нас была семейная поездка.

Посмотрев на Джими, я был вынужден вмешаться и сказать Майку, что не поддерживаю идею брата.

— Слушай, Джими, я думаю, лучше для всех нас, если ты…

— Я не поеду в лимузине, Майк, — повторил брат. — В Ванкувер я поеду вместе со своей семьёй, мы собираемся после концерта встретиться с родственниками. Прошлый раз у меня не было времени навестить их, поэтому на север я поеду с ними.

Странно, что Майк надеялся, что ему удастся разделить нас. Любой бы человек в данной ситуации понял бы желание Джими, но не Майк. Он не только не хотел, чтобы Джими вернулся в Сиэтл, но более того, от идеи поездки родственников с ним в Ванкувер у него вскипела кровь. Казалось, в него вселился дьявол, проигравший очередную битву. Но ничто не могло изменить намерения брата.

Отец выкатил купленный для него Джими Чеви–Малибу из гаража. Когда отец вылез из машины, я заметил, что его что–то сильно беспокоило. Подойдя ко мне, он отвёл меня в сторону.

— Леон, что, за чёрт побери, на тебе? — спросил отец, оглядывая меня с головы до ног. — Где ты взял этот глупый наряд?

— Бастер мне его подарил.

— У тебя в нём идиотский вид.

— О чём ты? Это вещи Джими. Что, по–твоему и Джими выглядит глупо?

Отец промолчал, только головой потряс и плюхнулся на водительское сиденье. Я не собирался оставаться один на улице и тоже нырнул в машину. Я выглядел клёво, а это было самое главное в тот момент. Машина тронулась и покатила нас с Джими на север в Канаду. Мы устроились на заднем сидении, посадив

маленькую Жени посередине.

В голове всё ещё вертелись слова, которые я так и не произнёс Джими. Я не знал, как ему сказать о моих проблемах с законом. Будто если мы не будем об этом говорить, то этого и не было. Уверен, брат уже слышал кое–что о моём аресте, но сам он никогда не заговорит первым. Кроме того, его самого тоже ловили много раз. И я просто наслаждался присутствием брата и купался в лучах его дикого успеха.

Путешествие на север заняло у нас целых четыре часа. Мы с Бастером расплылись на заднем сидении, болтая о том, о сём, а отец с Джун всю дорогу не обменялись ни единым словом. Отец вообще почти не разговаривал с Джими, даже находясь дома, так пара ничего не значащих фраз и всё, в основном о погоде в Англии. Отец оставался всё тем же, кем был, когда Джими уехал из родного города, да и брат нисколько не изменился.

— Что ты находишь хорошего в том, что там всё время идёт дождь, сынок?

— Такой же дождь, как у нас в Сиэтле, оба города расположены на одной и той же параллели.

— Хм? Пара–чём?

— Только и отличие, что в Сиэтле больше дождливых дней, а в Лондоне туманных, отец.

— Да, правда?

Очень содержательный разговор, не правда ли? Не прошло и получаса, как мы отъехали Сиэтла, мы с Джими уже спали на заднем сидении. На полпути, сделав остановку, заехали в ресторан У Денни в Мон–Верноне слегка перекусить. Наша смешанная компания сразу же привлекла всеобщее внимание. Как только мы переступили порог, нас атаковали любопытные взгляды всех присутствующих. Посудите сами, чёрный коротышка, японка, 6–летняя японская девочка, я, в моём наимоднейшем наряде, и рок–звезда, ко всему добавьте, что посетители все были исключительно белые. Никто из них не знал, как отнестись к нам, и они оставили нас без внимания, все… даже официантки. Мы заняли целый кабинет в самом углу и просидели бы там целую вечность. Никто из официанток не подошёл к нашему столику и не поинтересовался, хотим ли мы что–нибудь. Затянувшаяся ситуация стала действовала мне на нервы. Ни отец, ни Джун, ни Бастер не собирались ничего предпринимать и как всегда всё взвалили на мои плечи. И только я открыл рот, чтобы послать проклятия в адрес всех посетителей и официанток, как у нашего столика возникла, как ниоткуда, прехорошенькая белокурая девочка лет восьми:

— Эй, мистер, вы — Джими Хендрикс? — обратилась она к

моему брату.

— Да, так меня зовут, — ответил он ей.

Она протянула свою записную книжку:

— Можно у вас взять автограф?

— Можно, конечно.

Не успел он чиркнуть автограф в записной книжке маленькой девочки, как прорвало плотину, и почти все дети и подростки, находящиеся в ресторане, хлынули к нашему столику. Поток прибил к нам даже несколько официанток, лихорадочно соображавших на чём бы можно было взять автограф у Джими. В центре всей этой суматохи нарисовался менеджер со своими извинениями. Когда он ушёл, одна из официанток, наконец, приняла у нас заказ.

— Я очень сожалею, что так получилось, — сказала она и продолжила, наклонившись к нашему столику и понизив голос, — наш менеджер придерживается правила не обслуживать цветных в нашем ресторане, но для вас он сделал исключение.

Вне всякого сомнения, я был рад получить, наконец, наш заказ, я был страшно голоден и если бы ещё чуть–чуть, то я бы не выдержал и взорвался.

Несмотря на то, что брату заказали гостиницу, мы, въехав в Ванкувер, сразу повезли его к нашей тёти Пёрл. Джими хотел увидеть всех, наших двоюродных сестру и брата, Диану и Бобби, бабушку Нору и тётю Пёрл, поскольку прошли годы, как он их не видел.

Вечером перед переполненным Колизеем Пасифик Джими дал концерт, и я не уверен, что кто–нибудь из нашей семьи бывали прежде на больших рок–н–ролльных концертах. Совершив ошибку, администрация посадила их на первый ряд и бабушка Нора оказалась прямо перед самым большим из всех динамиков. Может они подумали, что она так стара, что уже плохо слышит? Но это не так. Громкость, приближающаяся к абсолюту, оказалась неожиданной для бабушки Норы и чуть не снесла её с её места. Со сцены мне было хорошо видно, как она ладонями прикрывала уши. К счастью, отец понял в чём дело и пересадил её подальше от динамиков, чтобы она могла нормально насладиться шоу Джими. В добавление ко всему, брат даже посвятил ей исполненный на бис номер, Foxey Lady.

Я смог посмотреть не больше половины, так как приехало много моих друзей из Сиэтла. И вы могли меня заметить одновременно и на краю сцены, смотрящего шоу, и в артистических, болтающего с друзьями, и в толпе зрителей, занятого поиском знакомых. Можно сказать, что я попал на большую вечеринку друзей.

Было уже около полуночи, когда мы вернулись домой к тёти Пёрл. Все с удовольствием набросились на горячую ароматную индюшку, любовно приготовленную ею для нас. Для неё особенно важно было накормить Джими в день Благодарения, так как она понимала, что на гастролях праздники могут пронестись мимо него, тем более сугубо семейные. Мы вспоминали детство и то лето, проведённое в Канаде, и могу сказать, что праздник удался. Джими был счастлив, окружённый своей семьёй и перед тем как идти спать, Джими увёл меня в одну из спален и показал портфель полный денег, полученный им после выступления от Майка Джеффри. Там было около 20 тысяч 5–долларовыми купюрами. Мы разделили всё на четыре равные части, две из которых он передал тёте Пёрл и бабушка Норе. Обе были невероятно благодарны такому щедрому подарку. Канада не особенно баловала их, и подарок Джими многое смог изменить в их жизни. По крайней мере, он смог хоть как–то отблагодарить их, за заботу о нас, когда мы были детьми.

Вернувшись обратно в спальню, он поднял с пола кожаный саквояж и, запихнув целую кучу денег в него, протянул его мне.

— Вот, Леон, держи, я хочу, чтобы ты купил билет на самолёт и встретил меня через несколько дней в Лос–Анжелесе. В следующую субботу у меня концерт в Чаше, так что приезжай заранее.

Я сидел на краю кровати и смотрел на раскрытый саквояж. Там было около пяти тысяч. Уже третий раз Джими выручал меня деньгами, за что я ему был очень благодарен. Он всегда помогал нам с отцом в трудную минуту. И я со своей стороны, сделал бы всё, что в моих силах для него. Не было никаких сомнений, что я выполню его просьбу.

— Без проблем, Бастер, я буду там.

Утром мы все поднялись очень рано, после обильно политого слёзами расставания с тётей Пёрл и бабушкой Норой, отец, Джун, Жени, Джими и я собрали наш багаж и двинулись обратно на юг, в Сиэтл. Время поджимало, потому что Джими нужно было ещё успеть на самолёт. В этот день он давал концерт в Колизее Спокейна, штат Вашингтон.

В аэропорту мы с Джими вместе наблюдали, как готовили его самолёт. Когда его подкатили к нам, этот небольшой, с подпорками для крыльев, он показался мне не очень надёжным. Я бы точно несколько раз подумал, прежде, чем доверить ему свою жизнь, но у Джими не было ни малейшего сомнения на его лётные качества. За свою жизнь он провёл много времени на борту подобных самолётов, особенно в армии, когда приходилось прыгать с парашютом.

Все следующие несколько дней я обсуждал свою поездку в Калифорнию со всеми, кто знал о моих планах. Я был далеко в облаках и мне не терпелось скорее попасть в Лос–Анжелес, о котором столько фантастического рассказывали на улицах. Как обычно, отец был против. Когда я, невзначай упомянул про желание Джими встретиться со мной в Калифорнии, он попытался убедить меня, что мне всё это показалось, и Джими вовсе не хотел меня видеть.

— Он просил меня приехать и хотел встретиться, — пробовал я доказать отцу.

— Не будь так назойлив, ему нужно работать и ты только будешь мешаешь ему, — отвечал отец.

— Вовсе нет! Он хотел, чтобы я помогал ему, — парировал я.

— Говорю тебе, он не хочет, чтобы ты его отвлекал.

— О чём вообще спор? Вспомни, как он всё время звонит с гастролей и говорит, как было бы здорово, если бы мы приехали к нему! И вот, этот час настал. Я устал слышать от тебя всю эту чушь.

Отец затих, но продолжал бубнить что–то себе под нос, что именно, меня мало уже интересовало, я знал, ничего нового от него я не услышу. В висках стучала кровь, передо мной вставала ясная картина. Но я остановил себя, пакуя вещи. Стоя перед раскрытым шкафом в моей спальне, я вдруг подумал, зачем мне это всё брать с собой, если я смогу на месте купить себе всё новое. В саквояже у меня лежало 5 тысяч подъёмных.

Наутро я взял такси, которое отвезло меня в аэропорт Си–Тэк и купил билет до Лос–Анжелеса в один конец за 48 долларов. Меня выпустил под залог и суд был назначен на ближайшее будущее, но как я мог пропустить просьбу брата? Ничто не могло мне помешать, когда в моей жизни происходили счастливые стечения обстоятельств.

Глава 10. Калифорнийская мечта

— Мы подлетаем к Лос–Анжелесскому Международному Аэропорту. Прошу не вставать со своих мест до полной остановки и не забывать свои вещи, — голос стюардессы напомнил мне о стремительном бегстве из Сиэтла. Не заботясь о том, чтобы паковать чемоданы, я домчался на такси до аэропорта и сел на самолёт. Не то чтоб я был без всего, в моём жилетном кармане лежала тугая связка банкнот и я собирался прикупить одежды на месте. Слава Богу, Джими позволил мне нырнуть в его дорожный кофр и выудить оттуда пару клёвых нарядов.

Как только самолёт упал в Лос–Анжелесе, я тотчас прыгнул в такси и примчался в гостиницу Беверли–Хиллз, где по словам Джерри Стикелза должен был остановиться Джими. Но брат здесь не появлялся и я ходил, меря шагами лобби и размышляя, что могло случиться. Люди на рецепции ничем помочь мне не могли. Они уверяли меня, что не могут сообщить, прибыл ли уже Джими или когда он собирается прибыть. Всё выглядело так, как если бы я прибыл в город по своим делам.

Ничего не добившись в гостинице, я решил первым делом осмотреться. Никакого смысла сидеть в лобби, сложа руки, и дожидаться, пока не откроется входная дверь и не войдёт Джими я не видел. К тому же я не собирался показываться ему в этих старых шмотках, в которых он меня уже видел. Мне необходимо было что–нибудь прикупить свежего, если я хотел потусоваться среди местных. Такси довёз меня до Родео–Драйв, где я прошёлся по изысканным магазинам одежды и понял с первого взгляда, что стащить мне там ничего не удастся. Цены там говорили сами за себя, от 500 до тысячи, а тратить мои наличные, на то, что я мог бы и так взять, сами понимаете. Я был предоставлен самому себе и ни малейшей идеи с чего начать. Тогда я решил поймать такси и пройтись по голливудским магазинам на Мелроуз–Авеню. Потратив почти всё послеполуденное время, исследуя разные бутики в компании туристов, я вышел оттуда в ботинках из крокодиловой кожи, кожаных штанах и с несколькими рубашками. Перед тем как отправиться снова в Беверли–Хиллз, водитель отвёз меня в Голливудский музей восковых фигур и в знаменитый ресторане Муссо и Франк Грилл, где я хорошенько заправился.

В гостинице по–прежнему не было никаких признаков присутствия моего брата. Однако за стойкой в лобби уже стояла другая женщина.

— А вы знаете, что лимузин вашего брата стоит перед

входом? — спросила она. — Я полагаю, он прислал его вам в полное распоряжение.

Трудно не рассмеяться после таких слов. Весь день я скакал из одного такси в другое, тогда как всё это время перед входом стоял мой лимузин. Сколько помнил себя, я ни разу не подумал о такой возможности и вот теперь, у меня не было даже времени привыкнуть к такой роскоши.

— Доброго дня вам, сэр, — произнёс шофёр лимузина, распахивая передо мной дверцу. — Желаете ли куда ехать?

— Сказать по правде, у меня никаких идей, — ответил я, опускаясь на мягкое кожаное сиденье. — Давайте просто покатаемся. Чёрт побери, ну отвезите меня куда–нибудь, что ли!

Отъехав от гостиницы, мы поехали объезжать Лос–Анжелес. По бульвару Сансет, через Беверли–Хиллз, проехали виллы в Бель–Эйр и повернули обратно на восток по Сансет–Стрип. Время пролетело незаметно и, когда я снова посмотрел на часы, было 8 вечера. Оставалось не так уж много времени.

— Куда теперь, сэр? — спросил меня шофёр лимузина.

Солнце клонилось к закату, а от Джими по–прежнему не было никаких известий. Нужно было срочно найти место, где можно было бы бросить мои уставшие за день кости.

— Отвези меня в какой–нибудь из дешёвых отелей, — ответил я.

Прозвучало это так, как если бы это было единственным моим желанием. Мы отъезжали всё дальше на восток по бульвару Уилшир, дорогие улицы Беверли Хилз быстро исчезли и рафинированный ландшафт сменился обветшалыми прижатыми друг к другу строениями. Затем я занял себя спиртным и уже ничего кругом не замечал. Шофёр, по всей видимости, очень хорошо знал свою работу, потому что я совершенно не представлял куда он меня везёт. Наконец машина остановилась рядом с очень старым домом с вывеской гостиница Фигуероа, шофёр вышел и открыл мою дверцу. Дома, в Сиэтле я слишком много провёл времени в подобных местах, но такого видеть мне ещё не доводилось. И вместо того, чтобы подумать хорошенько и вернуться в какой–нибудь из шикарных отелей рядом с Беверли–Хиллз, я отослал лимузин и попросил шофёра забрать меня отсюда в 9 утра. Эту ночь спал у меня только один глаз, таких полчищ тараканов, я ещё не встречал ни разу.

Как и планировалось, утром меня подобрал лимузин и отвёз меня в гостиницу Беверли–Хиллз. К счастью там я встретил Майка Джеффри в одном их конференц–залов, где роуди готовили встречу Джими с журналистами. Майк сказал мне в каком номере я могу найти брата и лучшего он не мог для меня

сделать, я бы не перенёс ещё одной такой постели с тараканами.

Когда Джими открыл мне, его лицо озарилось радостью.

— Где ты пропадал? Я тебя везде искал.

— Я ночевал в меблированных комнатах.

— О чём ты говоришь? Я же забронировал номер на твоё имя, здесь, в этой гостинице, — рассмеялся он.

— Ну, я нигде не мог найти тебя и не знал, куда деваться. Люди не рецепции стояли на смерть.

— Разве я тебе не сказал, что нас здесь не будет, у нас концерт в Оукленде, и только к утру мы должны были приехать в Эл–Эй?

Войдя в номер, я заметил Херба, распаковывающего багаж и развешивающего костюмы в стенной шкаф. Джими тут же познакомил меня с двумя симпатичными девушками, сидевшими на кушетке — Девон Вильсон и Кармен Борреро. Кармен — хорошенькая пуэрториканочка, похожая на модель, чего не скажешь о другой, Девон, более утончённой и рафинированной. Девон оказалась из нашего племени и всё время немного нагруженной. К сожалению, мы не могли долго болтать, у Джими была назначена встреча с нужными людьми в Рейнбоу–Рум на Сансет, перед тем как ему ехать в Чашу проверять звук.

Перед тем как отправиться в Голливуд, я слетал вниз в лобби, взять ключ от моего номера, и переоделся во всё новое, купленное в Мелроуз. Когда я нарисовался у выхода в туфлях из крокодиловой кожи, кожаных штанах–клёш, я понял по неодобрительному выражению лица, что Джими не врубился в мою обновку. Окинув меня с ног до головы и улыбнувшись, он молча направился прямиком к лимузину. Мне было несколько неловко, но я старался показать, что это меня нисколько не беспокоит. Дома, в Сиэтле я бы в таком не вышел на улицу, но в Беверли–Хиллз и Голливуде, думал я, родном доме гламурного глянца, все здесь одевались очень кричаще, и я хотел одеться как–то по–особенному и одновременно не выделяться из общей массы, если такое вообще было возможно.

Мы сидели на заднем сидении лимузина, наливая из минибара себе выпить и набивая гильзу, мыслями я вернулся в наши детские приключения. Такие разные пути нам пришлось пройти за эти годы, а теперь, мы сидим рядом и счастливее нас нет на свете людей. Самые несбыточные мечты брата воплотились, а я благодарен моей Судьбе, что она снова свела нас вместе и я могу разделить с ним его успех.

Со вчерашнего дня Сансет–Стрип преобразился до неузнаваемости. Он ожил. Как только мы доехали до бульвара Ла–Сиенега и повернули на Сансет, мы увидели толпы

длинноволосых хиппи с цветами в своих волосах и одетых в странные дикие наряды. Чтобы попасть в Рейнбоу–Рум, нам пришлось продраться через толпу, но там царил ещё больший хаос. Помещение было переполнено, каждого из присутствующих можно было найти в какой–нибудь из энциклопедий. Каждый был кем–то в шоу–бизнесе. Это было то, о чём меня всегда предупреждал Джими. Хотя я был асом городских улиц, меньше всего я имел представление о суперзвёздах. Моя жизнь проходила под звуки мотауновского саунда, слушая Вильсона Пикетта и Supremes. Я был слишком занят, чтобы оглянуться вокруг, и не знал никого лучше.

Как только наши вывески оказались за столом и мы заказали выпить, волнами эффектные цыпочи начали прибывать к нашему столику. В надежде познакомиться с Джими, с радужным энтузиазмом одна за другой, они, такие сентиментальные, стали выстраиваться у нашего столика. Джими был очень обходителен и чрезмерно вежлив с каждой, но не проявлял интереса к продолжению знакомства. Девон сидела с одной стороны, Кармен по другую руку. Он же возвышался как скала, маленькими глотками попивая свой Джонни Уокер, и слушал музыку, я, напротив, не мог усидеть на месте и кружил по клубу. У меня не было никакого желания, чтобы меня разглядывали как кого–нибудь чудного зверя в зоопарке. Сногсшибательные цыпочки пялились на меня только потому, что я пришёл с Джими и в моих карманах потом оказалось полно записок с их именами и телефонами.

Вернувшись к нашему столику, я нашёл Джими очень озабоченным.

— Слушай, мне необходимо сейчас же быть в Чаше, нужно проверить звук, — произнёс он, поднимаясь из–за стола. — Обязательно найди меня перед концертом, я буду за кулисами, хорошо?

— Без вопросов.

— Останешься здесь?

Я окинул взглядом помещение, со всех сторон на меня смотрели глаза женщин.

— Да, думаю, я здесь не пропаду, — ответил я, смеясь.

Джими, Девон и Кармен уехали, я ещё поторчал там с час, и позвонил в гостиницу, чтобы за мной прислали лимузин.

Только когда мы доехали до ограждений, до меня дошло, что Джими не дал мне пропуск в Чашу. Шофёр предложил прорываться через кордоны на лимузине, но я был слегка нагружен после клуба Rainbow Room и не выдержал бы ещё и минуты, находясь внутри машины.

— Не беспокойся, — сказал я ему, ворота в ограждениях были открыты. — Высади меня здесь, я сам найду дорогу.

Ножом я врезался в толпу и уже был близок, чтобы пройти мимо охранника, стоящего у главного входа, думая спокойно пройти через обтянутый бархатом канат и делая вид, что не заметил дежурного.

Но, оказывается, он уже знал этот трюк. Он вежливо протянул свою огромную лапищу в мою сторону и преградил мне путь.

— И о чём это ты думаешь, поступая так, молодой человек?

— Не беспокойтесь, всё в порядке, — сказал я с улыбкой. — Я — Леон Хендрикс, младший брат Джими.

— Не время для этого дерьма, парень. Считаешь меня дураком или ещё чем–нибудь?

— Я говорю чистую правду, поверь, — не унимался я.

— Да что ты говоришь. — Потряс он головой. — Я уже развернул, по крайней мере, пять его братьев и сестёр, десять Джерри Стикелзов, пару его адвокатов и около дюжины его жён. Каждая вторая девчонка сообщает мне, что у неё от Джими ребёнок и ей срочно необходимо поговорить с ним. Мне неизвестны твои намерения и прошу тебя зайти обратно за канат. Я не могу пропустить тебя.

Очевидно, нужен был какой–то план. Только я собрался уйти, как какой–то парень с большим африканским барабаном подошёл сзади меня и стал колотить в него большой колотушкой, стоя прямо перед пикетчиками. Пока я так стоял и рассеянно смотрел на него, медленно соображая, как мне проникнуть на концерт, к ограждению подъехал длинный чёрный лимузин. Два охранника сдвинули ограждение, ровно настолько, чтобы мог проскользнуть только лимузин. Вдруг, автомобиль взвизгнул тормозами и дверца открылась. Высунулся Джими и стал показывать кому–то в мою сторону. Я стал махать ему из–за бархатного каната.

— Эй, там мой младший брат! — крикнул он. Затем он показал на парня с огромным африканским барабаном и его колотушкой. — А это мой друг, Бадди Майлз! Пропустите обоих!

Пока Бадди шёл к воротам, я помчался к лимузину и нырнул внутрь, оказавшись между Джими, Девон и Кармен. Миновав ограждения, нас встретили администраторы и провели через лабиринт коридоров, пока мы не попали в небольшую артистическую, находящуюся прямо за кулисами. Войдя в комнату, я сразу заметил интересный подбор фруктов на столе у противоположной стены. Пакетики с кокаином и травой лежали прямо между тарелками с бутербродами, картофельными чипсами и бутылками с соком. Джими никогда не просил, чтобы перед концертом за кулисами лежали подобные фрукты, но они

всегда там появлялись, это были своего рода подношения благодарных поклонников. Они стали неотъемлемой частью рок–культуры того времени, но мой брат не был типичным представителем. Ему они нужны не были. Чтобы делать музыку, ему нужны были только его гитара и усилитель. Он не хотел, чтобы что–то ещё вставало между ним, его гитарой и его слушателями. Перед своим выходом на сцену он избегал, я бы сказал, интерференции. Но не дайте мне соврать, после концерта, всё шло по–другому, он хотел успеть везде, но это никогда, подчёркиваю, никогда, не должно было отражаться на его игре.

Мой самолёт приземлился в Лос–Анжелесе ещё вчера утром, а у меня было такое ощущение, что я всё ещё лечу высоко над землёй. Над Чашей висело чувство чего–то нереального. Трудно было избавиться от мысли чего–то сенсационного и привести голову в порядок. Джими попросил своих работников, чтобы те предупредили охрану, что я его брат, и мне была предоставлена полная свобода, находиться там, где мне заблагорассудится.

Пока Джими обсуждал с группой подробности предстоящего выступления, мы с Девон и Кармен оказались предоставлены самим себе. У девочек были билеты в VIP-зону, сразу за фонтаном, я же решил остаться на сцене и пошёл искать себе местечко с краю. Но там оказалось всё так заставлено, что оттуда ничего не было видно, поэтому я спустился к ним в VIP-зону перед самой сценой. Как только Джими дотронулся до струн, народ начал вскакивать со своих мест и прыгать в фонтан, особенно когда он ворвался в Foxey Lady. Вода была везде, мы, сидящие в VIP-зоне, оказались все мокрые, брызги долетали даже на сцену. Пожарным ничего не оставалось, как с растерянностью переглядываться. Никто не предполагал такого поворота и нам грозило только одно решение, обесточить сцену и остановить концерт. В итоге на середине Little Wind Джими остановился и растерянно оглядел зрителей. Ноэл подошёл к микрофону и попросил быть осторожней с проводами, идущими к Джими. После того как почти 18 тысяч голов одобрительно закивали, Джими исполнил Little Wind с самого сначала.

После выступления Джими, Девон, Кармен и я прорвались через артистический выход и упаковались в лимузин. Я полностью позабыл про свой лимузин, но к счастью шофёр, не найдя меня, вернулся в гостиницу. Вчетвером мы все заехали ненадолго в Rainbow Room, но когда клуб стал переполняться народом, мы решили перебраться в Whiskey a Go Go, расположенный неподалёку. В нём некоторое время на коктейлях работала Кармен, пока не встретила моего брата. Прогулка пешком на запад по Сансет составила два длиннющих квартала и

показалась мне самой долгой за всю мою жизнь. Целых полчаса вокруг нас, не переставая, роился всякий народ, жаждущий получить автограф у моего брата. У дверей клуба стояла огромная очередь, мимо которой нас внутрь провёл охранник. Даже внутри мы с трудом добирались до резервированного за нами в углу столика, над которым висела надпись "Здесь сочинял Джими Хендрикс".

Дойдя до середины зала, Джими положил руку мне на плечо и притянул к себе:

— Смотри, вон там сидит Жени Джоплин. — Махнул он рукой в сторону столика, стоящего в противоположном углу.

— Клёво, — ответил я и мой мозг лихорадочно напрягся, силясь вспомнить, кто такая эта Жени Джоплин. Большое дело, клуб битком был набит разными цыпочками. Весь вечер мы просидели в Whiskey и Джими знакомил меня с какими–то людьми, похоже, многие из них были какими–то знаменитыми рок–н–ролльными звёздами. И каждый раз Джими разочарованно разводил руками, когда я, к его огорчению, оказывается, никогда не слышал ни имени музыканта, ни даже его музыки. Но меня больше интересовало плотное кольцо прекрасных цыпочек, окружающих своим вниманием нас с Джими. Как только одни уходили, на смену им появлялись не менее симпатичные.

— Слушай, Леон, ты не мог бы отогнать всех этих назойливых цыпок от меня? — прокричал он мне на ухо, стараясь перекричать громкую музыку.

— С удовольствием, но как? Их слишком много, а я один.

Попытка уговорами снять осаду ни к чему не привела. Это не были обыкновенные цыпочки, которых можно встретить тысячами на улице, это были самые лучшие модели и знаменитые актрисы. Даже подружки знаменитых рок–звёзд хотели получить внимание Джими. За всё своё пребывание в Лос–Анжелесе, я не встретил ни одной девушки, которая бы не хотела заполучить Джими в свою постель.

Кармен и Девон были постоянной компанией Джими, но это вовсе не значило, что он лишал себя внимания других, и когда у него не было времени на них или он терял к ним интерес, я всегда оказывался с ними рядом. Не могу представить Джими с одной единственной женщиной и даже если бы и было у него такое намерение, оно оказалось бы трудно выполнимым при постоянных гастролях и разъездах. И Кармен, и Девон сами участвовали в таком раскладе и, как я понимаю, проблем с ними не было. Именно такова свободная любовь хиппи. Я даже замечал, что Девон несколько раз знакомила Джими с кое–какими цыпочками, которые по её мнению могли понравиться Джими.

Когда Джими сказал мне, что уже пора, у меня совершенно не было желания покидать этот клуб, только представьте, покинуть все эти красивые формы. После ухода Джими, я подцепил одну из рыбок и мы отправились к ней домой, в её роскошную квартиру на бульваре Сансет. Скорее всего, она заинтересовалась мной из–за моего брата, но меня в тот момент это не волновало. Думаю, не стоит объяснять, что мы тут же залезли в постель.

Несмотря на то, что ночь была прекрасна, проснулся я со страшной головной болью и без единого пенни в моём бумажнике. Пока я красовался в Whiskey, строя из себя денежного туза, я потратил все деньги, которые дал мне Джими в Ванкувере. Видно, всем цыпочкам весь вечер я покупал выпивку в баре.

— Ты расскажешь Джими, что прошлой ночью у тебя была лучшая кошечка из всех, какие у тебя были, — донёсся милый голосок с постели. — Расскажи ему, как хороша я была, я хочу, чтобы он узнал обо мне.

— Что узнал? Лучше я уверюсь в этом ещё раз, — сказал я, прыгая к ней.

Даже не имея мелочи, чтобы подкинуться на такси, я протащил своё тело целых две мили до своего номера в гостинице Беверли–Хиллз и рухнул без сил. Не прошло и трёх часов, как телефонный звонок вернул меня из небытия. Звонил Джерри Стикелз. Он сказал, что Джими уже уехал в Сакраменто, где в Memorial Auditorium этим вечером должен состояться их концерт. Ещё Джерри сказал, что я могу приехать туда вместе с остальными музыкантами в гастрольном автобусе, который отходит от гостиницы через 15 минут.

— Да, конечно, — промямлил я в трубку. — Я буду через несколько минут.

Я соскользнул с постели и присосался к Джэк–Дэниелсу из минибара, чтобы как–то унять боль.

Внутри автобус был больше похож на гостиничный номер–люкс на колёсах и, не теряя времени, я растворился в одной из мягчайших кушеток. Не помню, чтобы ребята много донимали меня разговорами, потому что всю дорогу на север Калифорнии, я был без сознания. Когда я, наконец, смог оторваться от своей кушетки, автобус уже парковался у Memorial Auditorium. Не прошло четверти часа, как мне передали, что Джими хочет вместе со мной навестить нашу двоюродную сестру Грейси, тётю Пэт и дядю Бадди, живущих всего в двадцати милях отсюда, в Стоктоне. Мне тоже хотелось их навестить, ведь и я не видел их много лет. Мы с Джими сели в его лимузин, а ребята поехали на место разворачивать аппаратуру.

Этим вечером в Memorial Auditorium должен был состояться

заключительный концерт этих гастролей, открывали концерт Vanilla Fudge, Сальный Матрац и Eire Apparent. Как обычно, большее время я провёл за кулисами, тусуясь с народом или стоя с краю сцены. После конца выступления мы с Джими снова сели в лимузин, который отвёз нас назад домой к тёте Пэт в Стоктон, где мы и заночевали. Так же как он уже делал прежде, Джими при расставании разделил деньги поровну и передал часть сестре Грейси и тёте Пэт. И дорога под нами стала убегать на север, а мы продвигаться на юг в Лос–Анжелес. По пути мы сделали короткую остановку на обед в Big Sur, а проезжая Санта—Барбару, остановились на час отдохнуть и осмотреть город.

Моя жизнь в Сиэтле, казалось, растворилась в пространстве, пока я был в Калифорнии. Нависающий надо мной судебный процесс ни разу не вспомнился, по этой причине у меня даже не возникло мысли грузить этим Джими. Единственное, что меня интересовало всё это время, как бы успеть на все тусовки и развлечения, будь они днём или ночью. К счастью, они следовали одна за другой, и у меня не было времени задержаться и подумать о моём положении.

По возвращении в гостиницу, я был разбужен телефонным звонком.

— Да, слушаю, — тихо произнёс я в трубку.

— Мистер Хендрикс, звонят вам с рецепции, вы заказали, чтобы мы вас разбудили в это время, — сказал женский голос.

— Хорошо, — ответил я и повесил трубку.

Звонок–будильник? Разве я заказывал звонок–будильник? Может это Джими продолжает играть со мною? Через несколько минут телефон зазвонил снова и я услышал смех Джими на другом конце провода. Он был мастер устраивать розыгрыши. Потом он сказал, чтобы я записал адрес, и что хочет видеть меня там, так как недавно снял роскошную виллу на Холмах на Бенедикт–Каньон–Драйв.

Я составил свои разрозненные части вместе и отправился в самую роскошную часть города. На вилле было более чем достаточно места, чтобы разместить не только музыкантов, но и всех роуди, электриков и рабочих сцены. Когда я вошёл внутрь, то увидел сразу гигантский орган с трубами уходящими далеко вверх, под самую крышу. В центре зала стояла ударная установка, там же уже были усилители и гитары брата. Ноэл и Мич о чём–то говорили с Бадди Майлзом.

Я почти их не видел, с тех пор как приехал в Лос–Анжелес. Ни Мич, ни Ноэл не присоединялись к нам, когда мы бомбили голливудское общество. По большей части они держались особняком или, по крайней мере, предпочитали общество роуди,

среди которых было много англичан. Всё выглядело так, как если бы они избегали моего брата. Сказать по правде, Джими всегда трудно сходился с людьми, даже с теми, с кем ему приходилось играть, вдобавок он всегда предпочитал женское общество и редко случалось, чтобы он проводил время в компании друзей. То же было и со мной, и в этом мы были очень похожи. С самых ранних лет мы оба испытывали гравитацию по отношению к женщинам и всегда искали в них отклик на свои чувства. Всё детство они заботились о нас, воспитывали нас.

При обследовании дома, я совершил ошибку, войдя в спальню брата, где Джими лежал в окружении двух шикарных блондинок.

— Что за чёрт, Леон, я занят! Жду тебя позже! — резко оборвал мой немой взгляд Джими.

— О, прости, Джимми, — пробормотал я в растерянности.

Выскочив из спальни, я прошаркал в гостиную, где разместили оборудование группы. Я подошёл к одной из гитар Джими, она была всё ещё включена через усилитель, и вдруг повёл себя как сумасшедший — схватив её, я зажал струны на её шее и стал дико бренчать. Когда же я повернулся и приблизился к одной из колонок, фидбэк был абсолютно оглушителен. Будто все черти ада стали бить в свои сковородки и визжать, а в гитару вселился сам дьявол. Но тут я услышал что–то сквозь грохот, который сам создал и перестал играть.

— Чёрт! Леон, положи гитару на место! — это был крик Джими из другой комнаты.

— Ой, извини, Джими! — прокричал я в ответ.

По–моему мне удалось только что создать шквал совершенно непередаваемых звуков, но брат об этом был другого мнения. Но из всех комнат повыскакивали люди, и стали выражать мне своё восхищение.

Затем я вышел к бассейну и попал на парад купальных костюмов, их было там не мене двадцати штук. Всё патио было превращено в подобие зала ожиданий. Не было ни одного свободного места от прекрасных тел, ожидающих встречи с великим Джими Хендриксом. Ими владело только одно желание — отдаться ему. Такое впечатление, что они так стояли тут всю вечность у перил, ограждающих внутренний дворик от крутого обрыва. Я подошёл к краю и посмотрел вниз, земля была не менее чем в пятидесяти футах подо мной, и сколько бы раз я не проходил мимо, чувства меня никогда не обманывали.

В доме висело напряжение. Я заметил, что Ноэл, Мич и все англичане–роуди держались вместе и занимали одно крыло дома, тогда как Джими, Бадди Майлз, я и все остальные — другое. Я

пробовал при любом удобном случае заговорить с Ноэлом или Мичем, но всегда передо мной захлопывали дверь, казалось, они всё время смотрели мультики или ещё какую–нибудь чушь и не желали идти на контакт. Их поведение Джими попытался объяснить отсутствием денег. Не один раз я нечаянно оказывался свидетелем как Ноэл и Мич жаловались Джерри, что Джими один забирает миллионы долларов, тогда как они будто наёмные солдаты, довольствуются одним пайком.

Бадди Майлза тоже раздражало такое положение и он постоянно вскипал, особенно, когда в бассейне или в клубе вокруг нас никого не оказывалось. Я никак не был связан с администрацией Джими и Бадди, видя, что я держусь от них подальше, проникся ко мне доверием и у нас оказалось с ним много тем для разговора.

— Почему Джими не хочет укрепить группу? — спрашивал он меня при любом удобном случае. — Достаточно всего–то ничего. Говорит, что хочет идти вперёд, и чтобы мы следовали его примеру, так что же его держит?

Многие думали, что я обладаю неограниченным влиянием на брата, но они ошибались. Конечно, как братья мы любили и доверяли друг другу, но я бы никогда не стал на него давить. Он был свободолюбив и не сдвинулся бы с места, если бы я, вдруг, в чём–нибудь его упрекнул. К тому же, его постоянно толкали и тянули в разные стороны его менеджеры. И последнее, что он хотел бы от меня, чтобы я бросал монетку, что ему делать, и уж тем более, я никогда бы не стал говорить за других. Джими всегда поступал так, как сам считал нужным поступить.

Уверен, переезд на эту виллу в Беверли–Хиллз, представлялся Джими хорошим началом. Возможно, он полагал, что она станет прекрасным местом для уединения и отдыха. Но скоро вилла на Бенедикт–Каньон–Драйв превратилась в центр бесконечных вечеринок. Достаточно было произнести всего одно слово, что Джими здесь, как там десантировались толпы подозрительных личностей, сменяющие друг друга в любое время суток. Каждый вечер, возвращаясь домой с наступлением ночи мы не находили там ни одного знакомого лица.

Перед отъездом в Сиэтл, брат открыл свой платяной шкаф, он не хотел видеть на мне вещи, купленные мною в Лос–Анжелесе. Он считал их слишком вызывающими для городской жизни. Заботиться о размере не приходилось, мы с братом фигурами были совершенно одинаковы, все его вещи на мне сидели прекрасно, будто сшитые специально для меня. У Джими было больше рубашек, чем в самом лучшем магазине.

— Откуда у тебя столько одежды? — удивился я.

— От моих подружек, но тут много вещей и Девон, и Кармен, — сказал Джими.

Весь шкаф был завален цветастыми и экстравагантными предметами женской одежды. Но вы ошибётесь, если подумаете, что я, надев на себя женскую, всю в цветах, блузу, стану похож на уличного проститута. Выудив из груды одну, я надел её и осмотрел себя в большом зеркале. Если Джими считает, что такая одежда самая свежая, значит она действительно мне к лицу.

Помню один вечер, думаю, прошло всего дня два, мы сидели в гостинице и решили отправиться в Whiskey a Go Go, проверить обстановку. Мы, Джими, я и Кармен, прыгнули в лимузин и поехали в Голливуд. Но весть, что Джими едет в город каким–то образом опередила нас. Представьте дикую толпу хиппи и вы приблизитесь к пониманию, какой хаос творился перед клубом. Наш лимузин уже отогнали на стоянку. Но к счастью, один коренастый парень, протиснувшись через запруженный вход, ножом врезался в толпу и выскочил прямо на нас.

— Ничего, поедем ко мне, — сказал он, обращаясь к нам.

После того, как он отпрыгнул от лимузина, брат повернулся ко мне.

— Это мой близкий друг, Эрик Бёрдон из Animals. Думаю, я угадаю, если скажу, что ты даже не знаешь, кто они такие, — сказал брат, смеясь.

Всё выглядело так, как если бы весь народ, населявший территорию перед клубом, двинулся за Эриком к его дому на Холмах. Когда мы прибыли, все близлежащие улицы были заставлены лимузинами и машинами на несколько кварталов вокруг. Подъезды к соседям были полностью заблокированы. Лимузин извергнул нас из своих недр и всем нам пришлось обходить склон, чтобы выйти к улице.

Когда, наконец, мы, Джими, я и Кармен, вошли в дом, то увидели около двадцати плейбоевских зайчиков. Всюду валялись скомканные пакетики из–под кокаина и не было ни одной гладкой поверхности, где нельзя было бы найти белый порошок. Я никого не знал и подумал, лучший способ смешаться с толпой, это кокаин. Прежде я никогда его не пробовал, но не было ничего в тот вечер, что могло бы меня удержать от прыжка. И поскольку, первая же белая дорожка оказалась прямо передо мной, я не стал терять времени даром. Джими и Кармен были уже у бассейна в самой гуще и я, направившись к ним, разделил со всеми судороги этого вечера.

Не поверите, меня трясло от желания, глазами я поедал всех этих дамочек вокруг меня. Я хотел тут же вернуться в гостиницу, но не с одной из них, у меня было желание забрать их всех.

Когда я, наконец, оторвался от белых холмиков, Джими у бассейна уже не было. Найдя его, я узнал, что ему пора и что он ждёт меня завтра у себя, в Бенедикт–Каньоне. После этого краткого перерыва в моей оргии, я вернулся в дом и продолжил начатое. Но так как я ни с кем не был знаком, то мне ничего не оставалось, как всё оставшееся время вдыхать белый порошок. К концу вечера, а точнее сказать ранним утром, я оказался до нелепости нагружен. Я вызвал своего шофёра и пока, стоя на крыльце, ждал его, меня сильно качнуло и мне пришлось подпереть собой дом, чтобы тот не упал. Когда я вернулся в гостиницу, было 3 часа утра, все цыпочки были ещё здесь и надеялись увидеть Джими. Не теряя время на разговоры, я подхватил одну из них и поднялся с ней в свой номер.

С расцветом хиппи, я убедился, что торговцы товаром оказались такими же настойчивыми, как и цыпочки. Они также искали нашего внимания, как и все остальные. Нам с Джими были доступны любые субстанции, будь то порошки или живые тела. Люди просто подходили к нам и совали нам в руку маленькие пакетики. Торговцы, однажды выяснив для себя, что парень, который всё время торчит в Whiskey или в Rainbow Room и похож на Джими, это его брат, стали постоянно околачиваться рядом со мной. И нет, чтобы узнать, что мне нужно, они совали мне образцы нового, что у них было на данный момент. Всё время я был так нагружен, как не был за всю мою жизнь. Алкоголь и наркотики составляли сюрреалистическую природу моего путешествия в Лос–Анжелес.

После долгих лет, проведённых в напряжённых гастролях, в Лос–Анжелесе мой брат, наконец–то, смог отдохнуть и насладиться жизнью. Всего несколько концертов в конце месяца и у Джими оказалось несколько недель свободных, чтобы распустить паруса и поймать ветер. Для нас стало правилом до раннего утра засиживаться в голливудских клубах и спать до обеда. Он был суперзвездой даже среди других суперзвёзд, везде в городе нас встречали по–королевски. Каждый видный делец шоу–бизнеса или музыкальной индустрии хотел встретиться с моим братом. По вечерам наши имена возглавляли списки приглашённых на приёмах у владельцев вилл с Холмов. Мы заправлялись обычным в таких случаях топливом: алкоголь, наркотики, разговоры. Джими постоянно знакомил меня с какими–то экстравагантными людьми с, в основном, сильным английским акцентом, встречаемых нами в шумных клубах или на огромных домашних приёмах. Позже Джими мне объяснял, что все эти люди из знаменитых групп, таких как Beatles, Rolling Stones, Steppenwolf, Doors или The Who. Оглядываясь назад,

думаю, с уверенностью могу сказать, что брат меня познакомил тогда и с Ринго Старром, и с Полом МакКартни, и с Джерри Гарсией, и с Джимом Моррисоном, и с братьями Винтер, Джонни и Эдгаром, и с Джоном Кеем, и с Миком Джаггером. Тогда же я абсолютно не представлял, кто они такие и это истинная правда.

Глава 11. Продолжение мечты

Прошло чуть больше двух недель моего пребывания в Лос–Анжелесе, как я вдруг понял, что мне невозможно найти Джими. Я узнал, что он выписался из гостиницы, и никто не мог мне сказать ничего вразумительного, когда я позвонил ему домой на Бенедикт–Каньон. Когда же я встретил Майка, то он тоже ничего не мог сказать мне, кроме того, что Джими уехал в Сан–Диего на пару дней. У меня не было причин для беспокойства, чем себя занять в Голливуде. Не имея никаких известий от брата, я проводил все вечера, держа двор у зарезервированного за ним столика в Whiskey.

Его пара дней превратилась в неделю, прежде чем Джими позвонил мне в гостиницу и спросил, как дела. Он очень удивился, когда я спросил про поездку в Сан–Диего.

— Сан–Диего? — переспросил он. — Кто тебе сказал, что я там?

— Майк.

— Слушай, у меня был концерт на Гавайях и я говорил ему, чтобы он предупредил тебя.

Совершенно очевидно, что от одной мысли обо мне у Майка начинался зуд, он постоянно меня обманывал, желая разделить нас с братом. Он затеял грязную игру, и мне стоило бы лучше следить за ним. С первого дня, ещё в Сиэтле, в тот самый первый приезд Джими домой, мне не понравилось, в каком тоне Майк вместе с Джерри разговаривали с моим братом, и, уверен, они с удовольствием повтыкали бы иголки в тряпичную куклу с моим изображением. Наши отношения не улучшились с приездом в Лос–Анжелес. Может быть, в их глазах я и был 21–летним пацаном, но я уже много повидал таких на своём веку. И когда я замечаю, что кто–то собирается вести двойную игру, я не остаюсь в стороне. Ни зубилоподобный Джерри, ни этот сумасшедший Майк мне не нравились. Они контролировали каждый штрих во время шоу, они шагу не давали сделать моему брату без их ведома. И теперь, когда брат поднял меня на такую высоту рядом с собой, я просто обязан был их остановить.

Как–то однажды брат мне сказал:

— Всегда помни, Леон, если ничего не смешивать, музыки не получишь.

И вот, теперь, настало время "смешения", пора добавить немного специй в их пресный суп менеджмента. Они вцепились мёртвой хваткой в его финансы и почти невозможно было вырвать из их рук сколько–нибудь наличных денег. Джими был

одним из самых популярных музыкантов всего мира, а ему выдавали на руки суточные в размере 50 долларов! Половину этих денег брат всегда великодушно отдавал мне. Видеть такую несправедливость было выше моих сил. Джими же, напротив, никогда не вмешивался в финансовую сторону вопроса. Брат вообще избегал конфронтации, его занимала всегда только его музыка. Ни материальная сторона, ни финансовая его не волновали. Я же носом чуял, что за его спиной что–то происходит и при любом удобном случае выражал своё недовольство администрацией. В ответ я слышал постоянно одно и то же: не хватает денег. Думаю, любимой отговоркой Майка были слова: "За всё надо платить." Но он лгал в открытую.

— Слушай, я только что видел, как ты взял в кассе 80 тысяч долларов, — сказал я однажды Майку. — Если брату понадобятся так трудно–заработанные им деньги, ты же отдашь ему их, не правда ли?

Да они писали на меня. Но я так просто не сдавался. Не сдавался и Джими и когда, однажды, я рассказал ему о своих опасениях, он крепко обнял меня. Несмотря на то, что в его команде было так много людей, его два музыканта, его роуди, его техники и рабочие сцены, его менеджеры, среди них не было ни одной родственной ему души. И лучше такого случая, чтобы поддержать его мне не могло представиться. Когда я был маленький, Джими всегда вставал на мою защиту и теперь здесь, в Лос–Анжелесе, моим долгом было отблагодарить его. Естественно, менеджмент какую–то часть денег всегда забирает себе, но Джими платил слишком высокую цену. В распоряжении моего брата всегда были лимузины, роскошные гостиничные номера, самолёты и виллы, но это всё было не его. И в конце каждого дня деньги за пользование этим отсчитывались из его кармана.

Короткий отпуск кончился и в течение второй недели октября Джими уже должен был дать серию концертов в сан–францисском Winterland. Ранним утром 10 октября мы прыгнули в лимузин и через 6 с половиной часов были уже в Северной Калифорнии. Мы с Джими зарегистрировались в гостинице и пошли пройтись на Русские Высоты, проверить обстановку. Хиппи, видя моего брата, спокойно идущего по улице, просто взрывались на месте, а если он останавливался, чтобы поиграть с уличными музыкантами, у них сносило голову. Когда он спрашивал у какого–нибудь парня, можно ли взять его гитару, чтобы сыграть своё что–нибудь, с парнем случался сердечный приступ прямо в ту же секунду.

Кокаин стал на время моим выбором, но и LSD не отставала. С тех пор как я стал постоянно сидеть на кислоте, прошло много

времени и бывали дни, когда я совершенно выпадал из жизни. Для меня не составляло труда соскакивать и снова садиться на орбиту, по которой нёсся Джими и я запросто исчезал на несколько дней, пока Джими был занят своими концертами. Именно такое произошло со мной в Сан—Франциско. Как–то после полудня в парке Золотые Ворота я загрузился LSD и отстал от Джими, который торопился на встречу с Бадди Майлзом. Не помню, сколько прошло времени, кажется совсем немного, я встретил группу хиппующих цыпочек, по их словам, собирающихся на концерт Благодарного Мертвеца в Матрице этим вечером, и мне показалась очень забавной идея, прыгнуть вместе с ними в их автобус. Я всегда следую зову природы. Тем более что Джими был в это время более чем занят и был связан собственными обязательствами. Этим вечером никто из нас так и не попал на концерт Grateful Dead. Мы припарковали автобус и повеселились до самого рассвета.

Эти три дня остались в моём сознании сплошным неясным облаком. Я был нагружен всем подряд: травой, LSD и моими новыми подружками–хиппи, а их хиппи–автобус всё это время кружил по городу. Так я пропустил все концерты брата в Винтерленде. Когда пришло время покидать город, я не поехал с братом в лимузине в Лос–Анжелес. Я решил продлить своё хиппи–приключение и отправился на юг вместе с ними.

По возвращении в Лос–Анжелес Джими стал пропадать каждый вечер на студии TTG, записывая материал для новой пластинки. Студия располагалась в 1441 по N.McCadden Place неподалёку от Сансет и Хайленд. Я был поражён, настолько крошечной она мне показалась. Протиснуться к пульту можно было только боком, да и всё остальное пространство не располагало к присутствию во время записи привычной уже для Джими толпы посторонних. После сан–францисского куста у Девон и у Кармен оказались свои планы, поэтому вокруг брата даже стало ещё больше цыпочек. Сначала это даже ему понравилось, но потом они показали свою разрушительную сторону, мешая ему сконцентрироваться на работе. Им достаточно было того, что они делали погоду в клубах, тусуясь с Джими в Whiskey. Многим вообще не было никакого дела до его творческих интересов.

У Джими было строгое расписание студийного времени, и я был предоставлен самому себе. В первое время я просто прыгал в лимузин и ехал в Голливуд, но время шло и я начал запоминать лица. Обычно всех можно было найти в Rainbow Room, потому что там можно было найти всё. Если кто–то искал LSD, мы все торчали на кислоте. Если другому нужен был кокаин, нам всем

хватало по паре дорожек. Если третий искал травы, мы все укуривались до состояния камня.

Завсегдатаями были музыканты, актёры кино, модели, среди которых тёрлись галстуки шоу–бизнеса и агенты, но я не концентрировался на том, кто есть кто. Мой экзистенциализм требовал развлечений. Ни в одном клубе невозможно было встретить ни одного ненагруженного. У народа кокаин лежал на столах, как если бы это был соус или чипсы. Он стал неотъемлемой частью нашего бытия, у каждого был на руках пакетик или два. Скрученная в трубочку долларовая бумажка стала такой же привычный, как, скажем, рукопожатие. Как только я появлялся в дверях клуба, обязательно кто–нибудь предлагал мне пару–тройку дорожек. Часто на столах сверкали, как льдинки, целые дороги, а не просто маленькие полоски. Однажды я сравнил их с зимними трактами.

— Слушай, ты так доедешь по ним до самой Аляски!

С тех пор все стали называть их "шоссе на Аляску."

Не только такие как я и вездесущие цыпочки делали погоду, но и амбициозные агенты и менеджеры, рыскающие по всем углам в Rainbow Room и Whiskey. У меня нет никакого желание описывать этих проныр, скажу только, что я так много провёл времени на улице, что знаю, как действовать, чтобы не сесть на мель, когда вокруг тебя столько этаких дельцов и импозантных выскочек. К тому же я всё время был окружён женщинами и ловил всеобщее внимание, появляясь в дверях клуба с висящими на мне по обе стороны двумя шикарными цыпочками. Все хотели хоть на минутку завладеть моим вниманием, в надежде через меня добраться до моего брата. Стремясь заполучить хоть кусочек волшебства, которое Джими создавал своей музыкой, они хотели склонить меня уговорить брата принять их предложения выступить с концертами на их площадках или даже показывали мне готовые планы гастролей. Хотя я всегда их внимательно выслушивал, делая очень заинтересованный вид, но никогда бы не стал навязывать брату их предложения и возможные деловые контакты. Такого рода деятельность не для меня и я не собирался менять свою политику в ближайшем будущем. Каждый вечер, по меньшей мере, 50 визиток я выкидывал в мусор, возвращаясь в свой номер или в дом на Бенедикт–Каньон–Драйв.

Я заметил, что многие рок–звёзды очень ревниво относились к славе моего брата. Он был признанным номером первым. И хотя их одежды были так же ярки, а их поведение вызывающим, Джими затмевал всех, когда они появлялись в одном месте. Я подметил одного, его звали Артур Ли, и его окружение. Артур считал себя первым и единственным чёрным руководителем

белой группы и был, возможно, возмущён появлением на своей территории Джими, забравшего на себя всё внимание. Они с Джими были знакомы ещё в те времена, когда брат играл в группе у Малыша Ричарда, но когда брат познакомил меня с ним, Артур не показался мне уж очень близким его другом. Впрочем, Джими шёл собственным путём, не соперничая ни с кем и не обращая внимания на такие мелочи.

Каждый раз, как мы, в конце вечера, возвращались в дом на Бенедикт—Какьон, толпы хорошеньких цыпочек приветствовали там нас. Но к счастью для нас, у нас с Джими был один перерыв в бесконечной гонке — это послеполуденное время, которое мы с ним проводили вместе в бассейне. Эти моменты — наиболее яркие мои воспоминания о времени, проведённом в Лос–Анжелесе. Рядом не было никого, кто бы помешал простому общению двух братьев. Нетрудно было заметить, что такой стиль жизни убивал его. Я вспоминал, каким счастливым голосом, тогда, казалось в таком далёком уже 66–м, он звонил мне из Нью–Йорка. Теперь же, пришла слава, о какой он даже не мечтал, но ушла радость.

Джими рассказывал мне, с какими трудностями он столкнулся при строительстве собственной студии Electric Lady, которую он задумал создать в Нью–Йорке. Учесть всё было подобно ночному кошмару. Особенно когда выяснилось, что под зданием протекала река и цокольный этаж постоянно подтапливало. Джими рассказал мне, что ему пришлось занять денег, чтобы ускорить продвижение строительства, которое для него казалось сплошным потоком нелепостей. Администрация настаивала на том, что все его деньги заморожены и что другого выбора нет. И как это случалось везде, финансовая сторона оказывалась неясной. Но посудите сами, кто мог поверить, что одна из самых успешных рок–звёзд вынуждена занимать деньги! И как всегда, когда я захотел с Джими поделиться своими соображениями, он не стал меня слушать. Ситуация в целом, думаю, вводила его в отчаяние и он не допускал ни малейшего давления с моей стороны.

Однажды пополудни, выкурив первый за день косяк, нам представилась редкая возможность спокойно поговорить о музыке.

— Как тебе удаётся добиваться такого звучания? — спросил я. — Все эти искажения и дикий скрежет, как?

— Разными педалями — вау–вау и фузз. У колонок Маршалла очень мощный звук, а Страт Фендера — отличная гитара, — начал объяснять мне Джими, откинувшись назад в своём кресле и вытягивая ноги. — Знаешь, Леон, после всех тех лет, когда я

играл в чужих группах, где мне говорили делать так–то, или играть точно по отрепетированному, это для меня как второе рождение. Я не придерживаюсь никаких правил. Я свободен. Пока бас играет свой ритм, я могу уходить в сторону и возвращаться. Когда я вызываю фидбэк, возмущаются и чистый звук струны, и обертонные звуки; они начинают между собой сражение, но гитара по–прежнему держит ми, так что всё это происходит на её территории. Я же веду свою линию на более высоких струнах, тогда как низкой ми продолжаю вызывать фидбэк. Происходит что–то вроде наложения. Ну, как если бы я играл одновременно на двух гитарах. Просто надо дать им звучать самим, но одновременно не терять над ними контроль. Гитара один из самых открытых инструментов. Научись оттягивать струну и раскачивать звук и она не издаст ни одной фальшивой ноты. А потом возвращайся к началу. Вот и всё правило, которому необходимо придерживаться в своих соло и импровизациях. Ты вообще–то понимаешь, о чём я тебе рассказал?

Я понимал. Когда Джими что–нибудь объяснял, всё оказывалось так просто.

В то время одной из моих любимых вещей, сочинённых Джими, была Bold as Love с его второго альбома Axis: Bold as Love. Когда я рассказал ему о своих чувствах, которые вызывала эта запись, Джими, углубившись в детали, сказал, что ему было особенно интересно попробовать найти соотношение между человеческими эмоциями, цветом, и музыкальными звуками. Он даже создал концепцию, назвав её энегозвукоцветовая динамика, которую он иногда, шутя, записывал в виде формулы E=sc2, немного позаимствовав стиля у Эйнштейна, где E — это энергия, s — звук, а c — цвет.

Джими мог часами говорить о связи семи нот с семью цветами радуги. Не говоря уже о загадочном совпадении, что красный, жёлтый и синий — первый, третий и пятый цвета радуги — суть простые цвета, а первая, третья и пятая нота — тоника до мажор — составляют первичный аккорд. Если бы существовало такое, как цветослух или цветозвук, это было бы в точности то, что мой брат намеревался довести до совершенства (а я бы сказал, что он уже давно довёл до совершенства). Невзирая ни на что, он интересовался практическим применением этого совпадения. Джими чувствовал, что даже если он не сможет физически удержать музыку, он, по крайней мере, опишет её цветами и вылепит её в трёхмерном пространстве. Помните, я рассказывал, как в детстве он увлекался радиочастотами? Но не только цветом и звуком формировал и очерчивал он свои стихи, он напитывал их энергией — своего духа, своей души и своих

эмоций. Соединив эти три элемента, достигался мощный разряд электричества. Джими вообще всё хотел связать воедино, и этой связью стала его музыка. Брат всегда старался развить во мне интерес к знаниям, я был уверен, что он знал ответы на все вопросы, и он внушил мне, что знание, как таковое, даст мне полную свободу.

— Я рад, что ты понимаешь меня, Леон, — сказал Джими, зажигая следующую сигарету.

— Знаю, и это здорово, Бастер.

Я встал со своего шезлонга и взгляд мой устремился через рельсы внизу каньона далеко вдаль.

Те дни в Лос–Анжелесе, проведённые с братом, остались в памяти как самые замечательные дни моей жизни. Мы просто часами могли сидеть на краю бассейна и говорить, говорить, говорить. Мы уже не были маленькими мальчиками, но в такие моменты наши чувства возвращали нам детство.

Последовала долгое молчание, пока Джими доставал из жилетного кармана сигарету и прикуривал.

— Итак, что ты намереваешься делать? — спросил он, сделав глубокую затяжку и откидываясь в шезлонге.

Я затих и лихорадочно стал соображать, о чём именно спрашивает Джими. В висках настойчиво билось одно единственное желание, я хотел, чтобы веселье длилось вечно, я полностью сросся с ролью младшего брата самой знаменитой рок–звезды нашей планеты. Девочки, приёмы, попойки, наркотики, зарезервированные столики — такое положение полностью меня устраивало. Но что я никак не мог понять, так это то, о чём меня на самом деле спрашивал брат в тот полдень у бассейна. Я не мог понять, какого сорта был тот вопрос, но вопрос, который он задал мне, имел продолжение в двух разных направлениях. Он хотел знать, что я решил делать со своим будущим. У брата окончились очередные гастроли и ему необходимо было подготовить материал для нового альбома. А я дошёл до грани, не занимая себя ничем, кроме гулянок.

— Хочешь ли ты, играя на каком–нибудь инструменте, стать студийным музыкантом или, может быть, станешь учиться на звукоинженера? — спросил он.

— Я хочу работать у тебя, Бастер.

Он пододвинул своё кресло ближе и нагнулся ко мне.

— По рукам. Мой контракт продлиться ещё несколько месяцев, а затем я подпишу новое соглашение. Нам нужно дать ещё несколько концертов. Затем, думаю, смогу заняться созданием своей собственной граммофонной компании в Нью–Йорке.

— Хороший план и я поеду с тобой. Нет, лучше я буду ждать тебя в Нью–Йорке. Я никогда там прежде не был и мне бы очень хотелось проверить там обстановку.

— Всё будет по–другому, Леон. У меня много нового материала, и я собираюсь двигаться в другом направлении. Я хочу писать симфонии для оркестра, со струнными группами, духовыми, знаешь, скрипки, валторны. Я чувствую в себе силы, могу быть композитором. Но сейчас мне необходимо слетать на пару концертов на Гавайи, а затем мы встретимся в Нью–Йорке и начнём наше дело вместе.

Сидя рядом с братом у бассейна под удивительным калифорнийским солнцем, я всё ещё не мог признаться ему, что мне необходимо вернуться в Сиэтл и предстать перед судом. Будущее таким счастьем озаряло нас, что я просто не имел права рушить иллюзию, что мы могли бы работать вместе. Я полностью был зачарован мечтой.

Тем более что Джими был полностью разочарован ходом своей карьеры. По его мнению, Майк вместе с Джерри были единственными, кто остался заинтересован в механизме производства денег, прикрываясь его именем. Они уработали его до истощения и продолжали хотеть ещё и ещё. Брат был внутренне испепелён.

— Знаешь что, Леон. Эти парни выжигают мне душу. И делают это они сознательно. Они пользуют меня непрерывно. Всё уже давно кончилось, но продолжает кончаться снова и снова. Я больше не могу играть Foxey Lady или Purple Haze, понимаешь?

Джими хотел делать музыку, а менеджеры разводили на его сердце огонь. Он собирался идти на студию, они же показывали ему план гастролей. Советоваться с ним при составлении расписания, зачем?

В тот месяц ему добавили ещё один концерт в Бейкерсфилде. Он должен был состояться 26 октября в Civic Auditorium, но я ничего не помню, хотя и был там. Помню только, что место было более подходяще для боя быков, чем для рок–концерта. Полтора часа в лимузине на север, концерт отыгран и снова полтора часа, но уже обратно, в Лос–Анжелес.

Прошло всего–то месяц с небольшим моего пребывания в Лос–Анжелесе, а я уже начал бросаться на стенку. Сплошная череда приёмов, фуршетов, вечеринок сделала из меня развалину. Перестали помогать даже передозировки всего, что мог предложить грешный Голливуд: ни на секс, ни на наркотики, ни на рок–н–ролл уже не было сил. Моё тело сдалось и не желало даже секса. Не думал я, что настанет такой день, когда у меня не встанет.

Когда я рассказал Джими о своей проблеме, он рассмеялся:

— Тебе надо всего–лишь поубавить пыл с твоими дамочками на некоторое время. Не волнуйся, через пару недель всё наладится.

Совершенно ясно было, что мне требовался отпуск. Кроме того, уже дольше невозможно было игнорировать моё положение. Я должен был уехать и повернуться лицом к приговору, ожидающему меня. И так как у Джими предстояли концерты в Канзас–Сити, Миннеаполисе и Сент–Луисе мы попрощались, он вызвал мне такси и я сел на самолёт, который отвёз меня домой в Сиэтл.

Глава 12. В армии и не только

После возвращения в Сиэтл мне понадобилось некоторое время на декомпрессионный переход из состояния рок–звезды, которой меня сделал Лос–Анжелес. Переход в своё тело оказался очень болезненным после месяца мечты, ставшей реальностью благодаря Джими. Сперва мне нужно было просто выспаться и я провёл в постели двое суток. После мышечного восстановления новая реальность начала медленно завладевать моим сознанием. И хотя мы поклялись друг другу там, в Лос–Анжелесе, что скоро в Нью–Йорке снова будем вместе и уже не расстанемся, этому не суждено было сбыться.

Мне нужно было готовиться предстать перед судом, но на отцовский адрес пришла повестка, меня призывали в армию. Выпал мой счастливый номер и ничто не мешало мне получить приз. Когда я положил этот листок на стол моего адвоката, он чуть не выскочил из своего костюма.

— Ты знаешь, что это значит для тебя, Леон, — еле сдерживая восторг, широко улыбаясь, сказал он, — ты родился под счастливой звездой, парень! Ты хоть понимаешь, что ты мне сейчас принёс? Это твоя охранная грамота, это твоё освобождение от тюрьмы!

Мой адвокат тут же уговорил судью отсрочить мой приговор в связи со службой в армии на благо нашему Отечеству, как это сделал Джими в своё время. Хорошая сторона в том, что меня не посадили в тюрьму после всего этого, но существовала и оборотная сторона: мою задницу посылали во Вьетнам. В то время я многого не знал об этой войне, но всё выглядело так, как если бы мне дали задание всё узнать из первых рук.

Утром 5 декабря 1968 года отец отвёз меня к тому же зданию на набережной, куда семь лет назад мы отвезли Бастера. У отца даже было такое же торжественное выражение на лице как и 7 лет назад.

— Я служил, твой брат служил, теперь ты идёшь в армию, сынок, — сказал он мне напутственное слово. — Будь там лучшим.

Пришёл конец моим туфлям из крокодиловой кожи и блузам с изображением цветов. Зарезервированный столик в Whiskey будет пустовать и ни одно красивое женское личико не будет теперь радовать мои глаза.

Меня отослали в Форт—Льюис, где меня обрили, определили на хозяйственные работы и показали мне мою койку. В первый же день моей службы у меня не было абсолютно ни одной минуты

свободной. Армейское начальство не сомневалось, что нас всех отправят во Вьетнам и как скоро это произойдёт, зависело только от политической обстановки.

— Вы отправляетесь во Вьетнам убивать, но если кто–нибудь из вас будет убит, это ваша вина, сосунки! — прокричал нам сержант, как только мы в первый же день выстроились строем.

Запоминающееся заявление! Позже я осознал, насколько значимо было это заявление, оно подготовило нас к сражениям и к выживанию. Я никогда не рассматривал себя с такой точки зрения, что я могу потерять своё физическое тело. Мне пришлось врубиться во всю эту чушь и развить в себе мышечную силу не только безжалостными тренировками, но и настоящими военными действиями.

Достаточно сказать, что строевая подготовка, которая здесь почему–то называлась Эй–Ай–Ти, стала хорошим для меня испытанием. Хотя с моей точки зрения это — идиотское занятие, но я следовал ему с охотой. Я быстро приспособился к новому расписанию, для меня не составляло труда вставать в 4 утра и ежедневно бросать всем вызов. С самого первого дня я выделялся среди других и был один из немногих в нашем подразделении, кто был способен разобрать и собрать M16 в полной темноте без особого напряжения. Инструкторы гоняли нас через минные поля и учили, как устроены разные бомбы. Ещё хорошо запомнилось одно помещение, наполненное слезоточивым газом. Мы пробегали через него без противогаза, и чтобы мы вполне испытали на себе действие газа, нас заставляли петь Jimgle Bells. Если задержать дыхание и быстро бежать, горят только глаза, но если же ты поёшь, твои лёгкие загораются таким пламенем, что даже в аду не хватит дров, чтобы развести такой огонь.

Я ещё давно заметил в себе способность становиться лидером. Это же подметило и начальство, так я стал взводным. На меня возложили ответственность за всё, чему нас учили. Впервые за всю мою жизнь, я стал руководителем и, знаете, был горд новому моему положению. К тому же при посылке во Вьетнам моя роль давала мне шанс остаться в живых, хотя я итак делал для этого всё возможное.

После 8–ми недель службы и ещё не окончив полностью AIT, мне представилась возможность съездить домой на неделю. Даже несмотря на то, что целых два месяца я провёл в Форт—Льюисе, я не потерял чувство улицы. Армия напрасно тешила себя мыслью, что смогла контролировать всю мою жизнь, я не намеревался так легко сдаваться и терять свой стиль жизни. Мой вкус к действию тут же восстановился.

Не прошло и пары дней после моего возвращения в Форт–

Льюис, я обнаружил, что если я, переодевшись в гражданское и ничем особенным не привлекая к себе внимание, могу беспрепятственно покидать базу через главные ворота и садиться в такси на глазах службы охраны. Я стал почти каждый вечер уезжать в город, стоило мне это 20 долларов в один конец. Проскальзывая обратно тем же вечером, у меня всегда с собой была пара мешочков с травой. Травы на три пальца обходилось мне в 10 долларов, я же продавал моему взводу по 2.50 за щёпоть. Навар получался приличный. На базе крутилось достаточно налички и вверенный мне взвод был всегда достаточно нагружен. Мы постоянно крутили самокрутки и всем было хорошо.

Все парни из моего взвода, с которыми я близко сошёлся, знали, что Джими мой брат, но никто из офицеров даже не представлял кто это, пока Джими не стал регулярно исполнять Национальный Гимн на своих выступлениях. Это определённо проняло их, но они все были в ужасе. Они видели в его исполнении зерно неподчинения, угрозу своему авторитету, который стали всячески укреплять на мне, стараясь унизить меня в глазах моих товарищей. На плацу я выходил из строя и перед моим взводом делал всё, что они мне приказывали. Понимая, что залог победы в сплочённых действиях, я не делал ничего, что могло как–то выявить мою индивидуальность и отделить меня от товарищей.

— Ты называешь это музыкой, Хендрикс! — наорал на меня один из сержантов однажды ранним утром, не дав даже докурить косяк. — Ты знаешь, как это я называю? Я называю это оскорблением нашего Национального Гимна. Насмешкой! Ты что, думаешь, такое исполнение может вдохновить кого–нибудь на подвиги? Ни в коем случае, сосунок!

Но никакие ухищрения офицеров не могли повредить моей популярности на базе. Более того, постоянное моё выделение из взвода привело к тому, что ещё больше солдат стали узнавать меня в лицо и называть меня по имени. Несмотря на это, офицеры не упускали возможности поиздеваться надо мной перед строем.

Однажды один такой, с одной звездой на погонах, не удержался и присоединился к остальным. Он достал где–то фотографию Джими с ружьём в одной руке и американским флагом в другой.

— Это не армейское ружьё, солдаты! — кричал он, тыча пальцем на фотографию.

Он шагами мерил длину нашей шеренги и ярость его не знала границ. Затем он остановился и указал на то место, где я стоял в задних рядах.

— И не Леон Хендрикс командует здесь полком! Я всех вас

заставлю запомнить это! У нас один командующий на базе и его зовут не чёртов Джими Хендрикс! Джими Хендрикс — позорное пятно на Американском флаге, а его исполнение Национального Гимна — издевательство над нашими святыми душами!

Но никто не засмеялся. Вы тоже не считаете, что это комическая ситуация? Что армейское командование не понимало, что солдаты абсолютно все любили Джими. Что всё наше поколение шло на войну с его музыкой в своих сердцах. Представьте на мгновение, что граммофонные компании выпустили пластинку с таким названием: Вьетнам, и какие, как вы думаете, были бы песни на её дорожках? Его. Ни слова, ни действия командования, не могли изменить это положение. Солдаты не собирались менять своё отношение к музыке Джими, только из–за того, что кто–то что–то пытался внушить им.

После такой напыщенной тирады командующего, мои чресла немедленно были отправлены на трёхнедельную службу в КП. Эту аббревиатуру можно расшифровать, как кухонную полицию, но определённо, никто не посчитался с моим авторитетом среди солдат. В мои обязанности входила первичная обработка овощей и работа со шваброй. По моим подсчётам я лишал кожуры около 10 тысяч картофелин. К концу дня, гора очистков доходила до моих плеч. Работа эта оказалась поистине чудовищной. Ради неё они поднимали меня с койки в 3 утра. Всем было понятно, что начальство оттачивало на мне своё мастерство, но никакая КП в мире не смогла бы подорвать мою репутацию. К этому времени, думаю, на всей базе не нашлось бы ни единого солдата, который бы не знал меня. Несмотря на то, что я не делал ничего предосудительного (разве офицеры что–либо понимали в этом?), кроме того, что я был самим собой, начальство продолжало опускать дымовую завесу.

Один офицер даже попытался доходчиво объяснить мне их намерения:

— Хочу подчеркнуть, что ты, Хендрикс, причина всех беспорядков на базе. Ты подрываешь дисциплину и мы не будем больше с этим мириться. Мы посадим тебя в карцер, до отправки на фронт.

Именно это они и выполнили. Они определённо стремились меня унизить любым доступным им способом. Они сформулировали это так: "Я вмешиваюсь в военный прогресс." Что это значит, догадывайтесь сами. Итак, на два месяца я попал в карцер, другими словами, сел в армейскую тюрьму. Когда же меня выпустили и позволили смешаться с остальными солдатами, они снова одели меня в военную форму и позаботились о том, чтобы я покинул их базу так скоро, как это было возможно.

Поэтому следующей остановкой должен был оказаться Вьетнам.

Нас разместили в огромном ангаре на военно–воздушной базе МакКорд, но о своём назначении узнаёшь только, как говорится, уже в море. Буду ли я руководить орудийным расчётом? Или танком? А, может быть, меня определят в войска связи? Позволить армии решать твою судьбу? Нет уж, решил я и сам позаботился о своём снаряжении. По инструкции нам положено три гранаты. Я взял себе шесть. Положено 2 сотни патронов, я прибрал к рукам четыре. Если уж я решил идти в бой, я пойду полностью запакованный. Итак, посмотрите на меня, на мне двойной комплект гранат, двойной комплект боеприпасов, одна винтовка М16, один 10–дюймовый нож и один пистолет 45 калибра. Вот теперь я готов к путешествию.

Получив снаряжение, наш взвод оставили ждать в ангаре базы МакКорд. Затем мы ещё ждали некоторое время. Мы сменили наши койки на нары в этом душном ангаре и через два месяца мы всё ещё не получили приказа на дислокацию. Ожидание было мучительно и всё что я хотел, это побыстрее попасть во Вьетнам и заняться тем, к чему, как мы предполагали, нас готовили. Наш взвод был готов к отправке. Мы все уже давно были готовы. Прошла ещё неделя, за ней другая. От командования были слышны те же самые известия: в нас пока не нуждаются, мы в резерве. Но однажды, кажется, это был полдень, пришёл приказ всех нас построить на большой сбор. На плацу кроме нашего взвода было ещё не менее десяти тысяч солдат, полковники, майоры и ещё какие–то высокие чины. Прошла перекличка, как если бы мы были огромными карточками лото, только вместо возгласа: "Бинго!" нам ничего не оставалась как стать, как говориться, "земледавами". Вот тебе и на, вот тебе и Вьетнам, приехали!

— Солдаты, — обратился к нам главнокомандующий, — мы получили приказ оставаться здесь ещё некоторое время до того, как вас вернут на ваши базы для дальнейшего прохождения службы.

Все мы с облегчением вздохнули. До этого мы стояли убитые реальностью момента. И тут мы все взорвались, начали кричать во всю мощь своих лёгких и бросать свои каски в воздух. Многие даже упали на колени и стали молиться и благодарить Иисуса. Нам сохранили жизнь и будем, по–видимому, отосланы обратно в Форт—Льюис.

Армейское командование не знало, что делать с нами, потому что база была полностью укомплектована. То время, которое я провёл за решёткой в Форт–Льюисе, мне не засчитывалось, так что у меня было ещё предостаточно времени, чтобы послужить

Отечеству.

Когда я получил известие, что брат снова будет давать концерт в родном городе (в Колизее 23 мая 1969 года), я тут же подал рапорт с просьбой об увольнении, чтобы увидеться с братом. Полковые мундиры были тоже оповещены, что Джими приезжает в Сиэтл с концертом и дали мне понять, что не намереваются награждать меня увольнительной. Когда я получил назад свой рапорт с пометкой "отказать", я достиг пика разочарования и стал выражать своё недовольство любым доступным мне способом. Военные на это отреагировали по–своему и другого они придумать не могли, как устроить мне бессрочную вахту на КП, а за одно и мести двор. Думаете, им удалось сломить мою волю и сделать из меня хорошего солдата? Не сработало. И чем больше они ставили мне преград, тем сильнее во мне было желание победить. Я не собирался позволить им уложить меня на обе лопатки.

И неважно, каких усилий мне это стоило, но они не продвинулись ни на дюйм. Возможно даже моё упорство в просьбе об увольнительной, только разозлило их ещё больше. Один лейтенант даже однажды среди ночи поднял меня и, приказав выйти из палатки, избил.

— Я сделаю всё, Хендрикс, чтобы тебя не было в армии! — визжал он. — Ты считаешь себя большой шишкой? Ты не большая шишка, ты мерзкий ублюдок!

После этого случая я не мог больше разрешать себе терпеть ни физического, ни морального унижения со стороны военных. Но думаю, всё же не это послужило главной причиной, а то, что я не желал упустить возможность ещё раз увидеться с братом. Ни словом, ни делом армия не могла остановить меня в желании воссоединиться с Джими, когда он приедет в наш город. Итак, взвесив все за и против, я принял стремительное решение: если армия не даёт мне увольнительную, то у меня не остаётся альтернативы, как идти в самоволку.

За несколько дней до прибытия Джими я сменил свою апатию на гражданское платье, запаковал все свои вещи в небольшую спортивную сумку и, как это делал и прежде, направился прямо через главные ворота к стоянке такси. Как только передо мной открылась дверца такси, я, бросив сумку рядом с собой, плюхнулся на заднее сиденье. В окне я увидел, как армейский грузовик, прогромыхав за нами, остановился перед воротами базы. Я смотрел на всех этих солдат, бежавших строем через весь плац под проливным дождём. Их речёвка была еле слышна, но я хорошо знал, о чём она была. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул из себя отравленный воздух базы.

— Куда едем, дружище? — спросил шофёр, глядя на меня через зеркальце заднего вида.

— Сиэтл, — ответил я. — 7954 по Сиворд–Парк–Авеню.

Такси увозило меня на север по шоссе номер пять и я вдруг почувствовал, как громадный груз свалился с моих плеч. Не то чтобы я не сомневался насчёт неминуемой расплаты моим действиям, не было таким уж редким явлением среди солдат, как сбегать в самоволку, я постоянно слышал рассказы об этом. Ну, посадят на пару недель в карцер. К этому я уже привык. Я бывал там прежде и определённо побываю там снова не один раз. Это же не то, чтобы оказаться вдруг перед огневой позицией врага. Оглядываясь назад, можно подумать, что я мыслил тогда достаточно примитивно, но это помогало мне правильно судить мои действия.

Отец был сильно удивлён, увидев меня в дверях дома:

— Что ты здесь делаешь, сынок?

— Я в увольнительной, отец. Всё нормально.

У отца не было причин сомневаться в том, что я ему сказал, поэтому он был рад видеть меня дома. Через несколько дней отросли волосы и я отпустил усы. Было такое чувство, что мне всё причудилось и я никогда не был в армии. Чем чёрт не шутит, может же такое произойти, что они забудут обо мне. Всё возможно.

На следующий день в город прилетел Джими и, точно также как в его первый приезд домой, мы встретили его в аэропорту и оттеснили от него назойливых репортёров и возбуждённых поклонников. Отец, Джун, Жени и я отвезли его домой, чтобы он смог хоть немного побыть среди родных и дать отдохнуть своей пружине перед вечерним концертом в Колизее. По поведению Джими мне было видно, что обвинение, которое ему предъявили тремя неделями ранее в Торонто, нервировало его, но никто из нас не стал ничего расспрашивать об этом инциденте, чтобы лишне его не беспокоить. Из газет я понял, что арестовывать его не собирались, не имело смысла. Обвинили его в ввозе в Канаду героина, который сами, как я считаю, и подбросили. Если бы в рапорте было сказано, что они задержали его с LSD или с мешком травы, или даже, может быть, с маленьким пакетиком кокаина, это прошло бы мимо внимания масс. Но героин, героин есть и был максимальным злом и определённо не мог не повлечь за собой шквал газетных заголовков. И если правительство задалось бы целью повернуть общественное мнение против Джими, лучше чем обнаружить героин в его личных вещах, оно не могло придумать. И я бы оказался последним мерзавцем, если бы это было первое, о чём я бы спросил, когда он ступил с трапа

самолёта. Более всего ему было необходимо отдохнуть и прийти в себя в кругу семьи.

И как всегда, его менеджеры наблюдали за каждым нашим шагом. Джерри и Майк не видели меня несколько месяцев с того времени, в Лос–Анжелесе, но я не заметил в них никаких изменений по отношению ко мне, похоже, они вообще были недовольны не только моим существованием, но и тем, что у Джими оказались родственники.

В Колизее Джими вышел на сцену в тёмно–оранжевых обтягивающих бархатных штанах и золотистой блузе. В какой–то момент мне показалось, что это шаровая молния, а не мой брат. Где–то уже в конце выступления, Джими резко присел и штаны сзади лопнули. Тут же на сцену выбежал один из роуди, держа в руках флаг конфедератов. Так что последние два номера он отыграл опоясанный знаменем революции. Я вообще удивлялся, как его сценическая одежда выдерживала так долго. Бархат и сатин, из которого она была сшита, очень непрочны, и его экспрессия была выше предела возможностей этих тканей. Под софитам одежда его выглядела великолепно, но в деле она оказывалась совсем недолговечной, поэтому обычно такую одежду я называю временным гардеробом.

Сцена Колизея с огромным стеклянным куполом вращалась, стеной лил дождь, а молнии сверкали одна за одной, создавая сверхъестественный фон. Но что–то сломалось, сцена остановилась и музыканты оказались лицом только перед частью слушателей. Почти в тот же момент остальные, которые оказались сзади, повскакивали со своих мест в поисках лучшего обзора. Но люди перед сценой стояли настолько плотно, что им было не пробиться.

После концерта Джерри отвёз всех нас в гостиницу Шервуд–Инн, находящуюся в Ю-районе Сиэтла, в забронированный за Джими номер. Когда разговор зашёл о дальнейших его планах, Джими рассказал мне, что после концерта на Гавайях будет в Нью–Йорке, где продолжит запись для нового альбома. Я почувствовал, что он полностью уже был готов сменить не только музыкальное направление, но и поменять стиль всей своей жизни. К этому времени он был уже уделан Экспириенсом и сыт по горло своими менеджерами, манипулирующими им в каждую секунду и управляющими его делами по своему усмотрению. Мне было приятно видеть, что он, наконец, задумался о себе.

— Эти деловые кошары каждый новый день заставляют меня подписывать какие–то бумаги, — пожаловался мне Джими. — Я же хочу только одного — сконцентрироваться на своей музыке, но это становится всё труднее. Я надеюсь скоро избавиться от этих

парней и начать своё личное путешествие — новая группа, новый менеджмент. У меня будет своя студия и я собираюсь основать свою собственную граммофонную компанию.

На следующее утро отец подъехал к отелю, чтобы мы все смогли проводить Джими в аэропорт. Отцу всегда нужно было самому сказать Джими напутственное слово перед полётом. Мы проводили его до ворот и смотрели ему вслед, пока он не исчез за поворотом. Ему предстояли концерты в Сан–Диего (в Sports Center), на Сан–Хосе Поп–Фестивале в Санта–Клара–Каунтри в Калифорнии и, затем, на Гавайах в Гонолулу в Вайкики–Шелл. А я ещё несколько вечеров провёл дома с Джун, Жени и отцом. Мне бы чуть подумать насколько важным было бы для меня тогда моё возвращение на базу и продолжение службы, а мне вместо этого рисовался чудесный мир возможностей, открывающийся передо мной в будущем вместе Джими.

Сначала, я решил, что было бы неплохо провести несколько дней с моей подружкой, Лидией, и уверил себя, что вернусь в начале следующей недели. Но пришёл понедельник и я уговорил себя, что обязательно сделаю это на следующей. И вместо того, чтобы вернуться в армию, отслужить положенное время и предстать перед лучезарным будущим, я попал под влияние своей старой особенности. После нескольких месяцев безуспешной борьбы с самим собой, обещаний, которые я давал самому себе и сам же не сдерживал их, я был полностью охвачен внутренним страхом. Я проскочил точку возврата. Всё выглядело так, как если бы страшное чудище собиралось прийти за мной и унести меня в своё царство.

Глава 13. Сумерки

После его последнего визита в Сиэтл, я попробовал напасть на след Джими в Нью–Йорке, но там, в своей квартире, он не появлялся. По телефону чей–то голос мне пытался объяснить, что они не только не знают где он, но и не знают вернётся ли он вообще. Очень может быть, голос принадлежал одному из тех, кто всё время против нашего с ним общения, кто знает. Не слишком ли много я приложил к этому усилий, но я не мог игнорировать возможность лёгких денег. После моего первого погружения в Лос–Анжелесе, кокаин стал частью моей жизни (вместе с травой, LSD и алкоголем). Я был нагружен под завязку круглые сутки. А когда я нагружен, улица — вот то место, где меня можно было всегда найти.

Летом 1969 года я выехал из отцовского дома на Сиворд–Парк и снял номер в одной очень приятной гостинице на Вашингтон–Плаца. Так мне был гораздо свободнее в своих действиях, я мог выходить и приходить в любое время дня и ночи, без того, чтобы натыкаться на расспросы отца. Хотя у меня и оставалась приличная сумма от той, которую мне передал брат, я продолжал сам изыскивать способы увеличить количество моих наличных денег. Не то чтобы я не мог попросить снова денег у брата, он и так дал мне предостаточно. LSD стало очень популярным и, я бы сказал, даже модным в Сиэтле. Мы с дружками стали бомбить все концерты, проходящие в Колизее, и стали делать хорошие деньги. Фокус состоял в том, что шприц наполняли несколькими каплями LSD, а затем до полного объёма — Kool–Aid. Проходя по рядам на парковке, я толкал их по шесть долларов, вместо двух за десяток.

С концертов мы собирали хороший урожай, но они были не часты и в основном мы работали в игорных заведениях, барах и клубах. Благодаря великодушию Джими карманы мои были велики и позволяли мне проникать в самое закулисье Сиэтла, где ставки были очень высоки. И нынешнее моё положение потребовало нанять телохранителя. В игре я усвоил одну истину, которую отец никогда не смог понять: как только у тебя остаётся всего несколько баксов, срочно сваливай. Здесь важно успеть унести ноги до того, как кто–нибудь сбросит снова на стол деньги. А если вопреки случаю я выигрывал несколько тысяч за вечер, мне, как вы понимаете, требовалась серьёзная защита, чтобы успеть выскочить за дверь прежде, чем проигравший доберётся до моей задницы.

У меня были друзья по всему городу и они всегда

предупреждали, когда копы или армейская полиция искали меня. Пару раз я чуть было не попался, но меня выручали друзья, мы менялись одеждой и я ускользал у них прямо из–под носа. Мне следовало бы крепче соображать, но видно, моё я было сильнее моих мозгов. Я думал, ну что такого плохого я сделал? Но я дурил только самого себя. Хоть сколько–нибудь умный человек первым делом уехал бы на время из города или даже поступил бы ещё более разумно, вернув себя армии. Я же не сделал ни того, ни другого.

Скрываться от армейской полиции проблем не было, их патрули были видны за милю, но совсем другая тактика была у копов. От них было не укрыться, они были везде, к тому же многие из них были переодеты в штатское. В конце концов они меня повязали. Однажды вечером, отужинав в Канзас–Сити–Стик–Хаус, я шёл по Пайк–Стрит со своей подружкой, вдруг из боковой аллеи выскочили двое и нацепили на меня наручники. Всё произошло так быстро, что я даже не мог предупредить их появление. Они запихнули меня в свою патрульную машину и отвезли в приёмник, где меня передали армейской полиции, и уже к утру я был в Форт–Льюисе.

На базе меня тут же посадили в карцер и не выпускали из камеры, кроме как на учения или в столовую. Майор Джаксон, импозантный пожилой чёрный, выглядящий как если бы он прослужил больше чем несколько положенных сроков, пропустил меня через центрифугу. Я же со своей стороны был непоколебим и отказал ему в удовольствии сломить меня. Меня даже занесли в список особо сознательных вольнодумцев, ведь я не выказал им свою покорность.

Итак, Джими снова вставил в свои импровизации Национальный Гимн во время теперь уже легендарного выступления на фестивале в Вудстоке, а я снова оказался в армейской тюрьме. Снова моя жизнь это холодный бетон и железные засовы и сделано это мною самим и винить мне некого, кроме себя.

За пару месяцев, пока я там плесневел, армейское начальство осознало, что бы они там не делали, они никогда не смогут сделать из меня солдата. Однажды, ближе к вечеру, меня навестить пришёл майор Джаксон.

— Тебя демобилизуют, Хендрикс, — подытожил он их решение.

— Ну вот и хорошо, — отреагировал я.

В моей голове вихрем вспомнилось всё то, что мне пришлось вытерпеть от них и вот теперь я освобожусь от этого.

— Ну, не вполне в смысле "хорошо" — многозначительно

произнёс майор Джаксон. — Мы передадим тебя полиции Сиэтла и тебя отправят в тюрьму.

Несколькими днями позже меня отвезли в городскую тюрьму Кинг–Каунти и передали на руки полиции. Армия определила мой статус так: демобилизован "в положении недостойном уважения". Я провёл в Кинг–Каунти 4 месяца наедине с холодной пищей. Затем меня отправили на 30 дней в Шелтон, где меня, по их словам, "диагностировали", там меня подвергли медицинскому обследованию и собрали целый консилиум для решения одного единственного вопроса, что же со мной делать в дальнейшем. В итоге, 17 марта 1970 года, меня транспортировали в исправительное заведение Монро. Меня проводили в одиночную камеру, расположенную в Си–крыле, темноватом симпатичном помещении с четырьмя этажами соседей.

Когда, наконец, мне восстановили полагающиеся мне привилегии и позволили выходить во двор, это было сравнимо моему возвращению домой. Кругом одни знакомые лица. Весть о моём появлении быстро облетела все закоулки заведения, и, так же как это было в армии, не нашлось ни одного, кто бы не хотел мне пожать руку и не выказать мне своё уважение.

Тюремное общество сильно не отличалась от уличного, только здесь валютой были сигареты. Бартер, сделки, втюхивание были у меня в крови. Если ты не знаешь, как это работает, ты так и останешься ни с чем. Соседи меняли табак на всё, на еду, траву, колёса. Траву мне проносила в Монро моя старушка Лидия. В комнате свиданий я пересыпал траву в пластиковый стаканчик и, когда приходило время возвращаться в камеру, ставил стаканчик на пол. Выходя, я многозначительно подмигивал одному из моих дружков, работающим уборщиком. Он шёл с метлой якобы подмести за нами и пересыпал траву к себе в карман. Позже мы делили её поровну.

Мы делали всё возможное, чтобы скоротать время. Лучшим из всего было, конечно, нагрузиться. Меня даже научили делать алкоголь. Нужны только два куска хлеба и дешёвый фруктовый сок. Хлеб настаивался в стакане сока пару недель и получался отличный тюремный коктейль. Вкус отвратителен, но забирал хорошо.

После моего определения в Монро, Джими передал через отца, что хочет навестить меня и даже дать благотворительный концерт для заключённых. Он полагал, что этот концерт сможет как–то повлиять на моё положение и смягчить приговор. Но менеджеры зарубили эту идею на корню. Ведь в Канаде, вызвав из Средних веков практику Божьих судов, над братом кто–то же провёл это испытание, с помощью которого попытался

установить, виновен он или нет, когда у него при досмотре, как говорят, нашли героин. Хотя брат и увернулся от пули, пущенной в него канадской полицией, но менеджеры не хотели, чтобы Джими был ещё вовлечён в дальнейшем и в мою судьбу. Больше мне не удавалось поговорить с братом непосредственно по телефону и весточки от него я получал только через отца.

Когда брат в четвёртый раз приехал в Сиэтл с концертом, 26 июля 1970 года, менеджеры обезопасили себя от его попытки навестить меня в Монро. Они составили жёсткий график: перелёт, репетиция, концерт, а у меня же не было никакого шанса вырваться к нему. Но, несмотря на то, что нам не дали увидеться, брат всё время был рядом со мной. Каждый день по радио крутили его пластинки, особенно мне запомнились Crosstown Traffic и If 6 Was 9, которые передавали постоянно.

Я не был в обиде, что Джими так и не позвонил и ни разу не навестил меня в тюрьме. Я понимал, что он был связан графиком, я хорошо помнил то время, когда был с ним на его гастролях, и видел, что творилось за его спиной и какое нескончаемое давление он испытывал от своих менеджеров. Ведь было это совсем недавно. Мой дух всё креп, видя, как многие с ещё большим сроком, чем мой, досрочно освобождались. Мой приговор не был чем–то, с чем мог я смириться. У меня не было чувства досады, меня отучали от этого чувства всю жизнь. Может быть, даже в этом слишком переусердствовали. Я сам себя загнал в угол и должен был испить свою чашу до дна.

Мы с отцом еженедельно перезванивались и я был в курсе всех дел брата. И когда отец сообщил, что мечта Джими исполнилась и он сформировал группу Band of Gypsys, в состав которой вошли его старинные друзья Бадди Майлз и Билли Кокс, я был искренне рад. Я знал, что Бадди давно хотел играть с братом и был уверен, что он так же был этому рад. Джими так долго страдал от постоянного контроля над своим творчеством, что, казалось, теперь он сможет с новой группой, но со своими старыми друзьями, пойти собственным путём.

Однажды утром, как обычно, я собирался идти на кухню, чтобы приступить к своим ежедневным обязанностям. У многих заключённых было включено радио и они слушали утренние новости.

— Эй, слышали? Джими Хендрикс умер от передозировки! — неожиданно донёсся чей–то возглас откуда–то снизу с первых этажей.

— Слушай, это не смешно! — ответил ему чей–то голос.

— Говорю тебе, Джими Хендрикс умер! Только что по радио объявили!

— Заткнись, тебе говорят! Ты что, не знаешь, его брат прямо над тобой?

Слух, что Джими умер, облетел все камеры, я не знал, что и думать. Но тут заскрежетал тюремный динамик:

"Заключённый Леон Моррис Хендрикс, номер 156724. Вам сообщение у капеллана."

У меня сжалось сердце. От этого заявления проснулось всё наше крыло. И вдруг все затихли. Была такая тишина, какой здесь никогда не было. И пока я шёл к тюремному капеллану, заключённые молча провожали меня взглядом из–за своих решёток. У ворот меня встретили охранники и проводили к капеллану. Когда я вошёл к нему, он протянул мне трубку, на том конце провода раздался голос отца.

— Что случилось, отец? — спросил я.

— Горько тебе говорить, сынок, но Джими больше нет. Говорят, он умер прошлой ночью, — скороговоркой произнёс он сквозь слёзы. — Но только не волнуйся. Всё будет хорошо.

— Да, я понимаю, — попытался я его успокоить.

Возвращался в камеру я на деревянных ногах. Ни один нерв не дрогнул на моём лице, если бы я не сдержался, если бы стал кричать, бить кулаком в стену или ещё чего похуже, они бы посадили меня в яму и продержали бы там одному Богу известно как долго. Не то чтобы я ничем не выказал своё состояние, меня словно не стало. То был самый худший момент моей жизни. Камеру заперли и 72 часа мне не разрешено было выходить. С их стороны это была стандартная мера, когда кто–либо из заключённых получал плохие известия. Так они надеялись избежать всплеска эмоций, могущих повлиять на настроение других заключённых и привести к нежелательным результатам.

Остаток утра я рисовал и сочинил поэму. Заключённые, проходя мимо моей камеры просовывали сквозь решётку кто несколько сигарет, а кто и пакетик с травой.

Стремясь чем–либо унять боль в сердце, я скручивал крошечные самокрутки и выкуривал их за одну–две затяжки. Мы называли такой способ "последней затяжкой", потому что если тебя застанут за этим занятием, то не только накажут, но и увеличат срок. У меня же не было никакого интереса сидеть в яме или оставаться в Монро на дополнительное время.

Сидя на своём изношенном матраце, я рассматривал трещины на стене моей камеры, как если бы они были дорогами, по которым нам с братом пришлось пройти, плохим или хорошим, и никак не мог осознать, что его больше нет. Что никогда я больше не смогу насмешить Бастера своими нелепыми поступками. Что дни эти ушли навсегда.

Помню, заключённые один за одним выключили свои радио. С тех пор, как я попал в Монро, это был первый раз, когда в блоке наступила такая тишина. Меня очень тронуло, что парни так тепло отнеслись к моему горю. Этим они показали мне своё уважение. Пять этажей камер замерли почти на весь день. Никто не слышал, чтобы в Монро такое случалось. Возможно, за всю историю Монро это был единственный раз.

Я не знал, что делать. Я не мог остановить слёзы и неважно, сколько бы я не упрашивал, меня бы не отпустили. Сквозь решётку своей камеры я видел через окно напротив, как медленно садилось солнце. Заснуть я так и не смог.

К утру я несколько успокоился и моя боль превратилась в поэму "Звёздное дитя вселенной". Слова сами возникали в моей голове, мне же только оставалось их успевать записывать. Это было моё печальное прощай Джими. Мой брат всегда казался посвящённым во что–то большее, избранником высших энергий. С самого начала он испытывал на себе звёздное предназначение. У него было это нечто, отличающее его. Он был выше всех когда жил, и я уверен, воспарил ещё выше после перехода. Вот последняя строфа:

He knew peace and love he'd find somewhere,
Он знал то место, где мир с любовью живут
So he wrote the music to guide us there.
И музыкой своей туда он вёл нас
I know you are grooving, way out somewhere,
And when I'm experienced, I'll join you there.
И я, когда поборю свой страх, присоединюсь к тебе

Я всю свою жизнь продирался через колючки преград, но впервые ощутил свою беспомощность. Когда через три дня меня выпустили из клетки в общую столовую, все заключённые показали мне своё уважение. Брат был символом молодых людей, а из них многие были заключены здесь, так же как я. В тот вечер передо мной выросла такая гора мороженого и пончиков, какую я не мог бы съесть и за месяц. Благородный жест. Я ощутил, что для многих из находящихся здесь заключённых, как и для меня, это стало переломным моментом их жизни.

Я не знаю, чтобы сделал, если бы они не разрешили мне покинуть Монро на похороны. Всё что мне оставалось, это ждать и надеяться на лучшее. Мне повезло, что тело Джими привезли из Англии почти на месяц позже. Надо отдать должное моему адвокату, он использовал это время, чтобы добиться моего отпуска под поручительство. Я позвонил ему и моему отцу за

несколько дней до отпуска, чтобы я мог одеть приличный костюм. В день похорон, 1 октября, мне принесли отличный костюм и шёлковую рубашку и я переоделся.

Одним из условий было, чтобы отец нанял мне сопровождающих. Видели бы вы меня в тот момент, когда я шикарном костюме шёл по тюремному коридору и опять, как тогда, меня провожала полная тишина. Заключённые молча стояли в своих камерах с поднятым кулаком в знак уважение в такой важный для меня день. Даже за воротами Монро, садясь на заднее сиденье патрульной машины, я видел парней, приветствующих меня, выстроившихся в ряд вдоль тюремной ограды.

До южной оконечности Сиэтла мы добирались около часу, начинались одни из самых тяжелейших часов моей жизни, ведь мне приходилось свыкнуться с мыслью, что я еду на похороны Бастера. Не могу подобрать слова, чтобы описать моё состояние. Когда мы заехали на стоянку рядом с баптистской церковью Данлэп на Райнер–Авеню, мои конвоиры сняли с меня наручники.

— Слушай, — произнёс один из них, помогая мне выбраться с заднего сиденья патрульной машины. — Я собираюсь снять с тебя наручники на время церемонии.

— Благодарю вас, сэр, — ответил я ему. — Я буду очень вам благодарен за это.

Он вытащил небольшую связку ключей из своего жакетного кармана и стал отпирать наручники.

— Только послушай меня внимательно, сынок, — сказал он, пристально глядя мне в глаза. — Мы всё время будем на шаг рядом с тобой. И уж не вини меня, если попробуешь сбежать.

Только успели с меня снять наручники, как я попал в объятия отца и тётушек. Я испытал какое–то сюрреалистическое ощущение, когда вошёл в церковь, набитую всеми этими сотнями людей, пришедшими на церемонию. Сплошной, ничем несдерживаемый поток эмоций. Каждый раз, как я видел кого–нибудь из родственников, моё сердце сжималось всё сильнее. Такой силы грусть я никогда прежде не испытывал. Мы с отцом прошли по центральному проходу до своих мест в первом ряду. Джун, Жени, бабушка и дед сели рядом с нами. Никто и не пытался сдержать рыдания. Слёзы, слёзы, море слёз. Вот Ноэл Реддинг и Мич Мичелл, а там Бадди Майлз, и Джонни Винтер, и Майлз Дэвис. Даже мэр Сиэтла, Вес Ульман, был здесь. Когда я обернулся, то увидел не менее пятидесяти молодых женщин, одетых в чёрное и скорбящих о смерти Джими. Вы может быть подумали, на их месте должны были быть его бывшие, но так и было на самом деле. Но узнал я среди них не более нескольких.

Церемонию вёл преподобный Харольд Блэкбёрн, аккомпанировавший также солисту, спевшему несколько гимнов. По правую руку от кафедры возвышалась в рост человека роскошная гитара вся сделанная из белых и пурпуровых цветов. Одна из лучших маминых подруг, Фредди–Мей Готье, поднялась и обратилась к более чем двумстам собравшимся с речью. После нескольких вступительных тёплых слов она прочла стихи, которые Джими написал за несколько месяцев до смерти, "Ангелы" назвались они, затем продолжила моей поэмой "Звёздное дитя Вселенной". Когда она кончила читать, все вскочили, выкрикивая амен и аллилуйа.

Мои ноги сделались ватными, когда пришло время идти к украшенной серебристо–серым металлом шкатулке, в которой лежал Джими, чтобы сказать ему последнее прощай. Они одели его в зелёный парчовый костюм и вид его был спокойный, как если бы он спал или только что закрыл глаза, обдумывая новый музыкальный проект. Во всяком случае, мне хотелось так думать. Коротко помолившись над ним, я сложил лист с моей поэмой и положил её рядом с ним.

После церемонии мы с отцом всю дорогу до кладбища Рентон проехали молча. О похоронах было объявлено по радио и люди вышли на лужайки перед своими домами и жестами пытались поддержать нас, пока мы медленно проезжали мимо на лимузине. Приехав на кладбище, я огляделся и меня поразило запустение, царящее вокруг. Временное пристанище охотника в лесу выглядело лучше, чем эта кладбищенская контора. У меня не укладывалось в голове, как после такой яркой жизни брата не смогли найти ему менее убого места последнего отдыха.

— Почему Бастера хоронят в таком месте, как это? — нагнувшись к отцу, тихо спросил я.

— Потому что наша мама лежит здесь, — ответил он.

— Она здесь?

— Да. Она где–то на этом кладбище, но я не знаю где точно. Мы до сих пор не можем найти её могилу. Но это здесь, и я решил пусть будет это нашим семейным местом, сынок.

Я не стал продолжать. Это совсем неподходящее ни время, ни место для споров, пусть всё остаётся как есть.

Друзья детства Джими — Эдди Райи, Донни Хауэлл и Бадди Бёрнс несли гроб вместе с Джеймсом Томасом, лидером одной из его ранних групп, и Хербом Прайсом, его ассистентом. Яма была уже вырыта. После того как они медленно опустили его в землю, люди стали кидать ему кто медиаторы, кто записки, а кто и пакетики с травой. Вся наша семья была здесь и они крепко поддерживали друг друга. Мне очень не хотелось в тот момент

думать, что кто–нибудь из нас тоже когда–нибудь покинет эту землю.

Мои центровые дружки–гангстеры рассчитывали, что эти похороны дадут мне отличную возможность для побега из тюрьмы. План был разработан до мельчайших подробностей и машина с полным баком ждала меня за оградой кладбища. Но моё сердце, мои мысли были в другом месте. Моего брата уже не вернуть и я решил полностью вынести наказание и постараться выйти оттуда с чистой душой. Побег этот, да и подвести людей, которые за меня поручились, что могло быть ещё хуже в моей ситуации. Я даже не мог представить своё будущее в этом случае. Мои дружки очень расстроились, услышав мой отказ, но всё же, напихали мне несколько блоков Пэлмела, чтобы я забрал их с собой в тюрьму. Если вы подумаете, что в сигаретах был табак, то ошибётесь, они все сигареты набили лучшей травой, каждую пачку запаковали в фирменную прозрачную упаковку и на каждом блоке восстановили заводскую упаковку. Совершенно невозможно описать какую титаническую ювелирную работу они провели ради меня.

Я взглянул на лужайку перед кладбищем, на том краю стояли мои конвоиры, скрестив руки на груди, и когда один из них посмотрел в мою сторону, я отвёл взгляд и отвернулся. День пролетел очень быстро, как жаль, что нельзя было добавить к нему ещё пару часов. Пришло время вернуться в то единственное место на земле, где я бы хотел оказаться в тот момент: в тюрьму. Больше я не смотрел в их сторону, но тут один из них быстрыми шагами подошёл ко мне и положил руку мне на плечо.

— Пошли, Леон, — тихо произнёс он. — Пора.

Было такое ощущение, как если бы я вдруг оказался в безвоздушном пространстве.

— Хорошо, хорошо, сейчас, — сказал я ему. — Можно я только попрощаюсь с отцом.

Видно, офицеру всё это уже порядком надоело, но он всё–таки позволил мне попрощаться с отцом.

— Ладно, иди, сделай то, что считаешь нужным, — отрывисто произнёс он.

Я подошёл к отцу и мы на прощание крепко обнялись. Мне так необходимо было оказаться в кругу семьи, чтобы пережить весь этот ужас, но день подходил к концу и я уже не принадлежал себе, мне предстояло выпрямить кривую линию моей жизни.

Охранники Монро даже не стали проверять мои сигареты, когда защёлкнули замок на моей камере. Поэтому, благодаря моим дружкам–гангстерам, всё наше крыло было укурено на протяжении нескольких месяцев. Надзиратели никак не могли

взять в толк, как всем их подопечным удавалось быть такими нагруженными. Они из кожи вон лезли, трясли каждого, но никто так и не раскололся. Веселье оборвалось в тот день, когда один из надзирателей поймал меня за этим занятием во дворе. Я помчался к себе и спустил весь оставшийся запас травы в унитаз. Когда же они, а мы это называли зачисткой, нагрянули в мою камеру позже этим же вечером то, выпотрошив всю камеру, не нашли ничего.

Чарльз Паскаль, адвокат, его нанял отец для помощи в делах моего брата, навестил меня и рассказал, с чего лучше всего начать. Помимо моего досрочного освобождения, Чарльз сделал ещё одну важную вещь, он связал моё будущее с Фондом Джими Хендрикса, основанным моим отцом совместно с Фредди–Мей Готье. Это, плюс хорошо оплачиваемая работа, плюс постоянный адрес (дом отца) и плюс система, нуждающаяся во мне на воле, всё вместе и послужило основанием моего досрочного освобождения.

Слава Богу, всё срослось и до моего окончательного освобождения оставалось 30 дней. И у меня не было никакого желания, чтобы что–то встало между мною и открытыми воротами Монро.

— Люди, заприте меня в камере на месяц, — просил я надзирателей. — Мне не нужны неприятности. Ни в столовой, ни на дворе. Позвольте мне просидеть в моей камере все эти дни до самого моего освобождения.

В ответ они рассмеялись, я же был серьёзен как никогда. Не было на свете вещи важнее для меня в тот момент, чем тихо–спокойно провести остаток времени и затем окончательно воссоединиться со своей семьёй.

Глава 14. Свобода и последствия

В январе 1971 года я, одетый в тот самый костюм, который был на мне в день похорон Джими тремя месяцами ранее, вышел за железные ворота Монро. Наконец–то я смог изобразить из себя свободного человека, сделав первый глоток незамутнённого воздуха. Я находился в Монро, всего каких–то 10 коротких месяцев, но по ощущению их было гораздо больше. К сожалению, одним из условий моего досрочного освобождение, был постоянный адрес и мне пришлось поселиться у отца. Жить с Джун и Жени? Это совсем не то место, где мне хотелось бы жить. Отец постоянно был рядом и зудил о 8–ми часовом рабочем дне. Моё положение в Фонде Джими Хендрикса не было чем–то, к чему можно было отнестись с полной серьёзностью. Он назначил меня вице–президентом (чего именно, я никак не мог понять), должность эта была обозначена только на бумаге. Тем не менее, у меня был отдельный кабинет, но там кроме письменного стола и единственного кресла не было ничего. Мы хотели утвердить моё положение и выполнить ещё одно из условий моего досрочного освобождения, и чтобы ни у кого не возникло желание отозвать приказ об освобождении и вновь изменить мой статус.

Мне не нужно было ни писать отчёты, ни ходить с докладами, потому что я не был ответственным ни за что. Чтобы доставить отцу приятное, я вписался на работу в прачечной университета Вашингтон, но это не могло продолжаться долго. Думаю, никому не надо объяснять, что стирать одежду и гладить рубашки не входило в круг моих интересов. Тут, рядом, на улице, лёгкие деньги, а я, да для меня почти невозможным стало ежедневно снимать стружку с рубашек за минимальную зарплату. Вы, может быть, решили, что я запомнил кое–какие уроки, покрываясь плесенью в Монро, но я был слишком ещё молод, чтобы что–либо осознать.

С того самого дня, когда Джими закопали в землю на глубину 6 футов, я тихо стал сходить с ума. Несмотря на то, что права на всё, чем обладал Джими перешли отцу, скоро выяснилось, что это всё оказалось почти ничем. Майк Джеффри пытался убедить отца, что это всё было "инвестировано" в разные предприятия по всему свету. Думаю, не ошибусь, если попытаюсь перевести слова Майка на человеческий язык:

"Я перекачивал чемоданы денег, заработанные Джими, последние несколько лет и открывал секретные счета в разных международных банках. По–моему, удачное вложение наличных денег."

Куда делись все те портфели полные денег, которые выносил Майк из касс после каждого выступления Джими, а этому я сам был свидетелем? Удивляюсь, как они могли пропадать на пути к брату? И, как если бы это объяснбение было недостаточным, Джеффри твердил, что после смерти Джими только 25 тысяч долларов оставалось на его счету.

Отец понял, что Джеффри участник какой–то двойной игры. С первого дня как я встретил Джеффри, я подумал о нём как о теневом бизнесмене. И теперь, когда Джими нет с нами, мы надеялись, что все секреты Джеффри проявятся на свет. Отец нанял адвоката по имени Кен Хэгуд, чтобы тот выяснил, куда исчезла большая часть денег Джими. Выяснения и переговоры с Джеффри затягивались на месяцы, которые вскоре переросли в годы. Всё выглядело так, что официально это не решить. Неужели нужно потратить жизнь, чтобы это выяснить?

Когда все вещи Джими были доставлены к нам домой, мы не знали с чего начать. Коробок оказалось очень много и мы часть из них разместили в гостиной. Отец сказал, что я могу взять из этого всё, что мне понравится, но разобраться во всём этом оказалось не так легко. Бесконечные стопки бобин с плёнками, записных книжек и разной одежды. В итоге большинство коробок поселилось под нашим старым столом для пинг–понга.

Всего два года прошло со времени лета любви, как цветок хиппи, так быстро распустившись, уже увял. Нет больше ни Джоплин, ни Моррисона, ни Джими, такое впечатление, что молодое поколение вдруг распалось на отдельные свои жизни. Женились, завели детей, стали оплачивать счета. Быть просто хиппи уже не можешь, не можешь тусоваться дни напролёт, нагружаться, или спать со всеми. Те дни ушли и хиппи теперь — составляющая часть рабочего класса, они подыскивают себе работу и новые пути своих жизней.

Я же совершил ошибку и не выбрал новое направление, а вернулся к прежнему образу жизни, вернулся на улицу. Немногие могут похвастаться, что центровая жизнь у них в крови, но я именно такой… в основном. Я даже купил себе новейшей марки Кадиллак. Хотя я и радовался своему приобретению, отцу это не понравилось.

— Ты плохо поступаешь, ты не смог бы купить его на заработанные деньги, парень, — сказал он, с неодобрением покачивая головой.

Отец хорошо знал, чем я занимался всё это время.

Я не только бы ни смог купить этот авто, но и одежду, ту, что на мне, и туфли из крокодиловой кожи, и шёлковые рубашки, и бархатные брюки. И поскольку я вернулся к своему бизнесу, у

меня не оставалось времени спокойно посидеть и поразмыслить о трагической смерти Джими. Но такое не могло продолжаться вечно, хотя я и был занят своими улицами.

Однажды, это было несколько месяцев спустя Монро, мои эмоции прорвались наружу. В перерыве между делами вся тяжесть случившегося с новой силой обрушилась на меня, и отец почувствовал в тот день то же. Только два раза я видел его плачущим, когда он услышал, что наша мама, его Люсиль, умерла и в тот день, когда хоронили моего брата. Никогда больше отец не позволял себе выказывать эмоцию, он не показывал боль о Джими, но я чувствовал, что он также переживал утрату как и я, и мы оба испытывали всё нарастающую боль.

Я не представлял, что могло произойти с моим братом в ту фатальную ночь в одной из лондонских гостиниц. Никто толком не знал, что случилось, и, возможно, никто и не хотел этого, особенно Майк Джеффри. Думаю, это его рук дело и поэтому он хотел соскочить. Но что он сделал на самом деле? Может он не собирался доводить дело до летального исхода, а только получить страховку? С самого первого момента я понял, что Майк — не только отъявленный лжец, но и тёмная лошадка. Я не думал, что он способен дойти до убийства, но то, что он вытягивал из Джими все жизненные соки, было мне ясно. Да, но кто скажет правду?

Разговаривая с теми, кто был на той лондонской вечеринке, я узнал, что многие почувствовали себя плохо в тот вечер и вынуждены были обратиться к врачу. Джими же никуда не обращался и вернулся в гостиницу. Как обычно проглотил несколько таблеток снотворного, как обычно выпил немного вина и съел сандвич с рыбой, по крайней мере, все так говорят. Слишком мало, чтобы можно за что–то зацепиться. Рассказ каждого, с которым я беседовал, в чём–то обязательно противоречил другому. Правду так и не узнать никогда, а всё, что мы знаем, это только слухи и домыслы. Ни у кого, включая и меня, нет никаких чётких доказательств, чтобы построить хоть какую–нибудь правдоподобную версию смерти Джими.

Из всех нас, только Джун регулярно ездила на могилу Джими, ни у отца, ни у меня не возникало желания совершать такие поездки. Созерцание могильного камня нисколько не могло помочь нам. Для нас он был просто небольшим куском скалы, лежащим на траве. Лично для меня душа брата покинула нашу землю ещё в тот момент, когда его сердце остановилось в ту трагическую ночь. Всё же каждый год в День Поминовения отец воображал себе, что обязан появиться у его могилы и обыкновенно звал меня с собой. Но я на это никак не реагировал.

Я предпочитал оставаться дома в этот день, ставил какую–нибудь из пластинок брата и предавался воспоминаниям. И когда его гитара скрежетала через мои колонки, было такое чувство, что брат находился в комнате рядом со мной.

Пока Джими был жив, я просто наслаждался его музыкой, но после того как его не стало, я почувствовал силу его стихов. От многих его поклонников, я слышал то же самое. Они были так заколдованы его музыкой, его сценическим действом, что даже не обращали раньше внимание на его стихи.

Мы с моими приятелями часами слушали пластинки Джими. И совершенно закономерно, что я стал видеть автобиографичность многих его вещей, таких, как например, Castle Made of Sand, Wind Cries Mary, Maniac Depression и Little Wind. В Little Wind я практически узнал себя и считаю, что он посвятил её всем тем женщинам, которые заботились о нас всю нашу жизнь. Он писал о наших подружках, наших тётушках, о нашей маме, чью заботу я чувствую до сих пор, которую она проявляет с Небес. А его фантастические и далёкие от жизни песни, такие как Burning of the Midnight Lamp, тоже мне очень понятны и близки, они такие же как его детские рассказы, которые он мне всё время рассказывал, лежа на траве на заднем дворе.

Его музыка времён Band of Gypsys может быть наиболее мне близка, она затрагивает самые глубины души. Именно к такой, полностью соответствующей его видению, группе он всегда стремился. Всё говорит о том, что брат был на вершине свободы своего творчества: Билли Кокс и Бадди Майлз держат настроение, а Джими своей гитарой уводит нас в какие–то другие миры. Наконец–то он сбросил с себя клеймо поп–звезды и сконцентрировался на своём предназначении, смог стать чистым артистом. Уже первая вещь, Power of Soul, есть нечто выдающееся. А длинная свободно развивающаяся тема Machine Gun для меня это сплошной поток страхов моего брата. В стихах — паранойя брата, будто кто–то всё время стремится его убить. Многие, кто был рядом с ним, определённо имели на него зуб, и он чувствовал это на себе каждый день. Я вслушивался в неё ещё и ещё, и она приводила меня в трепет, настолько ярко брат рисовал картину своего убийства. Всё говорило о том, что он предчувствовал близкий конец. После распада Экспириенса этот коллектив был его первым шагом в выбранном им самим направлении, но я был уверен, что не стал бы последним в его музыкальном путешествии. Он часто мне говорил, что хотел сочинять симфонии и дирижировать оркестром.

Другая моя любимая вещь, это Angel, с посмертного

студийного альбома The Cry of Love, изданного в феврале 1971 года. Она — продолжение Little Wind. Снова он рассказывает о поддерживающих, защищающих и любящих женщинах, которые заботились о нём даже с Небес, спускаясь к нему, чтобы защитить от окружающего его мира.

Музыка брата приобрела для меня ещё больше смысла, после того как он ушёл. Меня часто стало посещать ощущение, что он был глубоко несчастным человеком. Я этого не замечал, пока он был жив, но теперь для меня это очевидно. Безусловно, он мог бы найти выход из создавшейся вокруг него ситуации и довлеющего менеджмента и нашёл бы его, но определённо это не коснулось бы его личной жизни.

Большинство наших друзей и членов семьи были безутешны поле смерти Джими, но со временем, я неожиданно для себя обнаружил какую–то внутреннюю силу в самой глубине моего сердца. Как если бы дух Бастера вселился в меня. Куда бы я ни пошёл, чтобы я ни делал, я чувствовал его присутствие, и это ощущение помогло мне преодолеть горе утраты.

Не могу описать моё дальнейшее существование лёгким, буквально каждый спрашивал у меня о брате. Эти расспросы не беспокоили меня, пока он был жив, но теперь… они стали наваждением.

Куда бы я ни пошёл, я слышал одно и то же:

— Эй, а ты случаем не брат Джими Хендрикса?

— Нет, дружище, ты, должно быть, спутал меня с кем–то, — отвечал я.

Я перестал быть собственником своей жизни и не мог просто пройти по тротуару или зайти в бар выпить чего–нибудь без того, чтобы не быть пойманным за рукав каким–нибудь любопытным. У меня не было никакого желания погружаться в беседы с незнакомцами каждые пять минут. Но я попал в какой–то кошмарный поток. Каждый раз, когда меня всё же удавалось вовлечь в разговор о Джими, это становилось очередным кошмаром. Бывало и так, что мне даже не удавалось убедить людей, что Джими мой брат, какие подробности я бы про него не рассказывал, многие, не веря мне, говорили:

— Слушай, не заливай, это уж слишком.

Народ стал гоняться за его именем. За каждым углом нас с отцом стали подстерегать всякие торговцы, ища своей выгоды. Крупные и мелкие дельцы со всего света старались запастись нашим разрешением на использование его имени, или купить права на рассказ о нашей жизни, или на какие–нибудь документы, или на создание фильмов. При этом обязательно пытались убедить нас, что в будущем они смогут отбить для нас

кучу денег. Но я знал все их хитрости наперёд. У нас на улицах такое называлось просто динамой.

Уважение и признательность стали постоянно нам выражать, с тех пор как его не стало. Как–то однажды, это было, помню, уже на следующий год, мне позвонил отец и сказал, что ему позвонил Боб Дилан и, пригласив нас на свой концерт, сказал, что пришлёт за нами машину. Я подумал, что это просто жест вежливости, за которым часто ничего не стоит. Я никак не предполагал, что он в самом деле пришлёт лимузин к нашему дому. Но я удивился ещё больше, когда мы забрались внутрь. Оказалось, что за нами заехал сам Боб.

Как артиста, мы знали Боба человеком скрытным, с вкрадчивым голосом, но вблизи он оказался очень открытым и дружелюбным. Ещё в мою бытность с Джими я заметил, что он никогда ярко не одевался и не вел себя на сцене так, как другие рок–звёзды. Боб старался быть незаметным. Шляпа, тёмные очки, немногословен. Поэтому, когда он всё же открывал рот, чтобы что–то сказать, все ловили каждое его слово. По дороге в театр Парамаунт, где должен был состояться его концерт, он даже спросил нас с отцом, не составим ли мы ему компанию в боулинг после концерта. А когда он сказал, что помнит меня, а видел он меня, оказывается, несколькими годами ранее в голливудском театре Pantages вместе с Джими, я даже не знал как на это отреагировать. И если честно, я был слишком нагружен, чтобы вспомнить ту случайную встречу.

— Я большой поклонник творчества вашего брата, Леон, — сказал мне Боб.

Это была одна из тех немногих фраз, которые он произнёс за весь вечер, но помнить её буду я всю жизнь. Для меня она имела огромное значение. Услышать похвалу моему брату от одной из величайших рок–легенд всех времён!

Но к сожалению, мы тем вечером так и не сыграли в боулинг с Бобом.

Мой бизнес процветал и к 1972 году деньги лились рекой. За короткий период я разбогател, как если бы наткнулся на материнскую жилу, и неважно толкал ли я колёса, играл ли в бильярд, или кидал кости. Все кругом стали меня звать не иначе, как Счастливчик Леон. Моя благодетельница Мадам Судьба позволила мне навсегда закрепить за собой номер в Вашингтон—Плаца. Но в глубине души я понимал, что вечно это не могло длиться. Невозможно сохранять такой бешенный темп и одновременно оставаться в здравом уме. Мне нужны были глаза на затылке все 24 часа в сутки, чтобы быть уверенным, что никто не хочет меня ограбить или не дай Бог, чего похуже. И когда

большинство из моих друзей постепенно перебрались жить по тюрьмам, стало ясно, что праздникам на наших улицах придёт скорый конец.

Я решил на время отойти от дел, стараясь найти легальный выход из создавшейся ситуации. И так как я знал всё про ночную жизнь нашего города, я основал компанию Hendrix Productions и стал распределять музыкальные коллективы по клубам, но это меня не увлекло. Ещё одной альтернативой был отцовский ландшафтный бизнес, которым я тоже занимался, но время от времени. Дело его шло в гору, теперь те 8–9 долларов за стрижку газона, которые он получал в прежние времена, выросли в 50 и основной его задачей стало проверять рабочих и вести переговоры с клиентами.

Положение с наследием Джими полностью изменилось 5 марта 1973 года, когда мы с отцом получили известие, что Майк Джеффри погиб в авиакатастрофе. За этим сообщением пришли сенсационные подробности о столкновении высоко в воздухе пассажирского самолёта испанской авиакомпании и военного истребителя где–то не то над Францией, не то над Испанией. В его смерть верилось с трудом, тем более что тело Джеффри так и не было найдено. Ситуация повернулась ещё более интересным образом, когда в газетах всплыл материал о работе Джеффри в прошлом в Отделе M15 Британского правительства (Отделе по борьбе с терроризмом и шпионажем) и возможной его связи с ЦРУ. Ноэл Реддинг отмечал во многих своих интервью, что уверен, что Джеффри спланировал свою смерть и с миллионами Джими сбежал на какой–нибудь отдалённый остров. Таким перевоплощениям мог бы позавидовать сам Джеймс Бонд.

Поскольку Джеффри выбыл из уравнения с многими неизвестными (или самоудалился, что вернее всего), наша тётушка Фредди–Мэй Готье, убедила отца обратиться к известному адвокату Лео Брантону, специализирующемуся на шоу–бизнесе и представляющему интересы таких знаменитостей, как Нэт–Кинг Коул и Дороти Дэндридж. Одной из причин, убедивших отца обратиться именно к Брантону, было не то, что он представлял известных звёзд, а то, что он в начале 60–х участвовал в движении за гражданские права. Когда Брантон взял на себя контроль над защитой наследия Джими, он вышел на джазового продюсера Алана Дугласа, близкого друга моего брата, который работал с такими великанами как Дюк Эллингтон и Майлз Дэвис, чтобы тот помог разобраться с музыкальным наследием Джими. Отец оставил их разбираться с делами, а сам вернулся к своему обычному образу жизни. Он был уверен, что за

спинами Лео и Алана он сможет полностью сконцентрироваться на своём ландшафтном бизнесе.

Рассовывая музыкальные коллективы по городу, я встретил очаровательную молодую девушку с рыжими волосами и зелёными глазами по имени Кристин–Энн, в которую сразу же влюбился. Вскоре мы стали жить вместе, а через год, 3 февраля 1974 года, поженились. Радость отца была неописуема и он даже помог нам внести первый взнос за дом на берегу озера Вашингтон. Немного времени спустя, как мы переехали в новый дом, нас с Кристин Бог наградил рождением дочери, Леонтины, или коротко, просто Тины. О чём оставалось мечтать!

Отцу доставляло удовольствие помогать нашей молодой семье начинать новую жизнь, но тут вмешалась Джун. Она была недовольна тем, как отец обращается с деньгами. А после того как отец вложил в мой новый дом 25 тысяч, она сразу позвонила мне:

— Твой отец не в состоянии покупать тебе дома! — визжала она в трубку. — Прекрати доить его!

Смешно. Я хотел было ответить, что он тратит не чьи–либо деньги, а свои личные и какое ей до этого дело?

Я никогда бы сам не попросил у отца денег, это его было желание. Он всегда давал мне, когда я нуждался, а теперь он дал их для своей внучки. Он был счастлив, что мог это сделать для неё, тогда как не мог это сделать для меня, когда я был ребёнком.

Мне ничего не оставалось, как закрывать глаза на проделки народа, приходящего в наш новый дом в надежде украсть какие–нибудь вещи, принадлежащие Джими. Даже мои близкие друзья рыскали по дому в поисках сувениров.

— У тебя сохранились старые носки брата? — как–то однажды полюбопытствовал один из моих друзей.

Носки. Этот парень всегда впивался в меня как клоп в желании получить от меня какой–нибудь памятный подарок, и я решил, что пришло время его обрадовать.

— Конечно, дружище, — сказал я ему, жестом показывая на пару моих грязных носок, валяющихся на полу рядом с корзиной для белья. — Вот, там, в углу, лежит пара, Джими их очень любил.

Если бы мне рассказали, я бы не поверил, но я видел это собственными глазами. Мой приятель, не проронив ни слава, метнулся на кухню и возвратился оттуда, держа в руках целлофановый пакет. Затем, он аккуратно, как если бы это был золотой песок, зачерпнул им носки! Я же, сидя на диване, наблюдал эту немую сцену, подняв пакет, он поднёс его к своим глазам, думаю, чтобы лучше рассмотреть грязь на носках.

— Я никогда не стану его открывать, — заверил он меня торжественно.

— Без проблем, — сказал я. — Думаю, сегодня великий день и он запомнится навсегда, так что я дарю их тебе. Они твои, дружище.

Уверен, чёрт побери, этот пакет с моими грязными носками он до сих пор хранит у себя на каминной полке.

И если бы я вздумал разуверить его и попытаться убедить вернуть мне мои носки, он, думаю, не поверил бы мне и ни в коем случае не отдал бы мне их назад. Народ хотел верить в свои фантазии, не хотел знать правду и каждый хотел иметь, что–нибудь, что принадлежало Джими. Я стал называть это вуду Хендрикса. И ничто не могло их остановить.

Тихо катились своей дорогой 70–е и у нас с Кристин появились ещё одна дочь, ЛеАнна, и сын Алекс. Впервые в жизни я всё делал для того, чтобы содержать свой дом в полном порядке. Я даже устроился на полставки личным курьером и мне платили твёрдую зарплату. День за днём я проводил время, доставляя важные документы из банка в банк по всему городу. Мне даже выдали ключи от большинства основных отделений, чтобы я мог доставлять пакеты после конца рабочего дня. Вспоминая юность, когда я обдумывал планы как бы хитрее проникнуть в какой–нибудь банк, я беспрепятственно вальсировал через парадную дверь любого отделения банка. Не правда ли, комическая ситуация? Если бы только мои старые дружки видели бы меня в этот момент! Или вы удивляетесь, почему компания смогла нанять меня для такого рода занятий? Не торопитесь, я всё объясню: мои близкие друзья изъяли все полицейские документы, связанные с моим прошлым из моего дела.

По большей части все Хендриксы в нашем городе были преуспевающими семьями. Мы все вместе проводили праздники, вместе встречали дни рождений. Отец был в восторге от Кристин, подарившей ему таких замечательных внуков. Его лицо расплывалось в широчайшей улыбке, каждый раз как он приходил к нам и счастливого деда окружали малыши. Отец любил баловать их подарками и, будьте уверены, они ценили его внимание. Всякий раз, когда нам с женой приходилось туго и мы не справлялись с оплатой счетов, он, не задумываясь, приходил нам на помощь.

Отец продолжал заниматься своим ландшафтным бизнесом и дело его расширялось с каждым годом. На неделе я был занят своей курьерской работой, но зато в субботнее утро он заезжал за мной и мы объезжали все его точки, разбросанные по всему

городу. И сколько раз я ему не пытался объяснить финансовую сторону его нынешнего положения, он никак не мог понять, почему ему уже не нужно самому работать. Он единственный контролировал всё музыкальное и денежное наследие Джими, но он по–прежнему не мог разобраться во всех нюансах. В его понимании это всё было давно ушедшими днями. Для него наследие Джими было чем–то чужим и он чувствовал себя временным работником, которого наняли помочь разобраться с делами. И он пытался переложить свою роль на плечи адвокатов. Более того, он отказывался понять, что Джими достиг величия. Но ещё большей проблемой оказалось то, что отец верил всему, что говорили ему адвокаты. Он подписывал любые документы, которые они говорили ему подписать, и одобрял всё, что они хотели, чтобы он одобрил.

Не прошло и нескольких лет, как он передал управление наследием Джими в руки Лео Брантона и Алана Дугласа, отец наконец–то осознал, что он имел с этого целых 50 тысяч долларов в год. Когда он мне это сказал, я услышал, как моя челюсть грохнулась об пол. Отец верил всему, что они ему говорили, даже тому, что интерес к музыке Джими стал пропадать. К тому же такие большие деньги он никогда в жизни не зарабатывал и он посчитал себя сказочно богатым. Ему и в голову не приходило, что необходимо самому контролировать денежные дела.

— О чём ты говоришь? — спрашивал я его. — Пластинки Джими всё ещё на пике популярности и продаются миллионами. Его фотографии во всех витринах магазинов!

— Брантон знает, что делает, и у меня нет претензий к нему и спорить я с ним не собираюсь, — отвечал мне отец. — Я не хочу ничего подобного в его адрес слышать от тебя. Брантон мне в одно ухо говорит одно, вы же с Джун говорите в другое совершенно противоположное.

Отношения в семье стали меняться с рождением моего сына Джейсона в 1980 году. Мои взаимоотношения с Джун постепенно ухудшались с того момента как я завёл себе семью и к этому времени пришли к своему естественному завершению. Во–первых, я не мог понять, откуда она вообще появилась в нашей семье, ведь раньше у неё было такое мягкое сердце. Я часто расспрашивал её мать о ней, об отце, как у них это всё началось. Но она только отвечала, что её совершенно не волнует, что отец так много времени проводит со своими внуками и тратит деньги им на подарки. Я хорошо помню, как однажды, позвонив отцу, трубку сняла Джун, голос её звучал более чем враждебно.

— Ты мне не сын! — взвизгнула она с японским акцентом. — Джими — мой сын, но никак не ты!

А однажды вечером я зашёл к отцу и увидел Джун с перекрашенными в пурпуровый цвет волосами. С каждым разом она становилась всё эксцентричнее и эксцентричнее. Она стала носить цветастые рубашки моего брата и ходить в них по дому. Я не представлял, что с ней происходит и только подумал, что это эффект вуду Хендрикса. Она зациклилась на славе моего брата и не могла ни о чём другом думать, кроме денег. Вскоре всю свою ненависть она обрушила на меня и на мою семью. В момент исчезли все наши фотографии из отцовского дома. Не осталось ни одной доказывающей существование моей семьи. Один мой друг объяснил мне, что такое поведение называется "японской смертью", когда кого–то стирают из ежедневного обихода и в один прекрасный день он становится всеми забытый. Когда я об этом сказал отцу, он ничего не смог мне ответить. Он оказался посередине между мной и Джун, и ничего не хотел предпринимать, чтобы улучшить ситуацию.

— Джун и Жени не любят тебя больше, — сообщил мне отец.

— Почему? — спросил я его.

— Не знаю, не понимаю.

Джун вела себя как ребёнок и вспыхивала от гнева, когда отец слишком долго задерживался у нас, играя с внуками. Она громко возмущалась по поводу, что отец давал нам денег, и дошла до того, что стала на него кричать, говоря, что я не его родной сын.

Негодование Джун постепенно отразилось в её дочери Жени, но в ещё большей степени. Совсем недавно, когда она была ребёнком, мы были очень близки и я заботился о ней почти всё время. Тем более что с некоторых пор я жил в их доме на Сиворд —Парк пока с Кристин—Энн не переехал в собственный. По утрам я отводил её в школу и часто оставался за няню, когда ни отца, ни Джун не было дома. Но однажды я ушёл и завёл свою собственную семью, думаю, тогда стало меняться чувство её ко мне. Наверное, в этом причина, не знаю.

Я жил своей жизнью, а Джун тем временем, нашёптывала отцу, что я нехороший человек. По праздникам, дом наполнялся японцами и среди них где–то… был мой отец. Когда мы всей семьей приходили в дом к отцу, мы были там, как чужие и, в конце концов, я сдался и перестал их навещать. И если отец хотел повидать своих внуков, он останавливал свой грузовик около нашего дома. Я пытался звонить, но Джун отказывалась говорить и делала всё, чтобы моему отцу было всё труднее видеться с нами. Вся ситуация выглядела со стороны очень нелепо. Жени также стала игнорировать меня и не хотела иметь ничего общего с моей семьёй. Я не мог понять, что происходит, потому что с

моей стороны я не делал ничего, что могло бы вызвать такую реакцию. И я отпустил ситуацию. Тем более что забота о жене и детях требовала всего моего внимания.

Джун добилась своего, отца утомило такое положение вещей и мы перестали видеться. Он выкупил её дом на берегу озера Вашингтон и продолжал всё своё время отдавать своему ландшафтному бизнесу. Однако сказывался возраст и он уже не мог, как прежде везде поспевать. И, несмотря на грустный опыт начала 60–х, он всё ещё любил выпить и покурить.

Переломный момент наступил, когда в конце 1983 года с отцом случился сердечный приступ. В больнице, внезапно нарисовались адвокаты и денежные тузы с огромными кипами каких–то бумаг. Казалось, все они играли какую–то свою музыку, а тут вдруг всё разом могло прекратиться. Каждый из них стремился успеть урвать себе кусок от пирога, пока жив ещё отец.

И, как если бы этого было мало, отца положили в ту же больницу, где лежала Кристин в ожидании нашего пятого ребёнка. Я метался между двумя отделениями, пока врач не сказал, что родился мальчик и мы стали счастливейшими родителями на свете, но проходя через больничный холл, меня вдруг осенило, что ребёнок родился в день рождения Джими, 27 ноября. Совершенно очевидно, что мы его назвали Джими Хендрикс Младший. Было такое чувство, что брат улыбнулся с Небес моей семье в этот вечер.

После операции, доктор ещё раз предупредил отца, чтобы он воздержался от курения и спиртного на период выздоровления. После стольких лет злоупотребления, тело уже не могло справляться с его страстью. Ясно, что отцу не пришлись по душе эти рекомендации. Он был упрям и никогда не принимал во внимание советы других, даже если это были доктора или хирурги. Отец определённо не собирался ничего менять в своей жизни. Несколько лет назад он сам стал контролировать количество выпитого спиртного и выкуренных сигарет и подумывал мне передать свой ландшафтный бизнес, но я уже вернулся к своим рисункам и у меня было много заказов от разных компаний на мои картины на чёрном бархате. А один из местных дельцов даже начал выплачивать мне ежемесячную премию за мои четыре–пять работ, которые он пустил в производство и стал продавать по предварительному заказу.

Казалось, всё в моей жизни улеглось, но неожиданно наступила чёрная полоса. Кокаин, уже давно ушедший из моей жизни, вернулся и занял главенствующую роль. В 1985 году я попал в ужасную автокатастрофу, сильно ударился головой и повредил спину. Я получил несколько тысяч долларов страховки,

которая накопилась за последние годы. Мне пришлось принимать сильнодействующие медикаменты, чтобы унять боль в спине. Поверх этих таблеток и антидепрессантов, прописанных врачами, я стал добавлять от себя кокаин. Первую пару недель мне хватало грамма и я устраивал внутри себя небольшой взрыв, который помогал мне войти в новый день после почти бессонных ночей, проведённых над моими картинами. Но дни шли, а доза увеличивалась.

Положение ухудшилось до предела, когда крэк затмил собой всё. И тут я впервые в жизни осознал какое это зло — наркотики. Какую иллюзию экстаза я испытывал целых десять лет моей жизни. Я по–прежнему продолжал работать весь день и делать все свои домашние дела, но я попал в худший вид зависимости.

Я старался всплыть и сделать что–нибудь хорошее для общества. 8 марта 1988 года мы с отцом основали Фонд Деймса Маршалла Хендрикса, некоммерческую благотворительную ассоциацию в память о великодушии моего брата. Он всегда в нас вселял уверенность, пока был жив, и мы хотели, чтобы его именем освещалась жизнь и в будущем. Миссия Фонда заключалась в способствовании и поддержке креативно мыслящих, и в первую очередь детей. Деньги Фонда должны были пойти на развитие программ, касающихся музыки и искусств, укрепляющих взаимопонимание, этнос и, конечно же, мир на земле. Фонд мог стать вкладом нашей семьи в развитие города, в котором проходила вся наша жизнь.

Я позвонил своему двоюродному брату Бобби и спросил, не хочет ли он присоединиться к нашей семейной благотворительной ассоциации. Он занимал пост исполнительного директора в компании Костко и я подумал, что он мог бы помочь нам с отцом в организации работы нашего будущего офиса. Но когда он приехал из Ванкувера, всё оказалось не так радужно, как представлял себе я. Я предложил ему занять пост казначея Фонда, но он не проявил никакого интереса и сказал, что его устраивает его положение в компании. Бобби ясно дал мне понять, что связь с делами двоюродного брата, умершего от передозировки наркотиков, могла повредить его карьерному росту. Я остался один и мне предстояло дойти до самого конца, не рассчитывая ни на кого.

Несмотря на мои попытки улучшить окружающий меня мир, дома всё шло кувырком. Невозможно было увязать домашние заботы с нарисовавшимися в моей жизни наркотиками. Характеры у нас с женой стали портиться и к тому времени как родился наш шестой ребёнок, Джонелль, мы с Кристин осознали, что наши отношения перешли грань. Мы стали редко видеться, а

забота о детях приобрела очерёдность. Сначала она исчезала на время, а когда возвращалась, то я уходил заниматься своим уличным бизнесом. Игра шла не по правилам и мне это очень не нравилось, но я полностью зависел от наркотиков и мог думать только о следующей дозе.

Глава 15. Мошенники от рок–н–ролла

Отец был в восторге от того, что вот уже 20 лет, он получал ежегодно 50 тысяч долларов с наследия Джими, и когда однажды Лео Брантон вручил ему 100 тысяч, он был на вершине счастья. И поскольку отца совершенно не интересовала деловая сторона, у Брантона были полностью развязаны руки. Я не раз пытался объяснить отцу сколь запутанную игру можно вести с финансами, но у него не возникало ни малейшего желания разобраться в делах. И когда я оказывался, по его мнению, слишком настойчив, он просто отворачивался от меня или обрывал меня фразой:

— Лучше иметь дело с чёртом, которого ты уже изучил, чем нанимать чертей, которых ты ещё не знаешь.

Было приятно осознавать, что если моим детям вдруг понадобится помощь, деньги были всегда рядом. Время от времени отец убеждал Лео выписывать чек и на моё имя для поддержки моей семьи.

Однажды, это было в ноябре 1991 года, мы тогда с отцом приехали в Голливуд на торжество по случаю ввода Джими в легендарный Зал Славы, Лео отозвал меня в сторону и сообщил, что ему необходимо обсудить со мной один важный вопрос.

— Я хочу донести до вашего сведения, что ваш отец уполномочил меня заключить с вами некое соглашение, — сообщил он мне. — Прошу вас подождать и я вышлю вам все необходимые бумаги в течение месяца.

Я не мог понять, почему Лео стал так вдруг туманно объясняться, но известие это звучало многообещающе для меня. И если он хотел, чтобы я получал деньги, что ж тут плохого. После такого краткого разговора у меня не было пищи для ума, пока через несколько месяцев я не получил от него письмо. В нём говорилось, что несколько лет назад отец стал обладателем прав на музыкальное наследие Джими на некоторый период времени с обязательными ежегодными отчислениями. Я подумал, что речь идёт о тех 50 и 100 тысячах, которые он получал ежегодно. В письме также говорилось, что срок действия лицензии истекает в ближайшем будущем. Затем Брантон подчеркнул, что отец намеревается продлить лицензию на, как назвал их Брантон, реверсивные права, но теперь Лео нужны подписи не только мои, но и подпись Жени. И если с отцом что–нибудь случиться, то мы станем прямыми наследниками этих прав. Подписав эти бумаги, мы при желании сможем получить миллион при отказе от прав на

музыкальное наследие Джими.

Отложив свои подозрения на годы вперёд, я незамедлительно поставил свою подпись. Кокаин в те дни был для меня важнее и я не стал вникать во все подробности соглашения, несмотря на то, что я был закалённым уличным толкачём. я, может быть, совершал самую большую ошибку в моей жизни, но мозг меня в те дни не слушался и все юридические словечки, из которых были сотканы эти простыни, я пропускал мимо моего сознания. А миллион долларов? Эта цифра кричит, она звенит в ушах. К тому же, почему не открыть счёт в банке на моих детей, ради их будущего? Скрытые же адвокатские крючки не смогли зацепиться за мои мозги. У меня были рты, которые нужно кормить и семья, которую нужно было содержать, поэтому я просто обрадовался его предложением и только.

И когда Брантон позвонил, что готовы мои 100 тысяч, я испытал сильнейшую дрожь.

— Я перешлю вам чек, как только будет возможность, — сказал он.

— Нах, нах, нах, — ответил я. — Не беспокойтесь. Я специально прилечу к вам за ним.

И будьте уверены, на следующее утро я уже прилетел в Лос–Анжелес и оказался у дверей его канторы ещё до открытия. Оглядываясь назад, скажу, что получение этих денег возможно худшая вещь, которая когда–либо со мной случалась, потому что моя зависимость от крэка давно к тому времени вышла из–под контроля. По возвращении в Сиэтл я закупил большую партию и стал перепродавать в больших объёмах, чем обычно.

К моему неудовольствию, я вскоре заметил, что одним из условий получения денег от Брантона было обращение в центр реабилитации. Это не входило в мои планы, но я совершил это телодвижение, чтобы спасти остальное. Цент реабилитации в Орегоне, в который я записался, был похож больше на дорогой загородный клуб, чем на медицинское учреждение. Завтрак мне приносили в постель и у меня был отдельная комната. Меня предупредили, что с собой я не мог взять ничего, поэтому чувствовал я себя больше как на отдыхе, чем на лечении. Тридцать дней я считал часы до моего освобождения. Они хотели послать меня в другой центр в Миннесоте, но у них там что–то не срослось и я, сразу после перелёта в Сиэтл, направился прямиком из аэропорта Си–Тэк в одно из моих любимых местечек загрузиться по полной. В моём искорёженном сознании жизнь мне представлялась прекрасной.

Условия, которые предложил Брантон, меня вполне устраивали, Жени же, напротив, решила нанять своего адвоката.

В бумагах она обнаружила слишком много подозрительных мест. Жени сообщила мне, что её поверенный выяснил сильные расхождения в оценке музыкального наследия Джими. По слухам Лео получил по лицензии MCA Music Entertainment Group около 40 миллионов долларов. И благодарим Бога, что отец, наконец, перестал игнорировать сложившуюся ситуацию.

Королевство Брантона рухнуло. С помощью Жени отец сложил разрозненные фрагменты в общую картину и в начале 1993 года нанял нового поверенного, сообщив Лео письменно об отставке. Одновременно отец подал в суд на Лео, обвинив его в мошенничестве и использовании служебного положения в личных целях. Из предоставленных Лео суду бумаг, выяснилось, что ответчик основал много заморских компаний и владеет недвижимостью на Гавайях, беспрепятственно пользуясь деньгами отца, но оформляя всё на своё имя. Также выяснилось, что всё вовсе не было так чисто–гладко, как представлял себе отец последние 20 лет. Привлечены к суду также и жена Лео, Джеральдина, сын его, Чип, а так же и старинный друг Джими, Алан Дуглас.

Местные газеты запестрели заголовками, а Сиэрл Пост–Интеллидженсер опубликовала большую статью "Процесс Хендрикса — отец рок–звезды против захватившего авторские права." Когда известный сиэтловский компьютерный миллиардер Пол Аллен вник в ситуацию, то предложил отцу более 4 миллионов долларов на возвращение авторских прав, захваченных Брантоном. Дело вышло за пределы нашего города и приобрело всемирный резонанс в международной пластиночной индустрии.

Отец не разбирался, если не сказать больше, в судебном делопроизводстве, тяжбах и судах. Положение оказалось слишком тяжёлым для его понимания и легло тяжёлым бременем на его плечи на все следующие годы. Отцу уже было за семьдесят, а его память никогда не была острой. Он старался, как мог, ответь на все вопросы адвокатов, но очень часто вспомнить он ничего не мог.

Напротив, Жени быстро вникла во всё, и решила сама для себя, что никто другой не сможет лучше неё представлять интересы семьи. Её рассказы стали наполняться вымышленными деталями, если не сказать больше — она начала писать новую правду. Острая боль пронизывала мои внутренности, каждый раз, когда она произносила слова "мой брат." Многие были не знакомы с динамикой нашей семьи и считали, что она говорит истинную правду. Временами она даже утверждала, что Джими её биологический брат. Вымысел оказался более жизнеспособным,

чем сам факт, и, пользуясь любым удобным случаем, она рассказывала, как близки они с Джими были при жизни, как сильно он её любил и обожал. Правда же было в том, что брат видел её мельком три–четыре раза, когда ей было шесть и семь лет. Но многие покупались, для меня же это было чистейшей глупостью.

Дело Брантона длилось два года, вплоть до лета 1995 года, но так до конца и не распутались все следы. В итоге, адвокаты отца отсудили у Лео Брантона и Алана Дугласа права на музыкальное наследие Джими. Я обрадовался за отца и за нашу семью, потому что кому как не Хендриксам полностью контролировать наследство Джими. А отец смог вернуть одолженные у Пола Аллена 4 миллиона.

Я благодарен Жени за её участие в судах и за то, что она сумела довести дело до конца. Она же с помощью адвокатов создала в июле 1995 года для отца компанию Experience Hendrix, LLC. Отец стал главой компании и продал лицензию на право издания музыкального материала Джими MCA за 40 миллионов долларов. Это большое достижение для нашей семьи в целом, но судебный процесс так увлёк Жени, что она стала активно участвовать в делах компании и в дальнейшем. Оглядываясь назад, мне бы стоило более внимательно отнестись к её деятельности, но я был слишком занят своей собственной жизнью.

Даже после окончания суда над Брантоном и Дугласом и основания своей собственной компании, отец продолжал заниматься ландшафтным бизнесом. Он объезжал свои, разбросанные по всему городу участки, ругался с рабочими, вёл переговоры с клиентами. Все годы эта работа поддерживала в нём желание жить и они никогда бы не решился её бросить, невзирая на невероятные суммы, о которых он слышал от адвокатов на собраниях по делу компании. Эти собрания утомляли его и он доверил правление компании полностью в руки Жени, а сам погрузился в своё любимое дело. В тот момент и я мог присоединиться и вести активную роль в делах компании, но не проявил к этому никакого интереса. Я никогда не стремился к власти и, возможно, никогда бы не смог управлять чем–либо.

В то время наркотики в моей жизни полностью вышли из–под контроля, но, видимо, тогда, в 1996 году, всё достигло критической точки. Стало ослабевать моё увлечение крэком, но дурь я продолжал курить каждый день. И, несмотря на постоянный дурман в моей голове, я ежедневно толкал кокаин и имел десятку в неделю. Постоянный приток денег позволил мне купить роскошный пентхаус на Капитолийском холме в Сиэтле и

стал, как многие это делают, заправским домовладельцем. Дом красиво смотрелся снаружи, лужайка и всё такое, но внутри… страх и ужас. Редкие посетители приходили и уходили в надежде найти лучшее жильё, а я оставался там на ночь и очень часто с какой–нибудь новой подружкой. Многие оставались, чтобы просто заторчать — совершенно немыслимый калейдоскоп девичьих тел: Мишелли, Номер Один, Номер Два и Номер Три, даже русские были, Саша, Тася и Яна. 24 часа, семь дней в неделю непрерывной карусели событий.

Мои посетители обменивали на наркотики всё, что могли принести в руках, и вскоре моя квартира стала похожа на ломбард или таможенный склад изъятых вещей. Все ящики шкафов и комодов были забиты драгоценностями, украшениями, одеждой и разной техникой, выменянными на кайф. Одна тёлка даже принесла повидавшую виды гитару взамен на наркотики. Я не очень сильно тогда разбирался в гитарах и просто прислонил её в гостиной к стене.

Однажды вечером, помню, я тогда сильно нагрузился и лежал в небытии на диване. Вдруг, что–то загудело и затем раздался низкий чистый звук. Я открыл глаза и увидел как гитара медленно съезжает в углу. Вокруг струн образовались небольшие облачка пыли, видно, накопившиеся за прошедшие месяцы. Скорее всего, это было небольшое землетрясение, которое я не заметил из–за своего состояния, но отреагировала на него во всём доме только одна гитара. Затем, я увидел небо, облака, плывущие по сероватому небосклону, и услышал прекрасную музыку, которая слышалась всё громче и громче, таинственные звуки гитары. И голос Джими, где–то на задворках моего сознания, произнёс:

— Что ты хочешь от жизни, Леон? Уже пора, пришло время взять в руки гитару. Это всё, что тебе осталось сделать.

Очнувшись, я вскочил с дивана и бросился в угол, схватил гитару и… мысли мои унесли меня в тот, один из далёких дней нашего детства, когда в кладовке у миссис Максвелл Джими из мусора выудил укелеле. Остаток ночи я провёл, перебирая струны. С гитарой в руках я почувствовал, что не испытывал много лет, я ощутил некое направление и моё предназначение.

Во–первых, я едва знал аккорды, и, купив самоучитель игры на гитаре, я сошёлся с какими–то местными музыкантами. Не прошло и нескольких месяцев, как мы решили сколотить группу. Наконец, после стольких поисков своего места в этом мире, я нашёл его вместе со своей гитарой, я нашёл музыку, а музыка нашла меня. Я благодарен Случаю и доверился Музыке, она вывела меня из тьмы и помогла собрать остатки моей жизни

воедино.

Вскоре я открыл одно замечательное свойство гитары — заполнять пустоту, оставляемую наркотиками. Впервые в жизни, у меня было что–то, во что я мог вложить энергию и вылиться эмоционально. С той минуты всего себя я отдал музыке, я не оглядывался назад, я ясно чувствовал, что на верном пути. Все, кто меня знал, поддержали меня, но искренне боялись за моё будущее. Они знали, насколько жесток музыкальный бизнес, пожирающий музыкантов и выплёвывающий их обглоданные розовые косточки. Но мне было наплевать. Я не помню, чтобы для брата это было помехой. Я надеялся, что смогу сам артистически выразиться и отдать должное его музыкальной душе.

В итоге я познакомился со всеми рок–звёздами Сиэтла, но не все восприняли мою музыку. Большинству гитаристов вообще не понравилось моё появление на музыкальном горизонте. Они посчитали, что я не имел права брать в руки гитару, в ответ я только мило улыбался и отвечал:

— Простите меня, что я задел ваши чувства, я только следовал зову сердца.

Моё тело сопротивлялось моим попыткам выйти по открывшейся мне музыкальной тропе из тьмы наркотической зависимости. Все кругом знали об этом, в особенности, отец. И он решил, что пришло время включиться ему самому в спасение моей жизни. Он уже был стар и настаивал на моей отправке в реабилитационный центр. Он объяснил, что уже основал трастовый фонд специально для меня, назвав его моим детским прозвищем Bodacious, который составлял 25 процентов от Наследия. Он добавил сверх того 10 тысяч ежемесячно на моё лечение. Но даже после этого я не мог остановиться.

Прошёл ещё год или около того, прежде чем я смог сбросить верёвку со своей шеи. Это не было землетрясение и Скалистые горы не сдвинулись с места, и, может быть впервые, жизнь мне показала, что необходимо остановиться, прежде чем будет уже поздно. Это были мои дети, маленькие свидетели моего падения. Меня на обед пригласила моя дочь Тина. В гостиной на диване сидели все мои дети, у всех, у Джими, у Алекса, у Джейсона, у Ли–Энн и даже у совсем ещё маленькой Джонелль, у всех, было очень серьёзное выражение лица. Как будто по радио объявили начало войны. И когда они все стали наперебой укорять в моей неспособности противостоять наркотикам, я не смог возразить ни одним словом.

— Пожалуйста, папочка, прошу тебя, — сказала малышка Джонелль. — Все говорят, что ты умрёшь, если мы не поможем тебе.

Слёзы брызнули у меня из глаз от такого признания в любви. Они не хотели потерять меня, и более того, позаботились обо мне, несмотря на то, что все эти годы я не мог им предложить ни своей помощи, ни своей любви. Они зарезервировали для меня место в реабилитационном центре в Паседонии, штат Калифорния, с солнечными лучами и с тенями под пальмами.

— О, мне надо собраться, взять рубашки, брюки, я мигом домой и обратно…

— Реабцентр — это не показ мод, — серьёзным тоном сказала Тина. — Тебе уже пора в аэропорт, чтобы успеть на самолёт. У тебя нет времени заглянуть домой и нагрузиться в последний раз.

Как я выдержал тогда борьбу с собой, одному Богу известно, но я поехал. Я не собирался спорить с ними.

К счастью, дети не могли подражать мне и следовать моей дорогой, так как по большей части я не оставлял следов. Я никогда не вёл учёт своим сделкам и не записывал стрелки. И не дайте мне соврать, я никогда не подавал им плохого примера, но теперь у меня была прямая надежда подать им истинный пример мужества.

Я хорошо помню, как однажды один из моих сыновей сказал мне:

— Я хочу быть похожим на тебя, отец.

Ни в коем случае не делай этого, — ответил я ему, — Улица не способ жизни.

По–прошествии двух месяцев из положенных трёх лечения, я уговорил моего лечащего врача перевести меня в местечко под названием Дженесиз—Хаус, в реабилитационный центр на Шевиот–Хиллз в Лос–Анжелесе. Но когда через пару недель я решил пройтись и напился, они меня отчислили и, несмотря на то, что от сильнодействующих наркотиков меня почистили, я много раз был на грани, оставалось только переступить черту. Однако я был настроен серьёзно и ни разу не поддался искушению.

Моё будущее представлялось мне невероятно сумеречным, пока я не встретил Жасмин Рогг. Не прошло и пары дней после нашего знакомства, как она привела меня на встречу анонимных алкоголиков Лос–Анжелеса. Там я познакомился с людьми, для которых зависимость уже была вчерашним днём. Они все побывали там же, где и я, и понимали, куда могла бы увести меня такая жизнь.

Мы с Жасмин съехались и никогда не говорили о прошлом. За первый же месяц я полностью освободился и моя душа постепенно стала складываться из обломков. Много раз в предыдущие недели я думал, что это уже никогда со мной не

случится. Моё перерождение было столь быстрым, что скорее было похоже на чудо.

За всё время моих попыток выбраться из тьмы, я ни разу не вспомнил о наследии Джими и о делах Experience Hendrix. Просто в мыслях не было места. Но для отца было важно, чтобы мои дети вместе со мной заботились об этом в будущем. Понимая его желание обеспечить будущее своим внукам, я решил, пусть всё есть, как есть, пусть Жени и Бобби, который занял пост президента, этим занимаются. Я был уверен, что ему скоро надоест капаться в эпохе секса, наркотиков и рок–н–ролла, и, более того, он же сам мне говорил, что это может отрицательно сказаться на его положении в Костко. Вы подумаете, что это легкомысленный поступок с моей стороны, и будете правы, но я не придал тогда большого значения его неожиданному появлению.

Но чем большим потоком начинали стекаться деньги в Фонд Джими, тем всё большую активность показывала Жени во всех деловых проявлениях семьи Хендриксов. К сожалению, многие родственники были отвергнуты и в первую очередь, наша тётушка Долорес и наши двоюродные братья и сёстры с маминой стороны. Для них работа в Experience Hendrix уже была бы большим жизненным успехом, но их мечтам не было суждено осуществиться. Джими был бы очень недоволен поведением Жени по отношению к членам маминой семьи. Мы бы ничего не смогли сделать без помощи тётушки Долорес и многих других и теперь, вместо того, чтобы предложить им работу и заплатить по счетам, они были все просто отвергнуты.

Отец всем говорил, что он не компетентен в ведении дел и принятии решений и только ставил свою подпись на бумагах, необходимых, чтобы выиграть процесс против Лео Брантона и вернуть права в семью. И мне было бы интересно узнать, что думает каждый из участников на самом деле, изменилось ли что–либо к лучшему после решения суда? Отец по–прежнему считал себя некомпетентным и ему не с руки ворочать такой махиной, как наследие Джими, но понимает ли он теперь, под чем ставит свою подпись?

Жени переселилась к нему в Скайвей, симпатичное местечко в самом центре треугольника Сиэтл–Таквила–Рентон. Были разговоры о переезде отца в более просторный дом, но это не было его инициативой. Кроме того, миллионный комплекс у озера Вашингтон с малочисленным населением имел свою специальную автостоянку, поэтому отец не мог бы ставить свой грузовик у окон своего дома, и такой вариант его бы не заинтересовал. Перед своим домом в Скайвее он свободно

оставлял его прямо перед крыльцом, к чему он привык за свою долгую жизнь. В глубине своего сознания он считал, что всё может измениться в любую минуту, и пока у него есть его грузовик и его инструменты, он всегда сам сможет обеспечить себя, что бы ни произошло.

Здоровье его было уже не таким, как прежде. После операции на сердце в 80–х, состояние отца то менялось к лучшему, то, наоборот, ему становилось хуже.

Жени и Бобби определили его в дорогой санаторий по уходу за престарелыми, расположенный недалеко от центра Сиэтла. Когда мы с Жасмин навестили его там, отец сидел и смотрел телевизор. На столе у кровати лежала стопка дисков, некоторые из них были с моими записями. Но как только он заговорил, то сразу превратился в нашего отца, которого мы знали прежде.

— Эй, парень, иди–ка и переключи программу, — обратился он ко мне.

Затем он повернулся к Жасмин.

— Милочка, не могла бы ты растереть мне ноги, он побаливают, как всегда. Вот так, спасибо.

Но месяцы шли, а состояние отца не улучшалось. У него были застойные явления в сердце и новый клапан, который ему пересадили, был отторгнут. Пришлось даже вшить ему стимулятор сердца. Жени заручилась властью адвоката и не считала нужным держать меня в курсе своих дел. Отец же то находился дома, то его снова отправляли в центр, когда ему требовался специальный уход.

Про мои отношения с Жени и Бобби нельзя сказать, что они улучшились, но то, что отцу приходилось периодически прибегать к медицинской помощи, это всех нас одинаково беспокоило.

В декабре 1999 года Жени уговорила отца написать автобиографию "Мой сын Джими", которую она помогла ему издать. Читать её было невозможно. Отцовская память уже давно была затуманена и большая часть его мемуаров ничего общего не имели с действительными событиями нашего детства. Алкоголь делает странные вещи с человеческой памятью. В книге много, я имею в виду именно много, полуправд. Но одно из самых комических описаний связано с нашим питанием, о том, как отец готовил нам завтраки, обеды и ужины и с каким удовольствием мы уплетали хлопья с молоком, ореховое масло и джемы, варёные яйца с беконом, бананы, яблоки, апельсины, арбузы, разнообразные салаты, хот–доги, пирожные, пироги, рулеты с корицей и мороженное. Читая эти пассажи можно подумать, что мы с Джими росли в лавке бакалейщика. Приведу ещё несколько

особенно понравившихся мне моментов из отцовской книги: отец настаивает, что никакой автокатастрофы с участием меня, брата и мамы не было, клянётся, что никогда мы с братом не встречали Малыша Ричарда, когда были ещё подростками и во времена бродяжничества никогда он нас не брал с собой в игорные дома. Наиболее нелепое заявление, напечатанное на страницах его книги, это — "Джимми не встречался с Леоном после семи лет."

Полистав книгу, я позвонил отцу.

— Книга? Какая книга? Я не знаю никакой книги, — ответил мне голос отца в телефонной трубке.

Трудно было удержаться от улыбки. О, мой Бог, я любил отца. И совершенно неважно, что произошло между нами за все эти годы, он был замечательным человеком. Хотя я и был страшно разочарован, прочитав его книгу, я не собирался укорять его. Это была не его вина.

— Всё в порядке, не бери в голову, — ответил я ему. — Совершенно незачем тебе знать, что они там понаписали в ней, я люблю тебя, отец.

— И я люблю тебя, сынок.

То, что напечатала Жени, несёт в себе идеальные конструкции мемуаров. И снова, она талантливо переписывает историю. Я заметил множество несоответствий, касающихся нашего с братом детства, моя роль последовательно исчезает из истории жизни Джими Хендрикса, а на оборотной стороне пластинки печатается история самой Жени, как идеального члена семьи Хендриксов.

Следующие два года для Жени и Бобби как будто не существовало ни меня, ни моей семьи. Но это не из–за критического моего отношения к опусу, который они приписали моему отцу. Оглядываясь назад, я стал понимать, что я реально стоял на их пути. Помню, несколько раз, когда я приходил навестить отца в университетской больнице, я находил своё имя в списке лиц, которым отказано в посещении. Когда же я всё же добился, чтобы мне выписали пропуск, отец уже не мог ничего говорить, только крепко сжимал в руке мою музыку, выпущенную на дисках. Он мог только подавать знаки глазами и улыбаться. Было горько наблюдать, как уходит жизнь, но я крепился и пытался поддержать его, как только мог. Он знал, что я где–то рядом, в палате. Бессомненно, он любил меня. Жени распускала слухи, что я совершенно не интересуюсь состоянием здоровья отца и со своей стороны делала всё от неё зависящее, чтобы я поменьше виделся с отцом. Не знаю, было ли это из–за того, что я мог помешать ей, или она действительно так пеклась о здоровье моего отца.

До сих пор я не могу с уверенностью сказать, рассчитывали ли они на меня. Все эти годы я бесчисленное количество раз убеждался, что Жени не принесло бы большой радости моё участие в управлении музыкальным наследием брата. Приведу небольшой пример, Жени продала лицензию фирме Рибок на использование его песни Are You Experienced? в коммерческих целях. Я же уверен, что брат на это среагировал бы большим "нет–нет и ещё раз нет."

Другие её музыкальные издательские попытки не лучше. Многие записи, изданные ею за прошедшие годы, составлены из песен и джемов, которые, я уверен, брат не хотел бы выносить на общественное обсуждение. У меня кровь застыла в жилах, когда я впервые увидел, имя Жени на обложке коробки дисков, в роли продюсера этого издания. В самом начале я был полностью на её стороне, ведь реставрировать и издать старые записи Джими — это большое дело. Но как показало время, выпускался сырой, недоработанный материал, чего сам бы Джими никогда не допустил, будь он жив. Выпуск посмертных альбомов есть ничего больше, чем просто денежная авантюра.

Думаю, эти люди не представляют ясно, что делают. Перетасовывая музыку Джими, переиздавая, перемикшировая, они занимаются перепродюсированием и переменеджированием. Они насыщают рынок множеством одинаковых записей в разных обложках. Ремастеринг — это трюк по выманиванию денег на одном и том же материале. Три жизни брат выпустил всего три альбома, Are You Experienced, Axis: Bold as Love и Electric Ladyland и все они составлены им самим. Помимо этого все другие издания были решением других. Как много раз вы смогли бы продать одно и то же? Мой брат никогда бы на это не пошёл. Я слышу его голос:

— Зачем на пластинку помещать несколько версий одной и той же вещи? В чём прикол?

Глава 16. Без отца

Отец умер 17 апреля 2002 в своём доме в Сиэтле. Мы с Жасмин были в Лос–Анжелесе, когда услышали, как диктор объявил об этом в утренних новостях. Затем позвонила его экономка и рассказала подробности. Последние годы у отца было слабое здоровье, но ему же было уже 82 и если вспомнить какой образ жизни он вёл, для всех было неожиданностью, что отец дожил до столь преклонного возраста.

Отец умер и в этом нельзя винить никого, но я просто обязан был приехать на похороны со своими детьми, где встретил людей, испытывающих ко мне чувство презрения. Переступив порог баптистской церкви Горы Сиона, я сразу почувствовал дурной запах. Для моей семьи были приготовлены места в боковом нефе, тогда как Жени со своей семьёй заняли места непосредственно в самом центре. Создалось впечатление, что женщина, обязанная произнести панегирик по отцу, перепутала место и время и произнесла хвалебную оду в честь Жени. В первые же слова она вложила насколько любящей и заботливой дочерью была Жени для моего отца и как много надежд он на неё возлагал. Я еле сдержался, чтобы не вскочить со скамьи и не крикнуть всем собравшимся, "Стойте! Это похороны моего отца, а не пиар–кампания Жени!"

Ситуация нисколько не улучшилась, когда мы приехали на кладбище Гринвуд—Мемориал-Парк, где был похоронен Джими. Жени с Бобби заняли первый ряд, нашей же семье даже не хватило стульев. И как если бы этого было недостаточно, все родственники Жени удобно расселись под тентом, в то время как родственники моего отца и его друзья встали тесным кольцом, пытаясь укрыться от дождя. Здесь я взорвался, я пошёл прямо по проходу и сказал, чтобы те подвинулись и дали моей семье тоже сесть. Не поверите, они тут же разбежались как тараканы. Думаю, они прочли по моему лицу, что шутить я не собирался.

Но когда, во время торжественной церемонии с флагом, офицер подошёл ко мне и протянул его мне, Жени вскочила со своего места и, подпрыгнув ко мне, выхватила флаг из его рук. По обычаю, если кто–то из супругов умирает, флаг полагается держать сыну умершего или дочери по старшинству, но никак не приёмной, и притом самой младшей, дочери. Видели бы вы, как исказилось её лицо! Но насколько я её уже узнал, это было всего лишь цветочки.

Мы не только не были приглашены, но и сами не хотели иметь ничего общего с приёмом, устроенным Жени в память о

моём отце. Мы отправились в город, где был заказан нами ресторан и, уважая обычаи, я протянул Жени и Бобби приглашения, напечатанные мною заранее, но они тут же были разорваны ими и брошены на землю. Ну, что ж, это их промах, они сами этого хотели. На устроенные нами поминки собралась вся наша огромная семья, и пришло столько друзей, что они с трудом разместились, многих я не видел много лет. Это была величайшая дань моему отцу.

Чтение завещания было назначено на следующее утро. Не могу вам сказать, насколько я был огорчён и удивлён, когда узнал, что меня даже не пригласили на эту церемонию. Моё сердце сжалось перед пугающей очевидностью, что всё идёт совсем не так, как должно идти. Только спустя несколько дней моему адвокату удалось получить копию отцовского завещания. После того, как я прибыл к нему в контору, он плотно прикрыл за мною дверь.

— Они прислали по почте твоё наследство, — сообщил он мне.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Это трудно объяснить в двух словах, Леон, прости.

Он обратил моё внимание на пол, где стояла уже распечатанная коробка. Он водрузил её на стол и достал из неё золотую сорокопятку Джими.

— Это что, шутка? — воскликнул я, поднимаясь со стула.

— Полагаю, ты близок к правде. Пересмотрев бумаги, я понял, что у тебя большие проблемы.

Он помолчал, потом взглянул мне в глаза.

— Ты вычеркнут из отцовского завещания.

Нет необходимости говорить, что я потерял дар речи. Когда я, наконец, взглянул на бумаги, мои 25 процентов наследия Джими, которые составляли Фонд Сорванца, полностью исчезли. Мой адвокат уверил меня, что моё имя фигурировало во всех предыдущих вариантах отцовского завещания, вплоть до этого, последнего, которое отец переписал 4 года назад в 1998 году. Я просидел в конторе моего адвоката до самого закрытия, может час, а может ещё дольше, читая и перечитывая строчку, касающуюся меня: "одна золотая сорокопятка"… по выбору Жени.

Я отбросил стул и уставился в потолок, думая найти там решение проблемы. Затем меня осенило. Я вспомнил один случай. Где–то в конце 80–х воры забрались в отцовский дом и украли со стены золотые пластинки Джими. Очевидно, все эти годы Жени считала, что это сделал я. Нелепое предположение, но оно также нелепо, как всё, что она делает. Зачем мне инсценировать кражу наших семейных реликвий? С тех пор, что

бы я ни говорил, я не мог изменить её убеждения.

И это не могло быть моим наследством, это было её местью.

Мой адвокат обратил моё внимание на приложение к отцовскому завещанию, в котором говорилось, что Жени принадлежит 48 процентов наследия. Это же практически половина всего! Возмутительная ситуация. Без сомнения, меня вырезали из отцовского завещания. К сожалению, в то время у меня не было денег, чтобы начать борьбу. Я был в полном расстройстве и почти потерял надежду, когда один из сиэтловских антрепренёров, Крейг Диффенбах, образовался на горизонте и вложил свои собственные деньги в начало борьбы за моё наследство. С деньгами Крейга мой адвокат, Боб Каррэн, и я 16 августа 2002 года подали иск на возвращение моей доли наследства. Мы обвинили Жени, по словам моего адвоката, "воспользовавшуюся его доверием в личных целях" с тем, чтобы отец изменил своё завещание. Сам бы отец никогда не вычеркнул моё имя. Мы — Хендриксы по крови и он любил своих внуков больше всего на свете.

В ходе расследования выяснилось, что по требованию Жени отец и Джими были тайно среди ночи перезахоронены дальше по аллеи от того места, где они были первоначально захоронены. Всё это было сделано раньше, за несколько месяцев, и узнал я об этой секретной операции случайно, от репортёра, спросившего меня во время интервью, почему я не попрепятствовал этому. Не слишком ли громко было сказано "покойтесь с миром", думал я тогда. Болью в моём сердце отозвался этот миллионный мемориал, куда перенесли отца и Джими, в то время как наша мама лежит где–то поблизости в безымянной могиле. Жени действовала самостоятельно и даже не сочла необходимым посоветоваться со мной.

Моё дело медленно переползло в следующий год, обрастая исписанными страницами. На протяжении всего времени и Жени, и Бобби делали вид, что сильно удивлены тому, что отец исключил меня из своего завещания. Они постоянно повторяли, что изменения в завещании отец сделал без их участия. Жени и Бобби даже выдвинули предположение, что основной причиной этому послужила моя наркомания. Возможно, им бы удалось убедить в этом судью, но только не меня.

Я оказался не одинок в оценке деятельности Жени. Её старшая сестра Линда и наша двоюродная сестра Диана объединили со мной свои усилия и подали иск, обвиняя Жени в управлении отцовским фондом в свою пользу, не считаясь с другими членами семьи, хотя их имена и упомянуты в завещании. Мы хотели снять с Жени полномочия распорядителя и сместить

их обоих, и Жени, и Бобби с поста управления всеми семейными компаниями. Также мы хотели, чтобы суд присудил им возместить нам всем убытки. Прошло уже более двух лет со смерти отца, а тяжба всё ещё не сдвинулась с места. Более того, Жени заявила, что ни о каких отчислениях из фонда и речи не может быть из–за моего иска против компании Experience Hendrix. И как всегда я стал для всех козлом отпущения.

Моё дело не рассматривалось в суде вплоть до 28 июня 2004 года, почти 2 года спустя, как оно началось. Ещё мы обвинили Жени и Бобби в использовании с первого же дня своего служебного положения в личных целях, а также в растратах миллионов из фонда компании. Один из адвокатов, Дэвид Озгуд, представляющий двоюродную сестру Диану и мою сводную сестру Линду, выяснил, что Жени и Бобби не только позволили себе взять из фонда денеги на покупку шикарных домов, но и установили сами себе огромные оклады и выписывали себе единовременные премии весь предыдущий год. Адвокаты выяснили также, что за это же время Experience Hendrix не отчислила ни одного пенни доверителям, среди которых было много наших родственников.

Свидетели шли один за другим все следующие 2 месяца, все, от моей тётушки Долорес, заявившей, что отец всегда обещал ей, что его внуки и я будут обеспечены, до многих друзей детства Джими, таких как Джимми Вильямс, которые также свидетельствовали в мою пользу. Полагаю, если вам вздумалось бы собрать общественное мнение, но не тех, кто присутствовал на суде, и не Жени с Бобби и их команду, вы подумали бы, что меня правильно вычеркнули из отцовского завещания.

В ходе слушания меня, по просьбе Джаджа Рэмсделла, даже проверили на ДНК, чтобы установить, являлся ли мой отец мне отцом или нет. Однако Джадж Рэмсделл безапелляционно заявил, что результаты теста не имеют никакого значения и, как говорится, запечатал их в конверт. Но что бы этот тест ни показал, Эл Хендрикс, был моим отцом. Он всегда был моим отцом и этого никогда не изменить.

Все эти семь недель я был очень занят своими музыкальными проектами и старался держаться на уровне. Одна из самых известных сиэтловских фирм была моим спонсором и я чувствовал себя в надёжных руках. Хотя мои адвокаты слишком самоуверенно вели дело, я был совершенно спокоен. Если я выиграю, я стану главой трастового фонда, который отец собирался создать для своих внуков и меня. Если суд повернётся в другую сторону, я просто буду сам заботиться о своей жизни. Смысл не в исходе дела, я не собирался позволять кому–то

унижать меня.

24 сентября 2004, спустя чуть более двух лет моей борьбы с Жени, Джадж Рэмсделл довёл до сведения моих адвокатов, что готов сделать заключение. Я вошёл в переполненный зал заседаний, окружённый моими друзьями и членами нашей семьи, которые, чтобы показать свою поддержку, надели футболки с надписью ЕГО НАСЛЕДИЕ ЖИВЁТ В ЕГО СЕМЬЕ И В ЕГО ДРУЗЬЯХ И КРОВЬ ДЖИМИ БЕЖИТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ К НИМ.

Каждый надеялся на лучшее, но, к сожалению, это оказалось не нашим днём.

Заключение заняло 35 страниц, судья зачитал отцовское завещание 1998 года и подтвердил моё право только на одну золотую сорокопятку. На заявление, что Жени воспользовалась доверием в личных целях, судья уверил нас, что это дела не касается и смещать её с поста председателя он не собирается, но впредь обязал её лучше следить за временем выплаты процентов доверителям. Это была наша крошечная победа и первый шаг в верном направлении.

Я заранее был готов к любому исходу. Но я отказался позволять судье отправлять мою жизнь в мусор. Моя семья была слишком крепка, чтобы сдавать позиции. Во время процесса я готов был к самому худшему. Тяжёлые времена меня не пугали, я испытывал их всю свою жизнь. Ничего нового они не могли принести мне. Я мог стать нищим и выкинутым на улицу, после того как истратил все свои деньги на судебные издержки, но я никогда не позволил бы себе жить и умереть с такой вопиющей несправедливостью.

Мы проиграли, но никто из нашей семьи и тем более я, не стали предаваться унынию. У нас была возможность подать апелляцию. Я улыбался, покидая зал суда. Уверен, многие репортёры и газетные обозреватели подумали, что я сошёл с ума. Но я, впервые за все годы, почувствовал уверенность после заключения судьи. И, несмотря на то, что нашу апелляцию отклонили, а позже и Верховный суд поступил также, чувствовалось, что моя команда только от этого выиграла, укрепив свои силы в борьбе. Что сделано, то сделано. Настало время двигаться вперёд.

Хотя для некоторых это могло показаться финишем на моём пути, долгий путь потерь привёл к великолепному преображению в моей семье. Это заключение суда позволило мне освободиться и идти своим собственным путём, а не завязнуть в официально–легальном крючкотворном бизнесе. Мы с Жасмин остались ещё ненадолго в Сиэтле, но затем вернулись в Лос–Анжелес и купили там дом. Всю мою жизнь я твёрдо стоял на ногах и теперь, я не

видел причин, изменять своим привычкам. Вернулось всё, чем я обладал, мои картины, моя музыка, а это не так уж мало. Трудностям и беспокойствам не нашлось места в моём жизнерадостном сердце. И совершенно неважно, что произошло, важно то, что в душе моей мир.

Эпилог

Оглядываясь назад, у меня взрываются мозги от того, сколько успел мой брат за свою короткую жизнь. Для миллионов человек по всему свету он единственный и неповторимый Джими Хендрикс, волшебник гитары, левша, опровергший все устои сценического мастерства. Он за свои короткие три года предопределил все возможности электрической гитары и изменил музыкальный мир. Его студийные альбомы давно уже стали классикой и вошли в историю. Но даже сегодня его миф обрастает поклонниками из нынешнего поколения.

И пусть за моей спиной говорят что угодно, я вижу своей целью сберечь славу Хендрикса и всеми силами хочу поддержать дух Джими и его музыкальное наследие. Я не играю как брат. Никто не сможет так сыграть. Но я работаю над своим стилем и люди кругом очень доброжелательны. Невероятно радостно видеть, как они собираются на мои концерты, чтобы послушать мою игру. Сегодня мне представилась счастливая возможность прожить второй раз своё детство. Моё первое потерялось в чужих семьях и на улицах Сиэтла. Я пишу эти строки, только что вернувшись из гастролей по Италии, где меня встречали каждый вечер восторженные толпы поклонников. За всю свою жизнь я не был так счастлив и не чувствовал себя так гармонично как сейчас.

Потребовалось очень много усилий и времени, чтобы подробно вспомнить шаг за шагом мою жизнь, моё детство, прошедшее в чужих семьях, и время, проведённое мною в исправительной колонии Монро. Но эти усилия принесли мне огромное облегчение. Я вновь смог пережить также и лучшие моменты моей жизни. Один из самых важных уроков, который я усвоил, это то, что жизнь так коротка, чтобы держать зло на мою семью или кого–либо ещё. Надеюсь, люди понимают, что можно, а что нельзя им делать. И верю, в конце жизни им придётся держать ответ за все свои проступки.

Я знаю, что никогда не был примерным сыном, особенно в годы тьмы. Но моя семья не должна была быть вычеркнута из отцовского завещания. Я уверен, что не этого хотел мой отец и никто не сможет меня убедить в обратном. Поэтому мне нельзя сдаваться и сворачивать с верного пути. И хотя многое было не так в моей семье все эти годы, прошлое не должно превратить в руины наше будущее. Всё должно быть у нас самым лучшим.

Говорят, каждый получает по заслугам, так что в какой–то степени я могу своим примером подтвердить, что Высшие Силы полагают, что я не достоин ничего другого из наследия моего

брата. Друзья говорят даже, что мой проигрыш в суде против Жени спас мне жизнь, что если бы в мои руки попали деньги фонда, страшно подумать, что бы я с ними мог сделать. У меня в голове большая часть их уже была растрачена. Во–первых, я бы позаботился о своих детях, далее я бы купил роскошную яхту и жил бы остаток своих лет, плавая где–нибудь в тропиках или около Таити. Но в этом случае, я возможно никогда бы не был спасён Музыкой, торчал бы как в худшие годы и остался бы игроком на все времена. Гитара бы никогда не вывела бы меня из Тьмы и не выправила бы мою психику.

Уже прошло 13 лет с того дня как я решил завязать, но до сих пор, каждый день проходит в борьбе с Искушением. Но если я сдамся хоть на один единственный раз, это будет мой конец. Мне необходимо подальше быть от опасных соблазнов. Одно упущение, одна поблажка может превратиться в недели, в месяцы непрерывного поиска кайфа. Всего один раз вернёт меня в Начало. Ради меня самого, ради моей семьи я не могу допустить этого.

К счастью, после истории с официальной борьбой, я вошёл во вкус судебных тяжб. И в феврале 2011 года суд принял решение, что "право на публикацию" моего брата (т. е. право на использование его имени и изображения) не передаётся по наследству. Таким образом, ни Жени, ни её компания Experience Hendrix не могут пользоваться этим правом, чтобы помешать мне указывать на личное сходство, либо пользоваться именами Хендрикс и Джими Хендрикс, помещая их на моих афишах рядом с моим изображением. Очень горько, что каждую букву приходится защищать в суде, но я уже близок к тому, что необходимо убедить Жени работать сообща. К сожалению она не оставляет в покое наши прошлые разногласия и не собирается сотрудничать.

После всех этих официальных баталий, последние заключения судов приносят небольшое облегчение, теперь, по крайней мере, я могу пользоваться частично брендом моего брата и сохранить за своей семьёй некоторый контроль над наследием Джими.

Теперь, когда мои внуки упадут и заплачут, расшибив колено, или мои дети попадут в затруднительное положение, я скажу им, подтянуть ремни и не реветь, и, как всегда говорил отец в таких случаях: "Ещё много шишек встретите вы на своём пути." А вам скажу, что успех зависит от того, сможете ли вы из ваших падений вынести урок или нет и вам не измерить его длиной вашего автомобиля или роскошью вашего дома.

Много раз я мысленно возвращаюсь в те дни, когда мы с

Джими оставались наедине, и в трудные дни бродяжничества по улицам Сиэтла, и в дни славы, колеся по Голливуду на лимузинах. Тот полдень, когда мы расчищали гараж миссис Максвелл, казалось, был только вчера. Закрывая глаза, я вижу Джими, дёргающего единственную струну на старой повидавшей виды маленькой укелеле. Хотел бы я знать, куда она потом исчезла. Думаю, она может быть где угодно, может быть даже в одном из сараев или гаражей моих древних тётушек. А может, она похоронена в горе старых вещей, скопившихся в подвале моего отца, а может быть заперта в одном из его сундуков. Это как поиск сокровищ без карты на одном из необитаемых островов.

Благодарю Бога, что он мне дал мозги, чтобы сохранить солнечно–яркий Фендер—Стратокастер 1964 года, который подарил мне однажды брат. Эта та гитара, которую любой хотел бы подержать в руках. Один деловой человек даже предлагал мне за неё миллион. Но как я её могу продать, какую цену я сам за неё заплатил? Она единственное моё сокровище и я приложу все свои усилия, чтобы она навсегда осталась в семье Хендриксов. И пока я ещё брожу по этой земле, она никогда не продастся, потому что она буквально единственное, что у меня осталось от тех лет и, более того, единственная вещь, которая связана с моим братом.

И что бы со мной не происходило, не могу представить, чтобы мне захотелось, что–либо изменить в моей жизни. Вот я путешествую по всему свету и живу как рок–звезда. Бац, кто–то подбросил монету, и я уже сижу в узкой камере и ничего у меня нет, кроме желания выжить. Самое величайшее достижение моей жизни, это то, что я просто остался жив, продвигаясь день за днём сквозь тьму наркотиков, в поисках лучшей жизни. Сегодня у меня прекрасная семья, полная замечательными внуками. Может у меня нет столько денег, как считают многие, но я всё ещё невероятно силён в любви.

Вот, совсем недавно мне исполнилось 64. Я понимаю, что пропустил ужасно много, когда нагружался изо дня в день и когда не было у меня цели кроме, как найти кайф на следующий раз. Сожаление всегда было для меня слишком сильным словом, но, если бы я мог хоть одно сделать по–другому, я бы смог уделить больше внимания своим детям, когда они были маленькими.

Оглядываясь назад, мне бы следовало серьёзнее отнестись к вопросу брата, когда он спросил меня, чем я собираюсь заняться, потому что было уже почти совсем поздно, когда я взял в руки гитару. Мне бы следовало стать музыкантом гораздо раньше, но я был на орбите, и мне было не до того, чтобы наводить в своей жизни порядок. Передо мной захлопнулась дверь в музыкальное

пространство, я даже не мог поднять ногу, чтобы перешагнуть порог. Состояние ежедневной зависимости, о какой музыке могла быть речь? Многие музыканты пали жертвой наркотиков и всегда рушились их карьеры. В моём случае всё получилось наоборот. Потребовались годы наркотического дна, понять, что моя единственно верная страсть это музыка. Я, не без помощи Бога и глубокой любви и поддержки со стороны моей семьи и друзей, я вырулил. Разозлившись на меня, Бог закрыл мои глаза, а сам отвернулся. Годы я постоянно избегал его. Но как только я обрёл желание и испросил у него помощи и прощения, всё поменялось в моей жизни к лучшему.

Я уверен, что здесь не обошлось без Бастера. Это он вывёл меня, указав путь. И сейчас, когда я испытываю трудности во время моих выступлений, я думаю о нём и он приходит мне на помощь. И я слышу, как он говорит мне:

— Зажми здесь, Леон. Оттяни эти струны. Если плоско ударить, держи, пока не придёт нужная нота.

Часто, узнав кто я, меня спрашивают:

— Не сложно ли быть братом Джими Хендрикса?

Обычно я улыбаюсь в ответ и говорю:

— Не знаю, я об этом не думал.

Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал брата. И что бы ни произошло в моей жизни, я никогда не забуду его фантастические рассказы и то, чему он меня учил. К тому же он продолжает жить в искусстве, которому положил начало, и с каждым новым поколением оставляет после себя следы признательности и любви. Встречая его поклонников, разговаривая с ними о нём, я чувствую за своей спиной присутствие Бастера. Мы всё ещё продолжаем наши ежедневные приключения и поиски. И этому путешествию не видно конца.

Благодарю вас за свою жизнь

В первую очередь хочу поблагодарить тебя, нашу маму, Люсиль Джетер Хендрикс, за то, что принесла Джими и меня в этот мир. Твоё жизнелюбие сильнее, чем у всех кого мы знали после тебя, мы оба гордимся, что ты у нас была.

Мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто окружал меня заботой все годы.

Мою тётушку Долорес, за заботу о Джими и обо мне, когда мы были малышами, несмотря на то, что ты была обременена своими детьми. Ты привела меня в свой дом и стала мне второй матерью. Ты осветила наши души любовью и навеки осталась в наших сердцах.

Мою тётю Эрнестину Бенсон — ты распахнула своё сердце нашей семье и дала нам кров в трудное время. Мы не забудем твою заботу и будем помнить записи Роберта Джонсона, Бо Диддли и Мадди Ватерса, которые ты давала нам слушать на своём древнем Диктафон–проигрывателе в ранние дни нашей юности.

Мою Кристин–Энн Нарансик, мать моих шестерых детей: Леонтин, ЛеАнна, Александр, Джейсон, Джими–Младший и Джонелль. Благодарю тебя, что ты строила свою жизнь вместе со мной все эти годы и сделала меня счастливым отцом этих шестерых замечательных детей. Я посылаю тебе всю мою любовь и благословение.

Моих детей, я надеюсь, вы понимаете, как много вы значите для меня. Всё, что я делаю сегодня, я делаю для вашего будущего счастья и гордости. Надеюсь, каждый из вас будет продвигать начатое мною, когда меня не станет. Я люблю вас всех.

Рэя–Райи Голдмана одного из лучших моих друзей и величайшего архивиста Джими Хендрикса. Ты помог мне с судами и приложил столько сил, чтобы поддержать нашу огромную семью Хендриксов. Мне страшно повезло в жизни иметь рядом такого друга.

Бобби Хендрикса, за наше детство, прошедшее вместе, в самые трудные годы. Для меня, для Джими ты был для нас всем внешним миром, а я ровнялся на вас обоих. Мы любили друг друга, и не потому, что были одной семьёй, но потому, что были друзьями.

Жени Хендрикс, неважно, что произошло между нами за эти годы, я люблю тебя, как свою младшую сестру. Благодарю тебя, что ты даришь вторую жизнь музыке. Да благословит тебя Господь.

Семью Вилеров и всех их детей, благодарю за то, что открыли перед нами двери своего дома и были нам вторыми родителями. И Бастер, и я всегда найдём место в наших сердцах для всех вас.

Моих других приёмных родителей, которые сыграли положительную роль в моём взрослении, тётю Мэрайю Стил, семью Джаксонов, семью Мэгвудов и семью Доминик. Без вас, без вашей поддержки, я не был бы сейчас здесь и не писал бы историю моей жизни. Благодарю за вашу любовь ко мне.

Тётушку Пэт, благодарю тебя за все те разы, что ты возилась со мной, когда отец оставлял меня на твоём крыльце. Ты и твоя дочь, Пэтти, были такими особенными. Я всегда с теплотой вспоминаю вас.

Адама Мичелла, за помощь в написании этой книги, что он собрал вместе все мои разрозненные мысли и воспоминания.

Эндрю Питсиколиса, моего делового партнёра и друга, который чуть не надорвал живот, сражаясь за меня в суде, за моё право иметь голос в деле наследия Хендрикса. Когда же надежда была потеряна, ты жертвовал всем, чтобы спасти мою семью и меня. Я горжусь дружбой с тобой и благодарю тебя за дружбу с моими детьми. Долгой жизни тебе, рок–искусство!

Алана Невинса, за то, что это рукопись обрела своих читателей. Без твоего чуткого руководства никогда бы не была издана эта книга.

Благодарю Роба Киркпатрика из издательства Томас Данн, посвятившего себя этому проекту, за проделанную титаническую работу.

Благодарю всех цыпочек, с которыми мы с Джими имели счастье быть знакомыми. И в счастливые, и в тяжёлые времена вы окружали нас своею любовью и теплом. Я одновременно и прошу вас извинить нас и также сильно благодарю. Вы останетесь для нас навсегда юными ангелами наших душ.

Мне потребовалась целая жизнь, чтобы найти тебя, мою единственную, Жасмин Рогг и я посвящаю этот рассказ о моей жизни тебе, той женщине, которая спасла мне жизнь. Люблю тебя.

Перевод Саши Виноградова, Анси, Верхняя Савойя, 24 августа 2014 года

Leon Hendrix, Adam Mitchell

Jimi Hendrix, A Brother's Story

2012, май, 1-е издание

Издательство: Thomas Dunne Books, St.Martin's Press, New York

ISBN: 978-0-312-66881-5 (в твёрдом переплёте)

eISBN: 978-1-250-01237-1 (в электронном виде)

JIMI HENDRIX

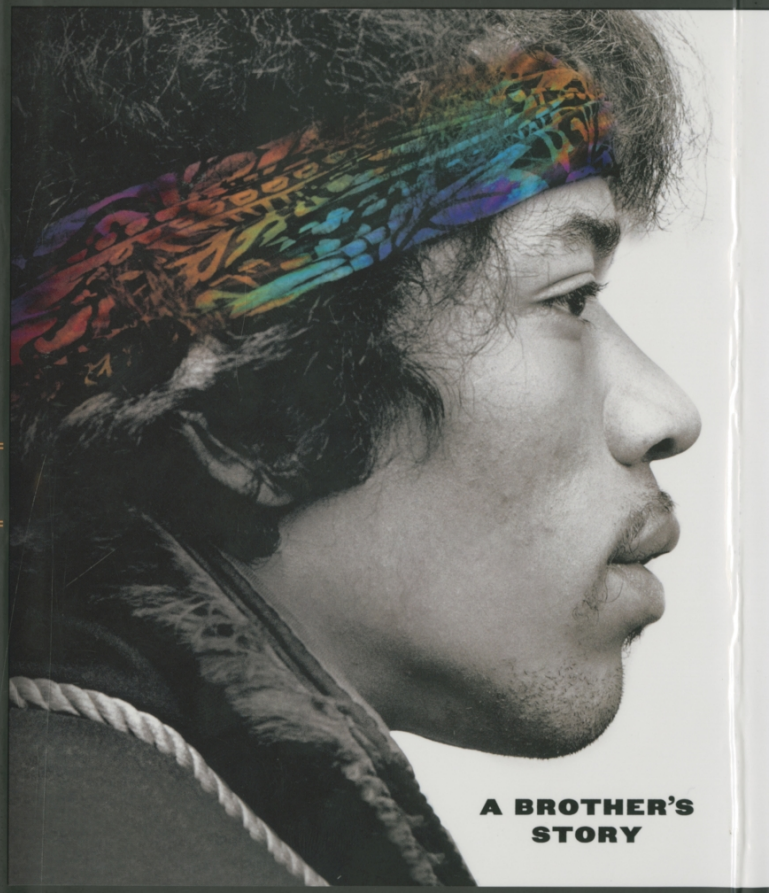
A BROTHER'S STORY

by LEON HENDRIX
with ADAM MITCHELL

THOMAS DUNNE BOOKS

ST. MARTIN'S PRESS

JIMI HENDRIX



A BROTHER'S STORY

by LEON HENDRIX

with ADAM MITCHELL

"A candid memoir of the Jimi Hendrix only he knew." —*Kirkus Reviews*

In this surprising and intimate depiction, Leon Hendrix vividly recounts his older brother Jimi's amazing rise to fame from their tough childhood in Seattle. From Jimi's experimentation with the sound of plucking wires attached to a bedpost to the moment he picked up his first stringed instrument, this is a fresh and personal look from the brother who was there from the beginning. Leon chronicles the complicated Hendrix family dynamic, the culture of sex and drugs that came with Jimi's stardom, and the devastation of Jimi's tragic death. *Jimi Hendrix: A Brother's Story* is a captivating account that sheds new light on a genuine music legend.

"Although several books have been written about the artist, this one has a different perspective since it is Jimi's life as seen through the eyes of his younger brother, Leon. This highly readable book reveals the origin and meaning of many of the classic Hendrix tunes, which Jimi often played for his brother over the phone while he composed and was on the road." —*Tucson Citizen*

"Mixed in with the Hendrix family melodrama are some great vignettes that truly give a glimpse of the real Jimi." —*Publishers Weekly*

"Leon Hendrix gives us an entirely new, life-size portrait of Jimi." —Joel Selvin, coauthor of the #1 *New York Times* bestseller *Red: My Uncensored Life in Rock*

"Memoirs about rock stars written by family members, friends, ex-wives, and quickie backstage assignations are a wildly divergent lot that alternately take the narrative tracks of score-settling, axe-grinding, deification, or exploitation. Fortunately, this effort by Jimi Hendrix's younger brother is a mostly sweet remembrance of the rock legend, heavy on tales of their youthful adventures (and misadventures) as Leon and the brother everyone called 'Buster' (after Flash Gordon serial actor Buster Crabbe and Jimi's love of science fiction) grew up under less than ideal circumstances. . . . This one celebrates the sweet, shy, protective older brother—who just happened to wear crazy clothes and set his guitar on fire." —*Houston Press*

"Provid[es] a dramatically different perspective." —*Booklist*

Cristina Arrigoni

LEON HENDRIX lives in Los Angeles and is pursuing his art and music full-time in the Leon Hendrix Band. In addition to touring across North America and Europe, he is also the owner of Rockin Artwork LLC, a company that licenses Jimi Hendrix's likeness and image.

ADAM MITCHELL is also the author of *Street Player: My Chicago Story* with legendary drummer Danny Seraphine. He lives in Los Angeles.

Cover design by Rob Grom
Cover photograph © Michael Ochs Archives/Corbis

www.thomasdunnebooks.com | www.stmartins.com

THOMAS DUNNE BOOKS
ST. MARTIN'S GRIFFIN
175 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10010
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA